

Труды Костромского Научного О-ва по изучению местного края.
Выпуск XVII.

М. М. Зимин.

Ковернинский край.

(Наблюдения и записи):

КОСТРОМА.
Коммунистическая типография.
1920.

1000 экз.

Издания Костромского Научного Общества по изучению местного края.

1. Программа для собирания этнографических предмет. Кострома, 1912 г. 20 стр. ц. 20 р.
2. Отчет о деятельности Костромского Научного Об-ва по изучению местного края за 1912 г (год 1-й, разошелся) 36 стр. ц. 10 р.
3. Отчет за 1913 год (2-й), 80 стр.
4. Отчет за 1914 год (3-й), 40 стр.
5. Отчет за 1915 год (4-й), 56 стр. } разошлись
6. Отчет за 1916 год (5-й), 40 стр.
7. Отчет за 1917 год (6-й), 56 стр. ц. 10 р.
8. Отчет за 1918 год (7-й), 34 стр. ц. 10 р.
9. Отчет за 1919 год (8-й), 20 стр. ц. 50 р.
10. Предварительные указания к изучению Костромской губ., Кострома, 1913 г., 24 стр. (разошлись)
11. Предварительные указания к изучению Костромской губ. Второе исправленное и дополнен. издание. Кострома, 1914 г., 24 стр. (разошлись)
12. То же, изд 3-е, 1916 г., 24 стр. ц. 25 р
13. Каталог Музея местного края 8 стр., 1919 г.
14. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. 1 (разошлись) 147 стр. Кострома, 1914 г.
- С о д е р ж а н и е:** В. Смирнов—И. В. Шулепников (некролог). М. Виноградов—Галичское озеро и галичский рыбный промысел. Е. Дюбюк—Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в дореформенное время. С. Барыков—Ученичество в отхожем малярном промысле в Воскресенской вол., Галичского уезда. А. Андроников—Народные сказки Костромской губ. Отдельные сообщения: В. Богушевского, Н. Сколзубова и В. Чарнецкого.
15. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. II, 100 стр. Кострома 1914 г. (разошлись).
- С о д е р ж а н и е:** А. Жадовский—Ботанические исследования в Костромской губернии летом 1913 г.
16. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. III, 184 стр., Кострома 1915 г. (разошлись).
- С о д е р ж а н и е:** Е. Дюбюк—Ветлужская вотчина Дурново в канун крестьянской реформы и в первые годы после нее. Подлинные документы Ветлужской вотчины Дурново. (Из собраний Д. П. Дементьева). В. Барыков—Из жизни села Парского, Юрьевского уезда, Костр. губ. П. Зорин—Как веселится черемисская молодежь. В. Смирнов—Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде, Костромской губернии.
17. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. IV, 100 стр. Кострома 1915 г. (разошлись).
- С о д е р ж а н и е:** В. Смирнов—Н. Л. Сколзубов. (некролог). А. Жаловский—К флоре Ветлужского края. Отчет о ботанических экскурсиях летом 1914 г. Его-же—Обзор литературы по флоре Костромской губ. Э. Шпор—Некоторые данные о цветении рясок.
18. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края, вып. V, 184 стр. Кострома 1916 г. (разошлись).
- С о д е р ж а н и е:** Костромская деревня в первое время войны по данным анкеты Об-ва. А. Языков—Общественная помощь призванным и их семьям. Л. Захарова—Влияние трезвости на жизнь Костромской деревни. Е. Дюбюк—Экономическое положение деревни осенью 1914 и зимой 1914—15 гг. В. Смирнов—Отношение деревни к войне. А. Виноградов—К анкете поволпросу о влиянии войны на жизнь местного края (корреспонденция)
19. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. VI. „Первый Лесной Сборник“, 332-й-II стр. Костр. 1917 г. (разошлись).
- С о д е р ж а н и е:** Г. Ф. Морозов—О типологическом изучении лесов. С. Барановский—Естественно-исторические условия роста и возобновления и типы лесонасаждений в связи с основаниями хозяйства в Потахинской и Палеговской казенных дачах Юрьевского лесничества, Костромской губ. В. Квецинский—О типах лесонасаждений в Изосимовской, Нагорной и Заречной дачах Кологривского уезда, Костромской губ. С. Витковский—Типы насаждений восточной и западной частей Изосимовской дачи, Кологривского у. А. Форст—Типы насаждений Екатеринбургской дачи, Ветлужского у. В. Матренинские—Леса Кологр. у. в естественно-историческом отношении.
20. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. VII. „Исторический Сборник“, 182 стр. Кострома 1917 г.
- С о д е р ж а н и е:** Сотная пригородка Кадау 1573 г. Сообщил И. Н. Ельчанинов. Описание города Буй, составленное инженер. поруч. Федором Перелешиним

Ковернинский край.

(Наблюдения и записи).

Помещая в настоящем сборнике часть записанных мною в Ковернинском крае, Костромской губернии, в 1914-16 и 19 гг. произведений народного творчества, я должен оговориться, что большая часть собранного мною материала записана совершенно случайно, во время служебных поездок, и не от известных рассказчиков-специалистов, а от заурядных крестьян-кустарей: сапожников, рогожников и других. Помимо того, делая первые опыты записей, я не был еще знаком с теми требованиями, какие необходимо соблюдать при записях, и не имел перед собой выработанного плана, да и служебные обязанности *) не всегда благоприятствовали систематической работе: то нужно было организовать большую выработку рогож и кожаных сапог, то срочно отправлять их в Кострому и т. п. Все эти дела мешали сбору материалов, да и не всегда на почве службы устанавливались с крестьянами-кустарями мирные, добрые отношения. что, разумеется, не оставалось без влияния на качество сборов. Поэтому-то в моих записях не мало недостатков, которые особенно ясны стали мне, когда я приступил к их обработке. К числу их надо отнести, прежде всего, недостаточно полное описание условий, при каких производилась та или иная запись (не всегда указано место, время, лицо, от которого записано) и, затем, не совсем точное воспроизведение народной речи со всеми ее особенностями. Хотя я и старался записывать все особенности местного говора, но Ковернинский край настолько разнообразен по своему наречью, что и опытному собирателю не легко записать крестьянскую речь безошибочно. Особенно трудно записывать, когда рассказывают сбивчиво или очень скоро—повторяются, плкются, сердятся и досадают на себя и свою забывчивость, а тут еще посторонние мешают своими замечаниями и поперечностью: „полно-ко, полно молоть-то не дело“, и тем окончательно сбивают и рассказчика и записывающего.

Приходилось не раз наблюдать, как свободно рассказывают крестьяне среди своих; совсем не так рассказывают они собирателю, они стесняются „чужих“ и боятся „подвоха“, а уж если переспросишь во время рассказа что-либо непонятное, тогда окончательно теряют вдохновение и сбиваются. Но случалось и так: после записи прочитаешь самому рассказчику, и он охотно замеченные пропуски и искажения своей речи исправляет.

При специальных расспросах о сохранившихся в той или другой местности народных произведениях мало что удалось записать.

*) С сентября 1913 г. по июнь 1917 г. состоял на службе в Костромском губернском Земстве в качестве кустарного старосты и проживал в Ковернино.

интересного, так как крестьяне никак не могут понять, что их „жистью“, „глупостями“ могут интересоваться „сурьезные“ люди, и думают, что или „с подвохом“, „гля налога“, или „гля просмешки“ записывают от них, почему и стараются, большею частью, рассказывать „скоромные“ вещи, неприличные по содержанию, или просто отнекиваются, говоря: „Мы люди темный, ничево не знам“, а иногда с сердцем прибавляют: „Этим бездельем занимаюгса только сытые и довольный люди, от неча делать“, или „ума рехнувший“, „дураки“. „Неуш-то, родимый, эки-то пустяки нужны гля пользы?“

Если крестьяне видят, что интересующийся их рассказами о (ет прилично, считают его „баринном“, думают, что занимается он от безделья и „обморачиват нас дураков“, а плохо одетого называют „оборвышем“, „котом“, „рванью“, и толкуют между собой: „Чай какой-нибудь кот.—хороший чиловек не будит бездельничать, гляй-ко матко! Эко-то дело, вон до чево довело парёнка-то—оборвался весь, не нашто не похож. Работать, видно, не охота, ну и шататся по белу-свету“. — „Што смотрит начальсво-то на их!“ Подобное приведенному не стесняются говорить прямо в глаза.

Главное—все чего-то опасаются. „Ты не очень, ему, родима моя, все рассказывай, што бы не вышло, спаси Бог, у евр хватит ума-то! Вон он какой дошлый, дотошный, все выпытыват“. Случайно вошедшая женщина во время рассказывания и записи сначала прислушивается, посмотрит—подозрительно, а потом дернет кого-либо поблизости стоящих и шопотом спросит: „Што этто у Вас за гась?“ — „Да бат из Кдстрома“. — „Знаш, рдная моя, он шпипит, все записыват, да сопчит в Кдстрому“. И так русский человек, наученный горьким опытом, крайне осторожен; он вместо своих рассказов предпочитает сам послушать приезжих из города. „Уж очен свое-то пригляделось, прислушалось и надоело“. Слушают чужих очень охотно, а также любят слушать „антиресные“ книги, при этом если ребенок „заревет“ (помешает слушать), то не стесняются и поколотить его. „Молчи, горлан эдакий, у!... гась-то разинул, настоящий родимый батюшка! али испужался гостя?“

Очень откровенны крестьяне с тем, кто сумеет дружески расположить их к себе. Любят они „простых“ людей и с ними всегда откровенней. Иногда, разговорившись совершенно случайно, расскажешь что-нибудь из своей жизни или о виденном и слышанном и этим невольно вызовешь на свободные разговоры и рассказы.

Довольно весело бывает и много можно услышать любопытных и интересных рассказов на „поседках“ у старух. Они собираются со всей деревни и даже из других деревень в один домик и прядут при лунном свете, „по месицу“, да в потемках „на память“, „ощупью“. Прядут и доселе иногда еще и на старинных прялках с резными раскрашенными донцами. К ним приходят старики, „девченки“ и парни. Рассказов всевозможных, сказок, легенд и воспоминаний—масса. Иногда расскажут какую-нибудь страшную небылицу, или „сбыль“ (быль), после которой девицы боятся выходить на улицу, да и больших-то „оторопь“, „жуть“ берёт а маленькие так те прямо заявляют: „мама боюсь“.

Также много интересного рассказывают „ходячие“ портные, не мало побродившие „по свету Божью“ с своей иглой, большими нож-

ницами и очками, перевязанными веревочкой, и „выдавшие много разных видов“. Кстати сказать, вообще сказки рассказываются и песни поются больше и чаще ремесленниками, чем заправскими крестьянами.

И юй раз где-нибудь в крестьянском доме ляжешь спать на полу или на полатях, и, как только погасят огонь, начнутся разные рассказы: „кто вошёт горазд“, и так досадно делается в это время не то, что не представляется возможным записать слышанное. Много интересного рассказывают перед Пасхой в церковных сторожках. Из дальних деревень приезжают или приходят с вечера „Страсти“ слушать не в „охочи“, ну, заберутся в сторожку, и начнутся рассказыванья. Осенью, в длинные вечера, в особенности „с праздника“ (в праздник), „спать то рано—не охота, да и делать-то неча“ (грех работать в праздник), тоже много рассказывают „всякой всячины“.

А как приятно слушать непринужденных и увлекающихся рассказчиков и песельников, видеть их позы и слышать их искренний голос и плавное тихое пение! Всем известно, что русский человек поет от радости, поет при горести, везде и во всем высказывая свои душевные настроения и переживания. Как верно ни передавай народную поэзию записью, но она сама по себе не так интересна, вот если бы можно было сопроводить запись фотографированием певцов и рассказчиков в момент пения или рассказа—и переюжением на ноты напевов, или воспроизведением их помощью фонографа—в таком виде запи и были бы куда интереснее.

Первый мой опыт в собирании народной поэзии относится к 1914 г., ко времени Русско-Германской войны Начал я свои записи с особо любимых деревней песни—„частушки“ Записывать „частушки“ очень легко, да и проверить записанное всегда можно, потому что „частушку“ слышишь повсюду. Вот по деревне идет партия подростков, и один из них играет на „игрушке“ (гармоника), а другие выкрикивают частушки, маленькие ребятишки вперегонки бегут за этой партией и подпевают и таким образом скоро звучивают эти песенки. Что недослышишь от одних, услышишь от других. Поют „частушки“ также и девушки, гуляя по деревне, по лугам, сидя у домов и „онбров“. Словом, частушка в полной моде, ее можно слышать везде и всюду: а, часто слыша, легко записать *).

В 1919 году, в августе—сентябре, я совершил первую специальную по собиранию народного творчества поездку, от Костромского Научного О-ва по изучению местного края, в Ковернинский и Макарьевский уезды. Надо сказать, что время, избранное для поездки, было неблагоприятным, так как, кроме общих хозяйственных неурядиц, крестьяне поголовно были заняты полевыми работами и ходьбой „за ягодам и за грибам“. Нередко приходилось встречать в деревнях лишь маленьких ребятишек, да дряхлых стариков, „которые едва бродят“, да занимаются „лёжкой на печи“. При таких обстоятельствах для записей и наблюдений приходилось пользоваться исключительно праздниками, когда крестьяне, по заведен-

* Частушки—моих записей—в значительном количестве находятся в архиве Костромского Научного О-ва, часть из них напечатана в V вып. Трудов Научного О-ва в статье В. Смирнова. Отношение деревни к войне, см. стр. 116, примечание.

ному обычаю, днем после обедни или вечером „гуляют“, сидят „осередь“ деревни у дома и толкуют о своих делах, или случайными встречами.

Признаться, в такую страдную пору, когда народ обливался горячим потом на работе, стыдно становилось отрывать людей от дела для такой „затеи“, как записывание песен и сказок. Бывало, знакомый, завидя издали, по доброте, достойной русского человека, бросает работу и торопливо шагает навстречу с распросом: „За чем Бог послал тебя к нам? по каким таким важным делам?“ и вдруг неожиданно удивляешь его ответом: „за песенками и сказками“. После такого ответа сразу замечаешь удивление на его лице и слышишь: „А я думал, дело како“, и тотчас торопится к своей работе. Можно уверенно полагать, что все такие оторванные мною от дела люди в душе, да, пожалуй, и открыто, ругали меня, что называется „вовсю“. Но, всетаки, при всех неудобствах, мне удалось кое-что сделать в эту поездку *) и записать немножко поосновательнее, чем это было в первый раз; конечно и теперь были недостатки, которые выясняются, к сожалению, позднее, уже при обработке материала. Однако, я думаю, что за все эти недостатки, пропуски и промахи не осудят меня собиратели народного творчества, знающие все трудности собирания, особенно приняв во внимание настоящее, вообще мало благоприятное для такой работы время, когда рассказчики боятся „пуще“ прежнего: „Года“ боялись „налогов“, а теперь тюрьмы; „молвил лишне слово, как-раз и угодил прямо в тюрьму“: „Али ище хуже тово“.

За последнее время сильно изменилась крестьянская жизнь, деревня переживает большую ломку—исчезают бесследно стародавние особенности и заменяются новыми, лишенными поэтической самобытности, сердечной искренности и простоты. Добрые старые обычаи рушатся. Гибнет настоящая народная поэзия, ее заменяет городская и фабричная, которая быстро, как зараза, проникает в самые медвежьи глухие уголки.

Особенно сильно изменилась жизнь деревни со времени революции, с тех пор, как стали появляться в деревне различные „политиканы“, „агитаторы“. Кроме того, многие из крестьян сами стали чаще бывать в городах и на чужой стороне, и, возвращаясь оттуда, они вносят в деревню некоторые новшества. Как везде и всюду, перемена в первую очередь сказывается в нарядах, но постепенно и внутренняя жизнь деревни перестраивается на новый лад.

Но несмотря на все эти изменения, все еще хранятся в некоторых местах губернии остатки прежнего народного творчества. Селения, отдаленные от центра, за лесами и за болотами, сохраняют еще свою старинку. Есть еще по глухим местам крестьяне, которые не тронуты городскими влияниями и хранят заветы стариков. В эти глухие места, пока еще не поздно, должны быть совершены поездки теми, кто интересуется народным бытом. Вообще мы переживаем время, когда с наблюдениями следует поспешить. Иначе, если своевременно, теперь же, не записать того, что сохранила еще народная память, то окончательно погибнет живая народная поэзия, не

*) См. отчет Костр. Научного О-ва за 1919 г., стр. 2.

оставив по себе и следа, а будущее поколение вовсе и не будет знать, как жили до него в данной местности, что пели и что рассказывали и чем развлекались.

Собиратели народной поэзии знают, как приятно самому собирателю обрабатывать свой материал; при обработке представляется всё: лица, от которых произведены записи, и все трудности записи от них, все мучительные и приятные переживания этого времени, ругань крестьян и приятные беседы с ними, веселые и скучные дни, несчастная погода, голод и холод, дорожные заболевания, солнечный блеск, сверканье снега, лес и поле. Все это сливается в цельный образ, дает как бы рамку для самых записей, фон для картины. С этим фоном я и хочу познакомить кратко читателя.

Место, где я записывал, так называемый „Ковернинский край“, край довольно своеобразный, сравнительно глухой, но интересный своей самобытностью, частью описанный Мельниковым - Печерским в его знаменитых „В лесах“. Центр этого края — с. Ковернино, недавно переименованное в уездный город. По рассказам стариков, Ковернино в прежнее время было деревней „Коверкино“, а в трех верстах от нее около и ныне существующей деревни Беляево стояло село Сорокино. Возле этой деревни протекает ручеек. Старики говорят, что на месте ручейка текла в прежнее время глубокая и широкая речка Беляевка, но вот сразу, „в ту же минуту“ пересохла, лишь только повезли последние части храма с. Сорокина в торговую деревню „Коверкино“. Говорят и по другому: в этой речке купался монах Беляевского монастыря и утонул, за это монахи и прокляли эту речку: „За то што черти в ей утащили монаха в безну“, после этого она будто и пересохла.

По рассказам достаточно сведующих лиц документы, характеризующие Ковернинский край с разных сторон, имелись при Ковернинском волостном правлении, но по распоряжению земского начальника были проданы торговцам на обертку товаров, почему, углубляясь в прошлое Ковернина, приходится довольствоваться одними показаниями старожилов.

С. Ковернино широко раскинуто в болотистом месте на речке Узоле, которая весной разливается и дает возможность сплавлять плоты; рядом стоящие кожевенные заводы грязнят воду и портят воздух; в селе несколько довольно различных деревянных и полукаменных построек и множество полуразвалившихся дояков, сараев и овинов. Осенью, и вообще в ненастную погоду бывает ужасная грязь. Я думаю, что если бы не каменная мостовая, „не каменка“, и не проехать бы и не пройти. Улицы с. Ковернина до 1913 г. освещались только мигающими керосиновыми фонарями, а с 1913 г. — керосино-калильными большими фонарями на высоких столбах, чему крестьяне радуются: „Как к Кинешне под'ежжашь, право!“

Ковернино находится в 40-45 верстах от Волги, в 100-110 верстах от железной дороги станции Кинешма; чтобы пробраться в Ковернино, не мало приходится перенести мучений. Весной и осенью многие селения, в особенности „залесные“, бывают лишены возможности недели по две бывать в Ковернине из-за разлива рек и вообще плохих дорог, поэтому заранее запасаются продуктами на Ковернинском базаре и материалом для работ от ковернинских раздатчиков.

Почтовое сообщение бывает три раза в неделю, но и то не всегда аккуратно; по селу Ковернину почта разносится почтальонами, а для деревень передается в сторожку волостного правления, где раскладывается по разным ящикам и часто перепутывается: один кто-нибудь из крестьян берет на всю деревню, бывает что и теряет или передает уж очень поздно. Я слышал, как один крестьянин говорил другому: „На-ко тебе письмо! стал одевать праздничный жилет, вижу, што то есь в ём, да и здумат, што это твое письмо, я взял его в Ковернине, не помню уж код*, в какой-то праздник“. Осенью, когда замерзает Волга, и весной, когда она проходит, Ковернино бывает совершенно отрезано от всего мира. Телефон, соединяющий с Макарьевым и Кинешмой (устроенный в 1914 г.), перерывается, почта не ходит с неделю и даже больше, и живет тогда Ковернино своей однообразной жизнью. Давно уже думают устроить ж. д., намечен был даже путь, „натыканы колошки“, но так и заглохло дело по случаю войны.

Но за то Ковернино „гремит“ своими большими „четверговскими“ базарами*), на которые привозится много льна мочала, рогож, муки, скотины, лошадей, сушеных грибов—местного сбора и привозных, в июле—августе масса муравьиных яиц, пушнины, зайчатины, дичи, привозной из Сибири—Ирбита, торгуют огурцами, горшками: „пяташниками“, „гривенными“, „мясными“, „кишниками“, „поляками“, „варенишниками“, лубочными картинками, лѣстовками, крестиками, образками, поясками, евангелиями, старинными и другими книгами и пр. и пр. Тогда все оживает, многочисленные самодельные торговые ларьки „шумят“, и около них толкается куча народа-покупателей. Особенно „велики“ базары бывают в ярмарочные дни: Вознесенье, Ильян день и Покров.

В самом селе торгуют скотиной и разными крестьянскими товарами. Около церкви торгуют льном и рогожами, тут же конная торговля, где цыгане гоняют своих „чуть живых“ лошадейнок,—бедняжка еле бежит от сильного хлестания кнутом, а цыгане хлещут безошадно и кричат: „ппру!“..., крестятся на церковь, хвля свою лошадь, надувая мужиков, всучивая им клячу или еле живую или с норовом лошадь. Рядом купцы обвешивают мужиков при покупке льна, а прасолы обсчитывают за купленную рогожу. Мужик чешет затылок, замечает неправильность: „што-то, паре, не так, ровно больше должн быть“. Но проверить никак не может: „не учон, паре, вот и ни могу никак сощитать“, а скупщик, уверяя его в своей правоте, опять и опять довольно умело обсчитывает мужика. В торговом обмене не имеют значения никакие различия веры, даже старообрядцы не видят в этом греха ибо: „про это нигде в священном писании не сказано ничево“.

В середине базара (села) часовенка, из которой ежеминутно слышится звон колокола, дяющий знать о сумме пожертвования, кто сколько пожертвовал „от своих праведных трудов“: копейку—так о ич удар, две—два удара и т. д. Иногда сторонние (публик) и посмеются над „поусердствовавшими“: „Ей! друг милый, што как мало

*) Несколько фотографических снимков с Ковернинских базаров доставлено мною Костр. Научн. О-ву.

положил? Кажись, слава Богу, есь отчево и поболе пожертвовать! Поди добафь*...

Вместе с тем крестьяне несколько скептически смотрят на судьбу своих пожертвований в церкви: „Ево, как церковнова старосту, не учтешь, подашь угодишку, а он берет себе; „ну, ладно, Бог с им, оч за это и в ответе перед Богом, на том свете с ево взыщется“.

На базары съезжаются крестьяне не только соседних, но и отдаленных селений. Крестьяне считают за большое праздничное удовольствие „погулять“ на Ковернинском базаре до полной усталости, до „фу-ты, как измучился, как устал-то, ух ты!“..., на базаре, на котором можно „видеть разный народ“, „встретяся“ с давно невидавшимися знакомыми, „поздаровкатся“ с „има“, узнать про здоровье, узнать все новости в округе и пр.

Бойкая торговля бывает в масленицу разной рыбой и медом на блины и оладьи, на каждом шагу попадаются с посудиною за медом, а купившие лжгут его, доставая пальцем. Только и слышится: „ц, хорош мѣд-от, неча баить, а намеднись я купила у С., совсем не такой“.

Из дальних селений с вечера пробираются в „Ковернино“ с товарами, скотиной да за покупкой. Всю ночь слышится крик людей да мычанье коров. Многие на возах и ночуют, а ближайšie рано утром, „чем свет“ едут и идут на базар, так что торговля начинается рано утром, а кончается в два часа дня.

Деревенская молодежь, празднично разодетая, расхаживает по селу, щелкая орешки-каленые или торопливо шелуша семечки. „Учительки“, „ученицы“, т. е. учительницы, скужавшие в своих медвежьих уголках, мерзнувшие в плохо натопленных и худых ш-олах, имевшие редкое удовольствие встретиться с подругами и попеть: „Медленно движется время“ и т. п., в четверги бросали ученье и шли на базар—гулять.

На базарах кучками толпятся высокого роста здоровые люди с широкими и длинными бородами и дряхлые старички—„начетчики“ разных толков, горячо споря о том: чья вера лучше, и каким крестом нужно молиться, чтобы спастись. Старики поднимают верху правую руку с „благословенным“ крестом: „вот каким нужно молиться!“ Православные оспаривают: „Этим только благословляют, а не молятся“, а на это старички, горячась, кричат: „да неужели вшей щепотью молятся? этим крестом только табак нюхают, а не молятся“, и в церкви-то у вас поют, точно песни на гуляньи, и разговоривают сѣ ровно, как на базаре, и иконами-то торгуют возам“.

Старообрядцы не давали проходу ни одному священнику православному, непременно остановят расспросами о священном писании: „Што сказано в такой-то главе такого-то пророка и апостола?“ и т. д. Кстати нужно сказать, что в Ковернинском крае есть православные священники из сапожников, (чем, между прочим, гордятся сапожники: „Не очень, брат, шути нам, и из нашева брата есь попы“). Совершенно мало знакомые с священным писанием, эти „попы“ стараются избегать „начетчиков“; да и не лишнее вообще заметить, что старообрядцы больше имеют познания священного писания, чем православные. При спорах они ссылаются на свои старинные рукописные книги, которые постоянно носят при себе,

в руках или за пазухой. Нередко в базарные и воскресные дни в православной церкви происходили беседы и привлекали многих слушателей, приезжали миссионеры. Интересно наблюдать упорство и стойкость старообрядцев, видишь у них массу старинных книг и удивляешься их огромной начитанности, памяти и знанию книжного старинного „священного“ писания.

Много интересных бытовых черточек можно наблюдать на базарах.

Вот напр. по базару ходит „простоватый“—мужичек с поднятою шапкой на коле (нанятый за рублевку) и кричит „во всю мочь“, „што ни ешь ситы и духу“: „Православные христиане, пропала овца черна. с двумя ягнятами, один белый, другой серый; если „объявится“ у ково, зявите в волосно правление!“

С ворами на базарах расправляются очень жестоко: 14 декабря 1917 г., в базарный день, около семи часов утра один крестьянин украл с вѣза мешок овса, за что и был убит на месте и приязан к телефонному столбу „на посрамление“. В это время в Ковернинском волостном арестном помещении находились пять человек за кражу, приведенные из других волостей, толпа потребовала и их. Никакие увещания, даже и священника, не успокоили—то тпу. Тогда священник причастил заключенных, после причастия сделали „духовну“ (словесное духовное завещание) и в нижнем белье выводили их из камеры, а толпа зверски набросилась на них а один из толпы, молодой человек, бил колуном (в числе пяти была одна женщина), а над трупами издевались: набросив на шею веревку, волокли по улице и повесили всех вместе на тот же телефонный „позорный“ столб, на котором уже висел первый. И так висели трупы до вечера. После от многих приходится слышать: „так и надо, а то дай им потачку, тогда ни напасется про ворья одних“ *).

Пожилые крестьяне, особенно котрые приехали с вечера, „умучившись“, управившись, закупив и сделав все нужное, забираются в трактиры и, не снимая верхней одежды, сидят и пьют чай с „кокурками“, мятными пряниками, особенно любимыми крестьянами, — я знал одного „мужичка“ („Гараню“-Герасима), который ел по 5 ф. за „приед“, но только чувствовал „тошнотасть“. Чай пьют по русски, не торопясь и выпивая десятки стаканов, вытирая полою или рукавом своей одежды „девятый пот“. За кипятком ходят сами, „штобы поскорее, а то половова не дождеся и не достучисся“. Пока пьют, по несколько раз выходят для освобождения живота и ругаются, если полове уберут со стола в момент отсутствия: „мы ищѣ не кончили, а ты убрал, деньги не уплатим—вот тогда будеш знать, как убирать безовремя“. В трактире все время стоит невозобримый крик, шум, жар и пар столбом.

* Отметим кстати, что в Ковернинской волости есть деревня Язино, она на „нехорошем“ счету, жители ее занимаются „воросьем“, подламывают „онбары“, сжижали на „одинова“ в тюрьме, и, где бы ни совершилась „кража“, всегда указывают, что это „неминуемое дело язинских“, — словом, крестьяне считают их отъявленными ворами, не раз поднимали вопрос об исключении этой деревни из „опчества“, „штобы духу их не было в нашей волости, и не срамили волось“, но некоторая боязнь не давала смелости крестьянам сделать это. Как и Язино, известна вороством дер. Макридино, Белбажской вол. Про соседнее село и эту деревню есть, м. пр., такая поговорочка: „Горевое горюет, а Макридино ворует“.

В два часа базар кончается, купцы с крестным знаменем благодарят Господа Бога за помощь им и закрывают свои амбары и склады, а мелкие торговцы, сметая и сдувая пыль с своих ларьков, „еще кончателса“, с расчетом, авось кто и подвернется, да и купит или семян, или „канфетку“, или веревку какую-нибудь, или еще чего,—и, после этого, Ковернино затихает на целую неделю. Лишь одни приезжие да Ковернинские купцы по вечерам подсчитывают свои барыши, а после принимаются за картёжную игру: „в железку“, „банчѣк“, на всю ночь.

Когда уже вполне стихнет базар, Ковернинская молодёжь пройдётся несколько „разков“ по торговой „большой“ улице, и Ковернино засыпает крепким сном. Ковернинцы ложатся спать, как и вообще крестьяне, очень рано, „с петухами и курами“, но зато и встают раненько. Только караульщики торговых рядов, прижавшись в потайном уголке, изредка дают знать о себе совершенно неожиданным стуком по деревянным прилавкам или ящикам с овсом своими толстыми „подожками“, чем пугают не только людей, но и лошадей; ребятишки иногда подшучивают над сторожами: узнают, когда уснет какой-либо из сторожей, утащат колотушку да и начнут будить: „Фрол, а, Фрол. спишь штоль?“ — Нет, так валяюсь.— „Ну-ка, дай колотушечки постучать“,—тот сразу догадается; посмеются над ним немножко и отдадут. Кроме того, каждый час вызванивает караульный на колокольне. Но вообще колотушка ночью слышится не часто—охранители ночного спокойствия других сами не прочь поспать.

Немножко коснусь коренных жителей Ковернина. Ковернинцы—народ непривычный к тяжелой работе; хотя и считаются крестьянами, но не так прилежно обрабатывают поля, как „запраские“ крестьяне: несмотря на это очень любят поспорить о земле и даже посудиться. Общественность в Ковернине развита мало. Обычно ковернинцы собираются на сходы не скоро, по несколько раз „клякают“ их на сходку... и, хотя к концу и собирается много, однако в трактире после схода народу еще больше. Да и на сходе-то кричат два, три „гдѣта“, а остальные занимаются посторонним разговором, даже и не знают собственно, о чем говорится на сходе.

Кстати скажу, как происходят выборы должностных лиц.

Происходят они очень просто: собирается волостной сход для выбора старшины; желающий попасть в такой чин заранее подпавает известных „горланов“ (крикунов), обещая „поставить“ угощение и сходу. На сходе только и слышен крик троих-двоих горланов: „Мужики! давайте выберемте Ивана-то Петрова, он мужик-от такой, што в волости вряд-ли подыщешь лучче! — Робята, неча и конителитса, выбирай ево, и боле никаких!“—Бывало, выбирали и по указанию земского начальника, конечно, противоречить ему „николи не смели“, иначе он не утверждал. После схода часто бывает попойка, крик, ругань и „драчи“. На волостных сходах трудно понять, о чём толкуют и чего хотят сходовщики, тем не менее опытная, смелая рука волостного писаря строчит постановление, а по окончании схода писарь кричит: „Мужики, идите подписывать!“ Выбор старост сельских много проще, выбирают провинившихся в чем-нибудь и даже в растрате „опшественных“ денег. Опять „горлан“

кричит: „Мужики! давайте выберем-те Костюху—за им грешок-от есь!“ — Да, да, подтверждают другие, — ево, ево!“ „Тут уж неча укрась, тут только приказы получать да оповещать нас об етом, вот и всё“. Таким манером провинившийся попадает в начальники. Мужики „страсть“ как ругают старост, а они сажают их за это под арест. Вот сборщиков податей—так тех стараются выбрать надежных, „имущих“, предоставляя право им нанимать других под свою „ответность“. В волостном правлении главенствующим лицом волостной писарь, крестьяне эго знают и при случае к первому идут к писарю, а не к старшине. „Пойти поговорить с писарем, попросить ево, и он все сделат“. Писарю стараются „угодить“, застать, увидеть его на квартире, принести ему подарочек, и, действиге ько, дела имеют успех. Если же при писаре советуются со старшиной без его согласия, то писарь обижается и старается вискázat противное. Обычно писарь дружится с богатыми, от них ему перепадает „поболе“, чем от заурядных крестьян.

Волостные власти, разъезжая по волости за сборами податей или по устройству сельских сходов, не берут с собой хлеба, их кормят и поят безплатно, даже и ямщиков их. Ямщик, когда едет по волости, тоже не берет с собой сена, „живет на мужицком“, а домой едет с полно-набитым тарантасом или „санкам“. Мужики ругают таких „обирох“. За подати описывают у крестьян все имущество „с молотка“ — „Описывать приехали!“ — глубоко вздыхают крестьяне. Иногда „нападут“ и оставят в одной рубашке, совсем „зорят“, а кого и помилуют по знакомству. Жалко бывает смотреть на крестьян во время „описи“: не мало льется слез, но „кулачки“ радуются, так как к ним попадает описанное „добро“ по дешевой цене.

Если к общественным делам ковернинцы довольно равнодушны, то в трактире посидеть они любят; бывая в трактире, кричат, спорят, торгуются; затем разбредаются по домам.

Трудолюбивых ковернинцев можно на пальцах пересчитать—это говорят сами ковернинцы, а большинство из них любят полодурничать, потолкаться у торговых станков, поротозейничать на катанье купцов по селу; любят поспорить и посудиться, пошататься по трактирам, поболтать „пустяки“, а больше всего поторговать хоть чем-нибудь, хотя бы семечками, считая, что самая легкая и доходная „статья“—это торговля. Действительно, они имеют торговый шох: пронырливы, сообразительны—„бродкий люди“. Летом по несколько раз побывают на Нижегородской ярмарке и в других городах, даже довольно отдаленных. „На любой ярманке сприси ковернинца и найдешь“. Увидите торговца с „пузырям“ „болонами“ (воздушными)—так это „обязательно ковернинец“. Чтобы ходило больше покупателей, приколачивают на порогах при входе в торговые заведения, магазины, чайные и т. п. „нахожие“ (найденные) подковы, непременно передними шипами „внутри“ (в магазин или вообще в торговое заведение). Знай, что ковернинец сумеет и надуть — „не клади ево палец в рот, оттяпнет разом“. Во многих местах не любят ковернинцев и к ковернинцам причисляют всю Ковернинскую волость. Мне приходилось слышать, в Кинешемском уезде просились ночевать. „А вы чьи будите?“ „Ковернински“. „О! родимые, не

пустим, не пустим таких плутов⁴, и никакие просьбы, ни мольбы не помогли, пришлось ехать дальше, и уже не называться „Ковернинцами“. Ковернинцы очень любопытны, всегда тонко расспросят каждого приезжего: чей, отколь, ешь-ли мать, отец и по .каком таком надобности* Бог принес в Ковернино. Молодежь ковернинская по своим нарядам „намахивает“ на городских, на „городской манер“. Ковернинцы, также как и крестьяне окружающих деревень, боятся всяких нововведений, в особенности культурных. Мне передавали, что место для „министерской“ школы с большой неохотой отвели сначала в болотистом участке, а потом уже в другом, в отдаленности от села. При желании земства устроить для обучения детей преимущественно Ковернинской волости кузнечно-слесарную мастерскую они не соглашались дать другого места, кроме совершенно непригодного для самих. Также не легко было устроить земству лечебницу, опять-таки из-за места: „Не надо нам“, „куда иё“, „только налог лишний на мужицку шею“. „Наедут дармоеды, и корми их, а пользы нам никакой“. „Ох уж, это земство, везде оно сүётся, ему везде всё надо“ и т. п. В конце концов больница устроилась, но ей недовольны и до сих пор.

Еще и в настоящее время многие ковернинцы лечатся у знахарей. В Ковернине особенно большим почётом пользуется „попадья Ключёвская“. За помощью к ней обращается много народу и не только из Ковернинского района, но приезжают и из Нижегородской губернии. Лечит она настойками—разных трав.

Ковернино—не только базарный центр, но и центр духовной жизни края. Каждого приезжего с базара крестьяне спрашивают: „Ну, што новыва? што тамдй говорят?“ и очень верят рассказам „базарщиков“. Слушают их с особым вниманием.

В Ковернине же в школе устраиваются изредка на Рождестве, на масленице и Пасхе спектакли; ставятся пьесы Островского и „водевильчики“ Фонвизина—„Недоросль“ и Чехова—Медведь и др., а после спектакля игры с пением: 1) Не шей ты мне, матушка, красный сарафан. 2) А мы просо сеяли, сеяли и др.

В Ковернине, как и его районе, много разных „вер“ и сект: православные, единоверцы, австрийского толка, поморцы, спасова согласия, нетовщина, белопоповцы и баптисты—последние только в Бортновской вол. Видное место занимает раскол. Подробно о жизни разных „вер“ рассказать не берусь, но имею устные сведения, что первоначально появились раскольники из Олонецкой губернии, по разорении старообрядческого Даниловского монастыря. Пожалуй, это и правда, потому что многие здесь принадлежат к поморскому согласию, которое возникло в Олонецких пределах. Есть здесь местность—в Ковернинской вол.—так наз. (по словам старожилов) „Корельская“ (прежде была Корельская волость) в которую входят: д. Федорово-Корельское, с. Шадрино, д. Копани, Большие и Малые-Коленихи, д. Овсяниково, Шваки, Язвино, Большие и Малые Круты, Большие и Малые Доли, поч. Ключи, Пеуза и Чудово. Свое название она получила от переселенцев из Корелии-Олонецкой, С.-Петербургской и Новгородской губ. *).

*) Взято из частичной выписи из летописи Казанской церкви с. Шадрина, Мак. у. Выпись передана мною в архив Научного О-ва.

От многих стариков-старообрядцев можно слышать, что вокруг Ковернина и к г. Семенову, Нижегородской губ., были раскольничьи скиты, и что из некоторых скитов устроились монастыри (Осиновский женск., Высоковский мужск., единоверческие, и „Белмышский“ Белбажский на р. Белбаж, правосл.—от слова „беглошь“, от беглых раскольников, скрывавшихся в Керженских лесах) и что некоторые скиты—Шляпинский, Понуровский, Бурашденский нарушились совсем недавно *). Старообрядцы живут зажиточнее православных, богачей среди старообрядцев больше, чем среди православных. Выделяются также они умением постоять за себя.

В самом Ковернине имеются две церкви православные, одна каменная, другая деревянная, перевезенная из деревни Беляево в 1754 г., одна единоверческая, одна „Австрийская“ и несколько домашних моленных, увешанных многочисленными иконами старинного письма, написанными набожными старообрядческими иконописцами. Некоторые старообрядцы имеют постоянную или временно приглашают начетчицу своей веры. Иногда приезжают к ним старики-начетчики „по Городецкой часовни“ (с. Городец, Нижегород. губ.); в это время с мала до велика, даже и дряхлые старушки, идут к нему „ча дух“ (на покаяние) „исправляться“ (исповедаться): в моленных молятся не только свои, но и посторонние. Вечером, накануне, и рано утром в праздники тихо шагают каждый в свой „божественный дом“. „Церковники“ (православные) за заутренями в Благовещение и Крещение, с „Хвалите имя Господне“ и до прочтения евангелия, стоят с зажженными свечами и всегда внимательно следят за „поминаниками“ и за всей службой. О замеченных пропусках в службе не стесняются сказать попу и певчим. На паперти церкви подают нищим деньги, а в церкви старушкам—частички просфоры или также деньги, говоря: „Помяни за покой Ивана с Марьей да новоприставлинова Тихына“. Старушки и нищие крестятся и поминают, обычно перепутывая имена.

Посты: „Успенский“, „Филипово-говенье“, „Петровки“ и „Великой“ пост соблюдают всея верами; „молосьное“ — не едят в посте. Спаси Бог, „оскоромнятся“ в посте, а обмануть кого, получить порядочную прибыль и „побаловаться“ с „чужой женой“ не считают за грех. Старообрядцы дорожат своей верой и перемену ее считают за „посрамление“ и за „великий“ грех, и нарушение старых обычаев тоже считается за „грех“. „Не нам заведено, не нам и кончится“. В 1914 г. в Ковернине был случай: при отказе зажиточного старообрядца повенчать сына на православной, сын повенчался с невестой „уходом“ в одном из бедных приходов, через несколько дней возвратился домой, но не был принят отцом, „как проклятый“; потом, правда, родители простили молодых, но, всетаки,

*) Осиновский монастырь с виду богатый, но подробных сведений о внутренней жизни его я не имею. Высоковский стоит в крупном сосновом бору, на высоком месте, имеет прекрасный вид, говорят, когда-то он жил богато, в него были деланы крупные денежные вклады (пожертвования), кроме того жертвовали разные старинные церковные вещи и книги, но братия „со игумены“ не „добро“ в нем жили, пьянствовали и, говорят, многое растащили, и монастырь опустел. В Белбажском м-ре и до сих пор хорошо поставлено „полное“—трудоовое хозяйство.

не приняли в свою семью сына, „как опоганившива“, а дали ему место в отдельном доме. Этот случай так много наделал шуму, что только и слышно было везде: „Матка, мила моя, у таких хороших стцов, и, на-ко тебе, убежали, ай, батюшки... это не пиред добром, што-нибудь случится, нихорошо“. Конечно, старикам-родителям трудно было „переносить“ такое „посрамление“, так как старики старообрядцы не только не роняются с православными, но уклоняются даже от разговоров с „мирскими“, „штобы не опоганится от табашников, бритоусов и чаепитников“, пьют и едят непременно из своей посуды и вино выпивают из своей рюмочки; как водится старики бороды не стригут, у иных бывают очень длинные бороды, и они заплетают их в косы и спускают под рубашку. Безбородые считаются обиженными Богом.

Во время пребывания курильщика в доме старообрядца хозяева занавешивают свои угольные божницы—„часовинки“, а по уходе проветривают дом и окуривают избу росным ладаном. Табак называется „бесовским творением“*). Ужасно бояться старообрядцы „антихристовой печати“—всякого рода печатей, клейм, штемпелей и т. п. При прививке оспы детям убежали с последними в лес, слышав „бряченье“ колокольчика, „дрожали“, „не кушерка-ли едит ковырять робятишек“. При внезапном приезде оспопрививателя, бывало, угрожали последнему. И вот в результате всего этого много всюду встречается рябых и даже слепых от оспы.

При введении продовольственных карточек с печатью многие из старообрядцев отказывались сначала от продуктов: и „сахару—не нужно“, а потом „враг одолел“, „нечистый взял свое“—согласились все же.

В прежнее время, в обычае было устройство богатыми старообрядцами общей трапезы для бедных и вообще жителей Ковернина и округи. Так, по рассказам, богачи—старообрядцы Решетниковы кормили по праздникам в Ковернине много народа; в настоящее время род Решетниковых вымер, но ещё и до сих пор можно видеть в подвальных помещениях их каменных домов и торговых пристройках большие деревянные крашенные артельные чашки (миски), из которых кормили „благодетели“ бедных ковернинцев.

Не любят старообрядцы обучать детей в „мирской“, „гражданской“ школе, считая, что она только развращает детей: „Ну што может научить девченка—учителька“, кода она сама не видала и не знат жисти, да и учит то не по той азбуке, по которой должно учить, по которой научатся дети истине—вот по какой азбуке надо учить**), а не по скотской* (не по школьной): „у—значит уши, б—бык, к—корова, в—верблюд, с—свинья“ и все в этом роде; и учили детей у „стариков“, „начетчиков“, по „псалтырю“, устраивая свои особые школы. Кстати сказать, в с. Шадрине в 1896 г. во вновь выстроенную школу никто из старообрядцев не отдавал своих детей. Пришлось учителю П., махнувши рукой на своих крестьян, звать и манить чужих, объезжая деревни на свои средства, и из соседних селений согласились отдать детей в школу, впрочем лишь с усло-

*) См. напечатанную в приложении запись „бесовское творение“.

**) Азбука эта напечатана в приложении.

вием, чтобы ребят кормило щами, горохом, картофелем и кашей училищное начальство на свои средства, а свои так и не пошли *). В 1914 г. в некоторых селениях не давали квартир для школ и учительниц и ходатайствовали перед земством о переводе школ в другое место, но за последнее время и в этом деле „нечистый взял своё“: большинство старообрядцев отдаюг детей в „земские“ школы, да и вся-то жизнь их изменяется против их желания. Часто приходится слышать такие характерные сгования стариков—истых старообрядцев. „Нояче совсем не то, што прежде, кода мы перед старшими боялись слово молвить, а не то што-нибудь другое, а нояче совсем никуда не годится жись, вси намерднн в праздник пришоу у меня сын, едак выпивши, ни назвал ни титя, ни мама, а говорит, нужно купить самовар! а то пригласить товарищей нельзя—нет самовара. Што ты думаешь? ввечеру принес откуда-то самовар и углей, загрел его, пригласил пареньков разных целу избу, накурили—што твой ад! Покачали мы со своей старухой головой, ну, ну... но ничево не поделашь, а потом, брат-ты мой, пришлось купить свой самовар, мы и не касаемся его, как хочет сам. Подумай-ка! Сами-то мы не только чай пить, а и воды то кипяченой не пивали никогда, да!“...

Со старообрядцами приходится биться не только учителям, но и администрации. Призывной возраст старообрядцев волостным властям приходится записывать по своему усмотрению, „на глаз“, а для „прилику“ вызовут их в волостное правление или спросят односельчан: не помнит ли кто из деревни, когда родился „сын-от у Ивана Михайлова“. — „Он мому-то Терехе ровесник, а сё ши гулят, а мой-от служит давным давно“.—И так как точных записей о рождении их не имеется, то старообрядцы попадают на военную службу или раньше или позже призывного возраста.

Так или иначе, а старообрядцы народ серьезный, „степенный“, в общем они похитрей православных, а временами бываюг и подобрей. Они особенно любят подавать „потайную“, „тайную“ милостыню, для чего в их домах прорублены маленькие „слуховые“ окошечки, из которых и подают милостыню, а иногда и разговариваюг с подошедшими.

Православные, считая свою веру „боле правильной“, иногда упрекаюг иноверцев: „у, еретик едакий!“ Бывало, разноверцы „жарили“ друг друга еретиками, но обычно „из рамок не выходили“. В общем, отношения между теми и другими миролюбивые, но, конечно, каждый к своим относится доверчивее и добрее.

Все свои душевные „тяготы“ население облегчает покаянием: православные—в церкви перед священником, поморы—каются избранному старику, спасовцы не перед лицом, а пред образом Спасителя. „Как то легко делается, точно тяжесь каку свалишь с плеч опосля исповеди-то!“

Ковернино, как и окружающие его селения, сохраняет верования в священные места и святые иконы: в трех верстах от Ковернина, рядом с деревней Беляево, на месте, где находилась церковь села Сорокина,—старики же говорят, что на том месте, где

*) Взято из частичной выписи из летописи Шадринской церкви.

погрузился монастырь, который раскольники считают своим, а „великорасейские“ (православные) своим,—в настоящее время находится сосновая роща, а в ней нччата усердием старообрядцев и заброшена (недостроена) каменная часовенка. Эту рощу, выросшую на месте, удобренном человеческими телами (кладбище), с признаками могил считают святым местом. Несколько знакомых говорили мне, что по ночам „на Христов день“, „о Христове дне“ (Пасха) видели яркое горение свечи и сияние и слышали пение подземное, „только один тон (мелодия), а слова не разобрать“. С пасхи „до Вознесенья дня“, с вечера на ночь ходят „значительно“ (много) из православных и старообрядцев (преимущественно женщины) в эту рощу молиться Богу. „Набожные“ ягут свечки, читают и поют пасхальные стихи, берут песок с могил, „для разных болей“, водят и „кликуш“—туда-же. „Другой рас одну кликушу тащат силой человек шесть. Иная кликуша за версту кричит. Ни одна ни доедет, чтобы ни покричать. На могилах выкликают имена, примерно: „Пахомий али ищѣ как, „ну, все и крестятся, тут иѣ корѣжит. Потом успокаивается (кликуша) и уснет тут и храпит, посла будьто поправляется“.

В полуверсте от Ковернина находится деревня Рыбная; старики говорят, что „Беляевски монахи рыбачили, ловили рыбу в заводи, котора существует и теперь, около деревни, но иѣ затянуло грязью, а рыбѣшка-то всѣтаки и топерь есь, а где топерь постройка (дома), было озеро, и катались на лодке“. Можно и поверить приданной легенде, так как в деревне Рыбной грязно, да и пробраться в еѣ из Ковернина по плохо устроенным лавам через болото, никогда не высыхающее, представляет большую трудность.

Ежегодно, в Николин день (9 мая), в Ковернино приносят „чудотворную“ Иерусалимскую Б. М. из Кривоозерского монастыря (50 вер. от Ковернина), как раз в то время, когда крестьяне „слободные“. Встреча этой иконы очень торжественна. Многие из Ковернина и „окольных“ деревень за 2-4 версты ходят в монастырь и оттуда несут „Иѣ, Матушку Царицу Небесну“ поспенно. Около Ковернина встречают ее с крестным ходом, приходят навстречу—верст за 10 и „боле“ (дальше) в самых „што ни наесь луччих“ нарядах (пестрых, ярких). Обычно в это время бывает очень сухо, и поднимается пыль, что называется, столбом. Икону носят по Ковернину и окрестным селениям до 15 июля, берут ее в деревню с вечера и делают „наряд“, „скликают“ за „всяночну“; в деревнях, в большинстве случаев не находится в домах помещения для иконы, а поэтому еѣ „ставят“ в большом сарае, в котором служат „всяночную“ и молебны. По какому селению она „ходит“, в тот день там не работают. Настроение в это время у крестьян праздничное, ходят нарядные, после молебствия „прикладываются“, (целуют икону) и кладут „приклад“, „жертву“ на икону (холст, полотно, лен, нитки и т. п.). Когда она „обходит“ весь приход, ее уносят в другое место; провожать собирается уже немного народа.

Встречая икону в чужой деревне, крестьяне относятся к ней далеко не так внимательно, как тогда, когда принимают у себя. Приходящие не раз наблюдать, несут икону, мужики крестятся, но по своим делам продолжают материться; когда жены останавливают

замечанием: „Не ругайся дурак, перекрести образину-то свою, али не видишь, што Божу-то мать несут!“—мужик моментально снимает фуражку и крестится, но потом оправдывается: „она у нас была, это не в Раково несут“ (не в его деревню).

Приносят еще другую икону, Тихвинскую Б. М. из Высоковского единоверческого монастыря, но не так почитают ее, как первую. Берут (принимают) ее и великороссийские, но попы православные противятся этому.

Не помню, в каком году приносили в Ковернино большой „чудотворный“ (черный) крест из с. Пуреха, Нижегородской губ. (85 в. от Ковернина). Этот крест „чажолый—старинной, встают под его (носят его) 20 человек“.

В 12 верстах от Ковернина находится с. Скоробогатово; в народе оно зовется старым селом и почему-то, хотя и изредка, но называется „Старой Богородицей“. В Троицын день из Ковернина ходят туда гулять на праздник; спросишь: „где был?“ „Да у Старой Б-цы“. В этом селе существует деревянная церковь, построенная в 1782 г., шатрообразного вида, из толстых бревен, обита тесом и окрашена в темно-серый цвет. „В 1863 г., 3 мая, при поправке означенной церкви, во время копания земли для фундамента, под алтарем был найден в сгнившем гробе усопший в монашеском одеянии. Считая эти останки за святые мощи, прихожане, не исключая и раскольников, в большом количестве стекались на поклонение мнимой святыне, раскольники совершали богомоления по своим рукописным тетрадкам, и даже приходил народ из далеких сторон. По распоряжению епархиального начальства особою комиссией произведено было двукратное исследование о сем происшествии. В указе Костромской духовной консистории, последовавшем 25 октября 1865 г. за № 9916, изложено было следующее заключение по данному, прописанному обстоятельству: 1) найденные под церковью останки неизвестного инока признать обыкновенными останками смертного, не имеющими никаких признаков святости; 2) в возбуждении и распространении народного волнения признать главными виновниками тех лиц, которые при следствиях оказались таковыми; 3) незаконное действие священника Квинтиана Крылова и дьячка Алексея Крылова, состоявших в открытом и прямом потворстве народному суевию, за смерти сих лиц, оставить без последствий; 4) обязать подпиской священно и церковно-служителей с. Скоробогатова всячески противодействовать суевию, по поводу зарытых под церковью и истлевших костей неизвестного инока *). Об этих „мощах“ писал мне, м. пр., учитель с. Скоробогатова Н. в 1916 г. следующее: „Исследование мощей производили, по словам старожил, исправник, становой и благочинный. Гроб с останками зарыты под церковью и залиты известкой. До ремонта под церковью, когда поднимали—выжаривали церковь, пока немой плотник не дорылся до гроба, никому не снилось о мощах. Немой плотник, когда докопался до

*) Взято из церк.-прих. летописи Благовещенской церкви, с. Скоробогатова, копия которой находится в арх. Костр. Науч. О-ва.

гроба, мимикой объяснил, указывая на солнце, что от гроба сильно светило. Гроб из ямы подняли, тело из гроба вынули и положили на землю; и оно лежало почти день до нового гроба. Тело, как только вынули из гроба, будто бы было белое, потом стало темнеть. Верующие в святость найденного тела объясняют, что потемнело тело оттого, что к нему прикасались недостойные. Умерший был монах, в священническом облачении и в одеянии из власяницы. Будто бы волостной писарь с покойника снял нательный крест, и за этот поступок его мучило, чуть ли он не болел. Тотчас распространился по окрестности слух о найденных мощах. Потянулись вереницы молящихся. Порченые „кликлуши“ еще далеко до села начинали будто бы сильно кричать и корчиться. „Большую“ кликлушу Ольгу Родионову с трудом будто бы шесть мужиков могли водить и держать на могиле. Одна из кликуш, когда ее ломало, крикнула: „Митрофан!“ — тогда народ стал молиться св. Митрофану; св. о. Квинтиан, по просьбе молящихся, по ночам читал и даже пел молебвы, за что был судим и присужден к наказанию. Молящихся, говорят, в то время было очень много. В святость найденного тела веровали и сейчас веруют, кажется, все крестьяне, ближайшие к Скоробогатову. Веруют не только православные, но даже и раскольники. Больше всего молятся под церковью летом, от Пасхи до Троицына дня, во время богослужений*).

Мне самому пришлось слышать от стариков, „што это допдолго святой монах, но начальсво ево не знат, кто он такой, ну и зарыли; был бы свой—их человек, тогда признали бы мощи действительными. Волосной писарь брался за святое тело своим грязным рукам, ну и почернело тело“. Видал я и место, где зарыты „мощи“— в подполье, под алтарем, темно, стоит аналой, заметны признаки копания земли, „гля пользительности от разных болестей“, и видна могильная насыпь, а с улицы маленькое отверстие (окошечко), в которое опускают яйца и деньги.

В 1914 году мне пришлось слышать о появлении других „мощей“, в с. Троица-Крутцы в 24 вер. от Ковернина. Под алтарем церкви, однотипной со Скоробогатовской (церковь построена в 1781 году), богомольцы замечали, что „растет могила“ (поднималась). Народ „валом валил“. Одни бросали работы, а другие с нетерпением ждали праздничных дней и шли посмотреть в подпольное окошечко на „святую“ могилу. Не мало было рассказов: „видила мѣтка, видила своим очам могилу, и она всё делатса боле и боле“, или: „уж делатса светле на могиле-то, уж это верно, милая, што праведный чловек похоронён“. Некоторые посещающие отгрызали щепочки от теса около подпольного окошечка—„гля исцеления зубов“, доставали „песочку“ с могилы. Говорили про три исцеления в ближайших селениях. Всему этому было сделано расследование, после которого священника этой церкви уволили, окошечко подпольное заколотили, и поклонение „растущей“ могиле закончилось.

В восьми верстах от Ковернина, между деревень Раковым и Трифоновым, в одной или полуверсте от с. Ключей есть толстая

* Письмо хранится в архиве Костр. Научн. О-ва.

сосна, „обхвата в три“— „на Христов день свеча горит на ей“. Старушки ходят молиться к этой сосне с Пасхи до Вознесенья. Такая же сосна существует у деревни Рыбной, в одной версте от Ковернина. Старики сказывали, что и на этой сосне горела свеча на Христов день, и будто под сосной клад золота— „дискать зарыто разбойниками“; в настоящее время к этой сосне ходят „ребятишки“ гулять, „а моления не бывает“.

Около Ковернина, в полях, „на роздорожьях“, стоят деревянные кресты разных видов (есть довольно оригинальные); некоторые имеют вид часовенки, с прикрепленными на них деревянными иконками и маленькими медными образками. Ставят их для того, чтобы каждый мог перекреститься и этим предохранить себя от демонской силы, ставят и по обещанию. По верованию народа на перекрестках, при роздорожьях бывают несчастья; эти приметы-обычаи староверские, но верят в них и православные. Кресты ставят тайно по ночам. Встречаются кресты и на воротах при вьезде в деревню, при входе в дома и сараи.

Кладбища устроены около церквей и разбросаны по полям и лесам,— последние старообрядческие. На могилах ставят кресты, большей частью самой простой формы столбучек с конусной крышкой двумя дощечками, и врезан в него медный образок. У православных, но и то не во всех местах края, к крестам прикрепляются эпитафии, вообще очень однообразного содержания, но иногда встречаются среди них достаточно характерные, например:

„О, человек, не возносись в(м)ного,

Вспомни, что смерть у порога.

Здесь как не ликовать,

А по смерти гроба не миновать* *).

Старообрядцы считают грехом писать эпитафии, но у богатых старообрядцев на памятниках они есть.

С первого дня Пасхи до Вознесенья много народа посещают кладбища, „христосуясь с покойниками“, оставляя на могиле яйца, поют пасхальные стихи, и по разным родительским субботам служат панихиды. Много можно слышать причитаний в эти дни на кладбищах, это сироты изливают своё горе **).

Ежегодно в Крещение в Ковернине устраиваются „кътания“. С утра с'езжаются „со всей округи“, не только с одной волости, но и из других; так много с'езжается, что кататься можно только шагом, друг за дружкой. „О масленице не бывает такова кътания“. Приезжают на хороших „кднях“, в приличных санках, с хорошей сбруей на лошадях. Одеваются, особенно девицы, в самые лучшие наряды, которые, может быть, весь год лежат на дне сундука. Кроме того девицы привозят с собой по несколько платьев и одежи, иногда и „займают“ у других, и переодеваются в течение дня несколько раз.

*) Такая эпитафия встретила мне на ковернинском православном кладбище на двух деревянных крестах. В Ковернине эпитафии пишет „ходячий“ облакат, Ямыф Афанасич, его можно видеть постоянно в трактире с книгой законов за паузой. „За полковчѣ али за стакан вина напишет любѣ прошение“.

***) Семь таких причитаний из записанных мною напечатаны в XV вып. Трудов Научн. Об-ва в статье В. Смирнова „Народные похороны и причитания в Костромском крае“ под №№ 64—70.

Во все время кáтанья стоят они по обе стороны улицы, а родители сзади их. Часов в двенадцать дня начинается „кáтанье“. Парни, катаясь, смотрят по сторонам—на девиц, выбирая себе „пондраву“, „помысленную“, потом приглашает прокатиться. Девицы, конечно, рады этому. Приглашение девицы парнем есть признак желания посватать эту девицу.

С началом Русско-Германской войны полиция „стала разганивать кáтанья“, как не подобающие в такое тревожное время, и этим стал уничтожаться обычай, заведенный „из стари“, с незапамятных времён.

В Ковернинне уже давненько распространена картежная игра в „очко“, „железку“ и „банчек“ и т. п. Летом играют в лесу, а зимой в укромной квартирке. Сам „Барин“ (пристав) преследовал картежников, некоторые из них—„смельчаки“ говорили ему: „Ваше Высокоблагородие, а сами-то играете, это ничево, можно?“ — „Ну вот, сравнял себя с нами!“ Действительно, азартно играло Ковернинское начальство: земский начальник, пристав, судебный следователь, некоторые купцы играли также; оправдывались „страшенной скукой“.

Теперь перейду к описанию жизни селений, окружающих Ковернино.

Идешь-ли, едешь-ли по ковернинским мучительным дорогам, по лесам и полям—иногда издали увидишь, а то и сразу совершенно неожиданно попадаютися забытые Богом и людьми деревушки с полуразвалившимися домиками, встречаются в них и пятистенные избы. Некоторые хранят ещё „старинку“ из толстых бревен с рельефно-резными карнизами. „Этто в старину была мода така“, но с ломкой домов большей частью уничтожается и старинная резьба (сжигается вместо дров). Рамы в большой части задвижные *) , в которые, слышав колокольчики, высовываются головы, посмотреть, кто „едит“; если „барин“—тогда кланяются; пешему или проезжему указывают, как пройти и проехать, и толкуют о дороге: „Как выдешь из жилья-то, поверни направо, тамой будит (дорога), и иди с Богом прямо, а в другу деревню не ходи“. Кстати сказать, крестьяне в любое время дня и ночи охотно укажут дорогу.

„Осередь“ каждой деревни на столбе прикреплена доска с надписью: деревня Бабые, Соплиха, Кобелево, Сенники, Балуево, Повалиха, Полежаиха, Протасиха, Голодаевка, Хапаево, Радость, Гореве, Погорелка, Безводное, Жулиха, Кулачиха и т. д., с указанием числа душ мужского и женского пола, и с рукой, указывающей „трах“ (дорогу) в соседнее селение и название его. На углах домов прикреплены дощечки с нарисованными лошадьми, ведрами, баграми, лестницами, топорами, означающими, кто с чем должен в случае пожарного несчастья явиться на пожар, а у угла одного дома приставлена доска с надписью: „ридовой десятник“, „ридова десятня“, „сельский староста“—это должностные лица, к которым нужно обращаться за содействием. Есть и полуразвалившийся пожарный сарайчик, иногда совсем не прикрытый, с безграмотной надписью: столько-то багров, топоров, лестниц, а в действительности

*) Т. е. одна половина рамы неподвижная, а другая надвигается на нее по желобкам, справа налево. Иногда бывают рамы, где обе половинки подвижные.

в нём одна поломанная лестница да два шеста, а то и ещё проще — лежит рассохшаяся бочка на поломанной таратайке. От плохих забот о „пожарных несчастьях“ иногда сгорают деревни чуть не целиком. Страховые агенты, правда, понуждают принимать противопожарные меры, а волостные должностные лица заставляют держать всегда наготове бочку с водой, с чем крестьяне соглашаются, говоря: „оно, конечно, хорошо при несчастном случае“... — но всё остаётся по-прежнему.

Среди деревенских плохих домиков и изб выделяются 1-2-3 дома „кулачков“, „скупщиков“, крытые железом, с резными наличниками — совершенно нового вкуса, обитые тесом и довольно прилично окрашенные. Вход в избы со двора; если даже и имеется вход с улицы, то в него ходят обычно, только по праздникам, во время свадьбы и когда выносят покойника. По обыкновению крестьяне многодетны. Живут грязно, в домах вонь, иногда нестерпимая. Спят на полу и на полатях. Зимой в доме овцы, телята, бывают в избах и мастерские — у рогожников, сапожников и других ремесленников. В доме бегают мыши, масса тараканов, клопов и других насекомых, а летом и мух „тма тмущая“, и настолько тяжол бывает воздух, что человеку, непривычному к их жизни, трудно дышать. Стены украшают лубочными картинками и всякими бумажками, находимыми детьми на улице: от конфет, чаю, табаку и т. п. Хотя и очень грязно в домах бедняков, но праздникам „рады“ и бедвяки. К большим праздникам: Рождеству, Пасхе и Покрову — „прибираются“: моют пол, очищают пыль и грязь, обмахивают иконы, на стены налепляют мучным клейстером новые картины, на полу настелют соломы, принарядятся и сами *). Питаются крестьяне, чем Бог послал. Одеты и обуты плохо, но не ноют и не ропщут на свою судьбу. Они забиты, терпеливо переносят всевозможные обиды и оскорбления. Приходилось видеть мужичков, приведенных деревенским „начальством“ к „барину“ (приставу) за неуплату податей. Пристав с сильным криком и грубой руганью набрасывается на мужика и, висколько не желая слушать от него объяснений, ударит раза два-три по шее, назовёт мерзавцем, нагонит страху и вытолкает вон — в спину коленком, а по шее кулаком. Выходит мужик и рассказывает другим: „был у барина Слава Богу! ударил этто два раза по шее, и боле никаких“. — И боле ничево? Ну, и слава Богу.

Хотя и часто слышится от этих крестьян: „Мы не угожаем, и Богу-то молится сё некода“, но у них „Бох“ и „крестное знамя“ везде и на каждом шагу. Встанет-ли с постели, сдет-ли за стол, вылезет-ли из-за стола, выйдет-ли на улицу, начнёт-ли работу, кончит-ли её, пройдёт-ли мимо храма, „поровняется“-ли с „Божьим милосердием“ (иконой), зевнёт-ли, икнёт-ли, чихнёт-ли, упадёт-ли, вой-

*) Почти все ковернинцы имеют по две бани, одну зимнюю во дворе, а летнюю на р. Узоле; и у крестьян хоть „плохонькая“, по черному, а имеется „банёнка“. Как ковернинцы, так и крестьяне любят попариться. Иногда на недельке раза два и три можно видеть раскрасневших, распарившихся, еле бредущих из бани с вениками в руках. В летнюю страдную пору крестьяне лишены этого удовольствия и бывают в бане только по разику в яделю.

дет-ли в дом к кому-либо или учреждение, первым делом крестится, гром гремит—крестится, а когда сильно ударит, так перекрестится несколько раз: „О Господи помилуй“. При посеве хлеба выйдет в поле крестьянин и молится: „уроди, Господи, для всех православных христиан“, вообще крестьяне при всех случаях крестятся.

Эти бедные труженики много отзывчивее к чужой беде и всегда охотней помогают, чем зажиточные. Идёт-ли, едет-ли мимо слепцов у церкви или на ярмарке, обязательно остановится, подойдёт, послушает пение, вздохнёт глубоко, подаст свою „жертву“, перекрестится и направится дальше. Они, по русскому обычаю, и гостеприимны, всегда готовы угостить, „чем богаты“. Для гостя готовы грязную ложку вылизать языком, а на ржавленную вилку плюнуть и вытереть её подолом рубашки. Накормят и подорожничков дадут, и опять приглашают: „милости просим напредки, не прогневайся, не повинь, не проходи мимо, кода доведётся, и ночевать можите у нас“. Боятся Бога и начальства—при встрече низко кланяются. Верят снам, в нечистые силы, в лесных, и болотных, и домовых, в заговоры от разных болезней, от падежа скота; не „кое как ляпают“, а пишут дёгтем кресты на воротах дворов; верят во всевозможные приметы и недобрые встречи с „попами“, „кривыми женщинами“ и др. Женщины никогда не перейдут дорогу мужчине, чтобы не сделать им вреда—„неисполнения желания“. Встретятся ли с кем или перегонят кого, всегда ласково скажут: „Мир дорожкой“, на что следует ответ: „добро жаловать“.

При ссорах или недоразумениях между собою идут в „волосно“ правление, где им пишут писцы заявление в волостной суд за двадцать коп., а иные норовят „посурьёзней“ наказать, обращаются к ходячему „аблокату“, вечно бродящему из трактира в трактир с законом за пазухой. Подачей заявления в суд обычно успокаивается обиженный: „вот погой сут разберёт всё толком“. Судятся крестьяне часто, нередко по пустым делам. Судятся из-за бани, „деверь не пускает сноху в баню“; то сын отцу шубу не отдаёт, то „обозвал“ один другого „нехорошим словом“, то ударил кулаком, то свёкор овина не даёт сушить, „то пристаёт“ к солдатке.. („житья от свекора нет никакова, выганаивает из дому“). Бывает, что и без суда обходятся, вызовут виновного в волостное правление, крикнет на него писарь: „ты смотри: мы сделаемся с тобой!“, поддакнет и старшина, и тем дело и уладится, за что жалобщицы, благодарят писаря: „спаси Христос!“

В некоторых деревнях есть и среднее крестьянство—„справные“, имеющие приличное хозяйство. Где лесов много, там имеются хорошие постройки, но по опрятности они нисколько не лучше жилищ бедняков. Эти лесные жители—народ „крупной“, „как лес“ (рослый), крепкого телосложения, ходят в домотканной рубашке и портках, армяке, полушубке и лаптях. Грубые нравом и упрямые. „Не спрашь“, если не захочет сделать. Чувствует себя спокойным и независимым. Они больше, чем другие, сохраняют „старинку“ и поют „заповедные стариками песни“.

Как только стает снег, крестьяне принимаются за полевые работы; особенно горячая пора начинается с Петрова дня,—„сперво“,

косьба, потом „жниво“ („жнитво“), молотьба, пахота, сев и т. д. В это время встают очень рано, „чем свет“, „живут по Божьему времени“, многие весь день проводят в поле, захватывая с собой пищи, или же им носят её ребяташки. Кроме своих работ, помогают другим—„устраивают помочи“ сиротам, солдаткам и старикам. Во время полевых работ крестьяне, а в особенности старики, очень беспокоятся за переменную погоду. Всю ночь смотрят на небо и выходят ночью по несколько раз пощупать траву, есть ли роса; поднимаются, чем свет и всю ночь тогда слышно кряхтенье и шопот стариков: „ах ты, батюшки мои, видно день будет ненасный“—и будят—торопят других, желая урвать хоть минуточку для работ, пока не испортилась погода.

Рано утром же пастух звонко стучит двумя палочками по доске, висящей у него на груди, выстукивая „Три-та-та, три-та-та-тата, три-та-та“... Коровы слушают и отвечают ему: „м... му“... и безудержно рвутся в стадо: этим же стуком пастухи собирают разбредшееся по лесам стадо и им же разыскивают пропавшую корову. Ребяташки подражают пастухам стуком в такую же доску и иногда довольно удачно, но скотина не слушает и не замечает детских стараний.

Когда полевые работы заканчиваются, начинают „бродить по лесу“, за „грыбам“ и за „ягодам“; иной раз не видно их, но слышно по лесу „ауканье“. В лес ходят очень рано утром, поднимаются на заре и бегут в перегонку на грибное местечко.

Земледелие одно не может прокормить круглый год крестьянина; как ни работай, а приходится подрабатывать, искать подсобного заработка, поэтому как только закончат полевые работы, принимаются за другие: „таскаются по дорогам“ (извоз), „собирают“ (скупают) новины и занимаются кустарными промыслами; некоторые этими промыслами занимаются и в ненастную погоду—во время крестьянских работ.

В Ковернинском крае развиты промыслы: „рогозильный“ (рогожный), „сабожный“ (сапожный), обечечный, выработка „баских“ деревянных ложек и посуды и окраска их, кузнечный, „столярный“ (столярный), бондарный, выработка коромысл, прядение, ткачество холста и половиков, крашение пряжи и холста—набойки. Имеются маленькие кожевенные, овчинные, кирпичные, „горшешные“, скипидарные и смолокурные заводы. Занимаются собиранием муравьиных яиц, которые сушат и продают, имея от этого хороший заработок, „топором работают“ (плотники), „колò попилят дольной пилой“, старики „лапти говняют“ (плохо работают), „когда поработат и у богатых мужиков“. Рогожный промысел и окраска ложек не требуют больших знаний, а потому в работе их принимают участие и дети. Рогожу работают „схваткой“, „сопща“ (по несколько человек) без счёта часов, кто когда проснётся, кончают „позднёхонько“ и зарабатывают немного. Окраска ложек и посуды сильно влияет на зрение, в особенности во время закалки, когда появляется зеленоватый дымок; очень многие болеют глазами. Рогожу работают на одноподревенцев—скупщиков, но большей частью на ковернинских „благодетелей“, которые умеют выжать, что только можно из работников, и „задобриться“ выдачей вперед денег и продуктов не совсем хорошего качества по значительно повышенной цене.

В базарные дни у домов скупщиков толпа народа, ждут „ращёта“, а хозяин обедает или пьёт чай. „Разе уж коли пустит на куфню, а то стой, а зимой так и мёрзни на воле“. При расчёте по обыкновению скупщик много расскажет про свою заботу о рабочих, про неудачи и якобы случившиеся несчастья, не мало при этом поругает земство, которое устроило раздаточные конторы „для обирания мужиков“.

По выработке валеной обуви многие уходят в „дальные“ края, в Сибирь, и на долгий срок, оставляя семью и всё хозяйство на попечение иногда не совсем опытной и не сведущей в хозяйстве жены. Эти работнички видят свет и разных людей и, к сожалению, отвыкают от крестьянской „чажолой“ работы, отчего и падают их хозяйства.

Кроме этого есть и занимающиеся „у Христа под извозом“ (нищенством)—„посбирывают“ по Сибири с поддельными удостоверениями на погорелое и „градобойное“ место, с образками, лестовками, крестиками, венчиками, считая этот промысел лёгким и выгодным, не боясь наказания—тюрьмой: собирают и на „церковную книгу“. Многие этим ремеслом зарабатывают и присылают домой помногу.

Нелегкие условия жизни крестьян Ковернинского края в значительной мере объясняют низкий уровень их культурного развития. Среди взрослых грамотных очень мало, да и детей своих учат очень немногие: то нужны нянчиться с маленькими, то „робота“ какакая-нибудь не даёт возможности обучать детей; некоторые поучат немножко, да берут для своих домашних работ. Но крестьяне сознают пользу грамоты, в особенности появилось это сознание с начала Русско-Германской войны. „Беда, родимый, ни одново учёнова нету, в дивевни, ни почитать, ни пописать сыну, приходится кажённый рас кучится в чужи люди, к чужим людям, да и узнать, што тамой на войне делатса, долго ли не кончитса кропролитная война? вон в волосном-то правлении дают ведомости разны, а почитать никто не мोगит, повертят, повертят мужики да так и бросят, али искурят—которы помоложе“.

После полезных работ крестьяне справляют праздники—Покров и др. На праздники не жалеют „сресь“, и бедняки тянутся за другими, „штобы не ударить себя лицом в грязь“ перед другими. В эти праздники на столе появляется всевозможная „роскошь“: щи мясные, жирные, с лавровым листом, жареное и печёное, баранина, студень, кисель и пр. и пр. и, конечно, винцо и самодельный хмельный квасок. На праздники съезжаются гости, родные и хорошо знакомые, простосердечно приглашают: „ну, милости просим, М. М., молись Богу да полезай за стол под образа“. „Пейте, еште, кушайте, коли в угоду, не стесняйтесь, не обезсудьте, чем богаты, тем и рады, боле етово у нас нет ничево, хотели зарезать тёлочку, да вон мужик-от у миня велит погодить“. На празднике крестьяне свободно разговаривают о своих „хрестьянских“ делах, о посевах, урожае, уборке, а бабы сплетничают и разбирают по косточкам, того, кто им „не пондравитса“, кричат, шумят, смеются, поют, спорят, ругаются и мирятся поцелуями. Иной раз „перегадятся до нельзя“.

Деревенская молодежь находит отдых в „гульбинах“. Летом по воскресным и праздничным дням гуляет по полям и „осередь“ деревни на мостах. Обычно „гульбины“ начинаются с Пасхи по разным деревням, „по очередно“ *). На гульбину девушки, в большинстве толстые, красные, ходят партиями, наряды носят в узлах, а ботинки в руках или на плечах; разутые, с высоко „подоткнутыми“ платьями, торопливо шагают на гулянье. В деревне, где „гульбина“, около сарая „рядятся“ в свои яркие разные, даже шелковые и атласные наряды, волосы мажут помадой, белят и румянят лицо, посмотрятся „вдѣсталь“ в ручное зеркальцо, обуются, а в ярко-солнечные дни поднимут зонтики и пойдут гулять по деревне, поднимая пыль подолами платьев, или сидят у „онбаров“, ожидая „квалероф“, щѣлкам до семечки или орешки, и распевают любимые „частушки“, с усмешечкой приглашая проезжающих чиновников: „Барин! пожалуйте с нам погулять“.

Парни, здоровые не по возрасту, подстриженные под кружок, ходят на гульбину большими партиями, „целой деревней“, в полном наряде: в красных, белых—с вышитым воротником и грудью, желтых, синих, голубых, коричневых и др. рубахах, в жилете, подпоясаны длинными до колен поясами с большими кистями, с часами и цепочкой поперек груди, с кольцами на пальцах, подаренными девицами при объяснении в любви, в пиджаках, в лакированных сапогах и фуражках; ходят много веселей, чем девицы, с несколькими „игрушками“, громко распевая „частушки“—с присвистом. Девицы рады приходу молодежи. Парни „здоровкают“ с девицами совершенно попросту: „Девчѣнки, ева! мы идѣм, о, го-го, эй! — Машка!... можно-ли с Вам покороводится?“ А девчѣнки покатываются со смеху от радости и удовольствия, закрывая свои лица „запонами“ (передниками). Парни жмут руки девицам до боли. „Ой! больно, не дури, да ну-ко тебя, Ванька! Ванюшка! да больно же. У... какой дурак! убирайся“... а молодежь этим очень довольна. Садятся к девушкам на колени, одним словом чувствуют себя очень свободными в действиях, без стеснения ругаются „матерно“ при девицах и говорят много неприличного, но лишнего не позволяют — „дѣскать в разратной жизни“. На гульбине веселятся по разному: поют песни, играют в разные игры. Самая веселая и любимая игра была „коровод“, но, к сожалению, с начала Русско-Германской войны хороруды „нарушились“. На гульбинах, около взрослых прыгают и маленькые ребятишки: балуясь, подпевают песенки и принимают участие в играх.

После игр и пения, начинается борьба, без ней не проходит ни одна гульбина, обычно борьба превращается в „дрѣчу“ кольями и ножами, причѣм наносятся поранения на голове и теле. Сора начинается с замеченного пустяка в неправильной борьбе „Ты не очень:—А ты што?“—„Ты больно сер“. А кто-нибудь со стороны „подзудыкывает“, подзадаривает: „А, да он под ножку, ай, ай, ай... так, так... так! Ай

*) Несколько фотографических снимков таких гульбин доставлено мною в Костромское Научное О-во.

да Ванька! У... вот—это здорово хватил, неча сказать! А потом, когда разодротся, вспоминают обиду, кому-то, когда-то и кем-то нанесенную и т. д.

Разгорячившуюся молодежь трудно „унять“; вместо водворения порядка стражники своим вмешательством ещё больше усиливали драки, да и сами иногда спасались бегством. Без драки плохая гульбина: „ну, што эта за гульбина—и не подралися“. От этого и вошло в шутку говорить при малом споре: „а ты колом ево, колом!“ „Али дай ему разд хорошава, твоё и возьмёг“.

Вот некоторые черточки из жизни людей, словесные произведения которых полны глубокой содержительности и порою очаровывают своей формой.

Обрисовывая уклад и жизнь Ковернинского края в дореволюционный период, насколько позволили это сделать записи и память мои, я предлагаю теперь вниманию читателя некоторые из материалов записанных мною в этом глухом и своеобразном крае.

I. Колыбельные песни.

В деревне в бедной семье ребёнок мало видит ласки „родной“ матушки, потому что мать много занята по крестьянству и хозяйству, и „водятся с ребенком“ большею частью старушки и маленькие девчонки. Старушки не всегда могут справиться с „робёнком благим“, потому что и сами то еле бродят; иногда, намучившись с ребятишками, уснут на разостланной на полу разной рваной одежде и не слышат крика. А девчонки ещё глупы, убегут играть с подругами,—ребенок кричит до хрипоты (и до „грыжи“), но на него никто и внимания не обращает. Чуть занемогилось ребенку, или просто надоело с ним гулять, кладут его спать в грязную люльку, где постилкой ему служит грязная рвань. „Дёргают“ за край люльки или за верёвочку, привязанную к люльке, а на ночь иногда кладет мать ребенка на постель между собой и мужем. Убаюкивают довольно просто: шы-ы-ы-ы, у-у-у-у, ну спи, спи мой хороший, а-а-а-а. Спи дурачэк, спи же!... вон старик-от пришол, он щас возьмёт тбяз; вон волк-от идёт у... Старик, возьми ево, неугомоннова плаксу!“ Бывает, что старушки измучаются с ребенком и никак не уложат спать: „Батюшки мои, ну што только делать, измучил ты миня старую“... Приходит мать с работы, начинает „укладывать“. „Што с тобой? спи, спи, а-а-а, спи же! Чай сам видишь, што мне ви до тебя, неча глотку-то драть, у!—пёс едакий, надоедник, хыть бы издох—прости Господи, развязал бы миня, мне нидосук, а он тут ищё разорался“. Дитя не замечает усталости матери, не знает ее недосуга, оно тянется к ней. Отец много хладнокровней относится к воспитанию детей и уходу за ними: „Покричит, покричит и отстанет“. „Што ты всё кричишь, перестань!... Машка! Качай ево (кричит девчонке). Заткни ему харю-то соской (грязным узелком). Али обоср...? Ей, мать, пой посмотри!...“ — Ну штошь, хоша и огадился, робёнок, робёнок он и есь“.

Только разве в праздник можно увидеть и услышать побольше ласки от матери: „Ох ты, мой милинький, нинаглядный мой, умник,

хороший, ты мой? никому я тебя ни отдам, поёшь штоль хошь, а? Пожуют ребенку чёрного хлеба или „кокурку“ и суют ему пальцем в рот. И потешаются им: „На ково ты похож? На дядю Гришу, што умир недавно, а?... и нос-от такой и лоп, и глаза, ну, вылитый дядя Гриша“. — Не, пожалуй не похош (замечает „гуляльщица“), у тово ровно-бы подбородок длинне? — „Будешь ли кормить-то нас стариков?“ — „Ям...“ — отвечает с улыбкой ребенок, а мать целует его за это. „Што ты всё ревьешь? Али захворал, али баиньки хошь? Бай, бай! Ах ты, кукла едакая, ух-ты... Али сисѣ хошь? сисѣ, нѣ, нѣ, милый мой, сѣсиньки. Ну усни, усни родимый мой, у, у-у-у... а. а-а-а“, и редко, редко в семье бедняка „покричит“ кто песенку ребенку. У „справных“ побольше свободного времени, а потому побольше и ласки ребенку, в особенности у молодых матерей, у них можно услышать и „баюшки-баю, дорогую деточку, золотую ягодку, сладкую мою“, и видеть, как они „потешают“ (забавляют) своих детей разными прибаутками, примеры которых и помещаются ниже.

Вот мать качает ребенка в люльке и припевает:

1. Баиньки, баиньки,
Прилетели галоньки,
Сели на воротички,
Воротички скрип, скрип,
У нас Ваня спит, спит.
2. О баиньки, баиньки,
Не ложись спать на краиньки,
Придѣт серенький волчок,
Тебя схватит за бочѣк
И утащит во лесок.
Во леске баба живѣт,
Всѣ оладейки пекот,
Она маквѣт во медок,
Даст тебе в роток.

„Ух ты мой миленький!...“ приговаривает мать—ну спи, мой хороший,—и целует ребенка.

Когда же ребенок начинает ходить, „смыслить“, тогда „потешают“ его таким образом: поднимают кверху (что ребенок очень любит) и говорят: „большой..... боль...шой“, или качают на руках, лаская ребенка и весело скороговоркой произносят:

3. Галки, вороны,
Все-ли вы здоровы?
Одна галка нездорова,
Еѣ курица зборола.
Ходит курица ряба,
Перешиблена нога.
Кто, кто перешиб?
Деревенский мужик.
Чем, чем залечил?
Костоплѣткам замочил.

4. Интересна песенка
Есть на печку лесенка.
На печь влезу, печь пробую,
Кашу выну, щи пролью.

5. Тень, тень, бутетень,
Вставай, баба,—белый день.
Пеки блины, вари кисель...

Потешают и такой песенкой:

6. На могилах бабы воют,
Дураки блины творят.
Вы, болезные блины,
По три пальца толщины.
Через двадцать пять могил,
Растянулся блин один.

„Блинка тебе? блинка... Дайте мому хорошему толстенькова блинка!“

II. Детские „потешные“ песенки.

К числу детских „потешных“ песенок надо отнести и „Тетушку Ульяну“, которой впрочем занимают детей несколько более старшего возраста.

7. Тетушка Ульяна,
Головушка кудрява,
Садись-ко в сани,
Поедешь с нами
В новую деревню,
В новой-то деревне
Утка в юбке,
В синем полушубке,
Курочка в серёжках,
Петушок в сапожках,
Корова в рогоже,
Нет её дороже.

8. Ездил на меленку,
Видела диковинку:
Коза муку мелет,
Козёл засыпает,
Маленькие козлятки,
Они не гуляют,
Мучку выгребают.

9. Бегал солдат беглый,
Несёт чугуны медный,
На чугуне два вола,
На пороге две дороги,
На печи-то кузнецы;
На полатах-то швецы;

Куют—куют кóсы,
Приставляют нóсы.

10. Ходил мужик по воду,
Нашол мешок солоду.
Зделал кулáшку,
Призвал Дуняшку:
„Дунячка, Дуняшка,
Сладка-ли кулáшка?
Сладка миданая *),
В печи не бывала,
В шоске простояла.

III. Детские праздничные песни.

С возрастом детей постепенно меняется их жизнь, годов с 6—7 они начинают, напр., принимать участие в деревенских обрядах. Так, в день заговенья на „Петровки“, на „Успленское“, „Филипово“—говения и на великий пост вечерами, чуть только смеркнется „детки“ (ребятишки) партиями бегают по домам и у окна каждой избы „в голос“ поют:

11. Тётушка добренька,
Дай кусочка сдобинька,
Ни реж, ни ломай,
Подай целый коровай.
Где блины, там и мы,
Где оладьи, тут и ладно,
Где пирог с крупой,
Там и мы с рукой.
Заговиница-то! христарди!...
12. Подай, тетушка,
Подай, матушка,
Не реж, ни ломай,
Подай целый коровай,
Тибе поскоре,
А нам поспоре,
Подай! Заговеньица!...
13. У нас семеро детей,
Все в подполье сидят,
Да соломку едят,
Оржаную, яровую, не помешанную.

Когда ребятки пропоют, им подают чего-нибудь из съестного. Бывает из-за малого, но „здобненькова“ поспорят ребятки и подерутся немножко. Если кто долго не подаёт или совсем откажет, мальчишки начинают „безобразить“: стучать в стены избы, по стеклам

*) медовая.

и надоедливо кричат: подайте!.. Эй! дорогие, жадные!.. по-дай.. те.. заговеньица, и выкрикивают неприличные слова.

Принимают участие дети также в обряде сжигание масленицы, и принимают с большим удовольствием. Делается это так: с утра в „Прощенное воскресенье“ мальчишки собирают для зажигания разный хлам, что только удастся „стянуть“: корзины, бочки, ящики и тому подобное. В селах тотчас после вечерни, а в деревнях, как только „чуть смёркнется“ и соберётся масса народа на окраине селения, зажигают эту масленицу, а то и среди улицы жгут солому, при этом кричат „у-ра!.. у-ра.. ура“..... и поют:

14. Жил был у бабушки серинький козлик,

Вот как, фить как, серенький козлик.

Вздумалось козлику в лес погулять,

Вот как, фить как, в лес погулять.

Напали на козлика серьи волки,

Вот как, фить как, серьи волки.

Оставили бабушки рошки да ношки,

Вот как, фить как, рошки да ношки.

Да козловы сапожки,

Вот как, фить как, да козловы сапожки.

При сжигании масленицы поют также песню напечатанную ниже под № 69.

IV. Гадания.

Очень распространены в деревне всякого рода гадания. „В святки, святые вечера, грех работать“. С нетерпением ждут девушки святок, чтобы погадать о своей судьбе, будущей жизни, о замужестве. На них глядя, гадают и парни и маленькие ребятки.

Самое большое гадание бывает вечером под новый год. Гадают главным образом литьем свинца. Гадают не только молодые, но и старые: всем хочется узнать, что ожидает каждого в новом году. Очень весело бывает во время гадания; сколько радости, когда выльется хорошее! смеху, крику тоже не мало, но очень обидно и печально делается тому, кому выльется нехорошее, напр, гроб старикам.—Э! гроб, гроб бабушка... „Ну нам то всё равно надо помирать, время наше пришло, будет, пожили на свете белом, пора и на покой“—говорят свиду спокойно старики, но всё-же остаются опечаленными; да и молодые, если им выльется печь (печаль), тоже сразу делают печальными.

Кроме гаданий, верят и в приметы: на новый год моются в бане, чтобы не быть грязными весь год, прибираются в доме, уплачивают по возможности долги, чтобы не должать весь год и т. п. и ждут хороших снов на новый год.

Вот некоторые из гаданий, записанных мной:

15. Во все дни от Рождества до Крещения, девицы ложатся на снег и катятся по двору или дому от стены до стены к воротам: если прикатится лицом к воротам или двери, тогда отдадут замуж, если спиной—тогда посидит ещё, девкой останется.

16. Девки приносят в избу обмолоченные снопы и молотят вновь, всякая свой сноп (когда хошь, днем и вечером можно), и вот сколько намолотят зерна, столько будет семьи, детей.

17. По вечерам промеж Рождеством и Крещением, во все дни, когда вздумают, приносят в избу курицу, кладут ее посередь полу вверх ногам и очерчивают ее углем три раза встречу солнца. В эту черту кладут зерна горсть: овса, ржи, пшеницы и крошки хлеба, а в эти крошечки серьги; куда выбросит серьги, в ту сторону и выдадут девку замуж.

18. Под новый год с вечера корове подвязывают рога поясом, а утром смотрят: куда корова повернулась рогами, туда и выйдет девка замуж.

19. По вечерам стучают ложкой об стекло: в которой стороне чудится (слышится звук), в ту сторону и выдадут замуж.

20. С вечера на новый год запертой замок оставляют у колодца, со причетом: „Суженый—ряженный, приводи коня поить, приходи ключа просить“. Он и придет к ней ночью-то ключа просить; кто приснится, тот и жених.

21. С бесед ходят ночью на реку, где быстрое течение, и берут камушки: если попадет черный камушек, и жених будет черный, если белый, и жених будет белый и т. п..

22. Льют олово, свинец на Новый год и в Крещенский вечер, белок яйца выливают в стакан холодной воды, кому что выйдет (выльется): церковь—значит свадьба, и на какую церковь похожа, в том приходе и венчаться будет; если выльется крест—значит терпение, значит, трудно будет жить; печь выльется—печаль будет, и т. д.

23. Во время святок, при огне, приходят девицы в баню—в холодную в летнюю баню полевую, чтобы было не попарно нечетное число, снимают пояс, крест, распускают косы и расстегивают все пуговицы, ставят одну девицу в середину, а около (вокруг) ее водят черту и поочередно смотрят в зеркало и в это время говорят: „Придите сорок чертей с чертенятами, из под пеньев, из под корней и из других мест“. И если в зеркале покажется, что выходит чорт по пояс, сейчас же нужно расчеркиваться. Если сама умеет, сама и расчеркивается, а если не умеет, тогда расчеркивают другие. Если чорт полный (в полный рост) выдет, тогда опасность будет. Черты не выпустят, уйдет домой, за ей и домой пойдет чорт. После гадания уходят на беседы.

24. В один из святочных вечеров, когда смеркается, ходят на какую-нибудь из дорог к девятой вехе, считая по обе стороны от деревни, задом, и срывают веточку; с веточкой идут домой, задом же. От одной вехи отрывают и несколько человек, больше все девицы,

и очень редко парни. Принесенные веточки кладут на ночь в изголовье (под подушку) и говорят: „Девятая вежа, укажи мне жениха“— и ждут во сне жениха; кто приснится, тот и будет жених.

25. На святках по вечерам ходят к верее (ворот дома), где есть только сын и дочь, всё равно женатый или нет, замужняя или не замужняя, только были бы сын и дочь; ходят задом туда и сюда и ее (верее) отгрызают, глодают через левое плечо, и что отгрызут, положат в карман, на ночь кладут под подушку и говорят: „верюшка-верее, укажи мне женишка“—и ждут во сне жениха.

26. Под новый год вечером девки и ребята ходят слушать под окошком с первым огарком от спички, которым зажигают огонь. Ходят больше по тем домам, где семья побольше, кто что выслушает. Услышат про свадьбу, значит, выдет замуж или женится.

V. „Светшныя“ песни.

В святки, помимо гаданий, молодежь развлекается пением песен. Песни в святки поются особые, „светшныя“, сопровождаемые играми, в которых главную роль играют парни. Некоторые из этих песен я привожу ниже.

Девыцы сидят в избе на лавках и поют:

27. Мимо саду, мимо саду, вдоль по травке,
По той летней по дорожке шол тут парень,
Шол тут парень, не женатый, холостой.

После этих слов выходит парень по старшинству и выбирает четырех девиц, и они расходятся по углам, а парень остается в середине и ходит из конца в конец, из угла в угол.

Вы вставайте, вы вставайте, вы вставайте все четыре,
Все навстречу, милые девушки, милые девушки,
Я готов с вам танцовать, я готов с вам танцовать;
Резвые нѳженьки, резвые нѳженьки танцуют,
Белые рученьки, белые рученьки счѳлкают.
Очи ясны, очи ясны, очи ясны взирают.
Знать по нраву, знать по нраву, знать по нраву молодцу
Показались девушки, приглянулись красные.

Берется за руки или обнимается парень с девкой, в это время присутствующие поют:

28. По мосту, мосту по калиновому,
По другому, по сухому, по малиновому,
Тут шол-прошол детинушка,
Невѳдомо какой;
Он невѳдомо какой, это парень молодой.
На рученьки трость, трость камышевая,
А на тросточке ленточка букетовая,
Золотое-то колечко на руке, как жар горит,
Слышат чувствует сердечко, дома маменька бранит.

Недалеко от базара воротёчки широки,
Воротёчки широки, распростялись, врозь пошли.

В это время парень с девицей целуются и садятся каждый на свое на прежнее место.

Девушки поют:

29. Вечор соловей, вечер молодой,
По утру рано встал,
Сырым бориком летал.

В это время парень встает и идет к намеченной им девушке.

Александр Иваныч
Русы кудри завивал
Во серебряно колечишко,
Присушил свое сердечушко,
Присушила радость девица душа.

В этот момент парень выбирает девицу.

(Поют девицы за парня):

Посмотри на миня,
Взгляни, радость дорога,
Как я-ли хорош, как я-ли пригож.
Сахарное наливное, сполван цветочек я,
Поцелуй топерь миня.

Целуются.

Парень берет двух девиц, которые становятся среди избы, и идет им навстречу, а в это время все присутствующие девицы поют:

30. На дубу была, на дубике,
На зиленом на прутике,
Тут сидели две голубушки,
Они сидели разговаривали,
Жениха себе высматривали,
Из умненьких умнянькова,
Из хорошеньких хордшинькова.
Полно, миленький, недело говорить.
Люди женятся, не каются,
С молодыми жонами прощаются,
Со сестрицами поцелуются.

После этого парень целует этих девиц.

31. Как на тоненький ледок
Выпадал белый снежок,
А на этот белый снежок
Выезжал смелый паренёк,
Он и ехал, поспешал,
Со добра коня упал,
Никто его не видал.

В это время парень выбирает двух девиц и ходит им навстречу.

Две девицы увидали,
Красавицы подбежали,
За белые руки брали,

На добра коня сажали,
Вслед наказывали:
Поезжай-же, мой хороший,
По огнёвым городам,
По иным городам,
По трактирам, по пирам:
Во беседушку зайдёшь.—
Не засиживайся,
На хороших, на пригожих
Не заглядывайся.
У хороших у пригожих
Больно взгляды хороши:
Больно взгляды хороши,
Парня высушили.

После этого парень целует девицу.

32. Две подружки Катеньки,
У них головки гладеньки,
Косы завитые,
Шпильки золотые.
Шпильки светятся, горят,
Целоватся им велят. (Целуются).

33. Во селе было, во конторе, сидел писарь за столом.
Писарь пѣшет в два пера государевы дела.
Отойдите от меня, здесь контора не мила.

Встаёт парень и берёт девицу, и они ходят навстречу друг другу.
Вдруг контора растворилась, красна девица явилась,
Середь полу становилась, всем приказным кланялась:
Вот особенно один, здравствуй, писарь господин.

Парень и девица начинают ходить вместе.

Эта девица смела, с собой писаря взяла,
Круг конторы обвела, распростилась, врозь пошла.

Парень с девицей целуются и расходятся.

Чтобы освежить т. е. поразнообразить свои игры, иногда поют
„смешные“ песни, например:

Ходит парень с девицей по полу, а все поют:

34. Журавлёвы долги ноги
Не нашли пути-дороги,
Они шли стороной,
Боронили бороной.
Борона железная, поцелуй любезная.

Один из присутствующих выбирает девицу, начиная по порядку с края.

35. Вышла Пбленька гулять,
Полю нѣкому унять;
Унимала Полю мать,
Уговаривал отец;
Не ходи, Поля, на крылец,

Не любя-ка, Полянка,
Писаря хорошева.
Вот эково, как Петруха,
Голова расчёсана,
Помадой намазана,
Целовать наважена. (Целуются).

Между прочим во время игр мысли о сватании (замужестве) не покидают девушек, и, нет-нет, да и споют песенку или скороговорочкой скажут про это.

35. Ко мне сватьи ехали,
В огород заехали.
Вочку пива пролили;
Всю капусту полили.

VI. Свадебные песни.

Но вот мечта девушки осуществилась: девушка выходит замуж, и справляется свадебный обряд. Свадебный деревенский обряд весьма своеобразен и интересен, но полное описание его потребовало бы специальных записей: здесь же я ограничусь отметкой только наиболее характерных черт этого обряда, приведением наиболее интересных свадебных песен (сговорёнок), какие мне приходилось слышать.

„Всё выводится, всё по другому стало, уж теперь не как прежде“, всюду можно слышать от крестьян, но всё же ещё можно услышать „плачи“, „вои“ просватанной „пропитой“ сговорёнки. С разу в тот же день, как просватают девицу, она чувствует как бы некоторую отчуждённость от подруг, от прежней девичьей жизни, она уже жалеет свою красоту, которая, как цвет в поле, увянет в замужестве. Эти новые переживания, эти предчувствия она высказывает в песнях, обращенных не только к родным, но и ко всем вообще. Действительно, со стороны заметна отдалённость подруг от просватанной. Со дня просватанья невесты, как бы подруги ни суетились около нее, всё уж это не прежнее отношение к ней, чувствуется холодок.

Когда поёт песни — сама „сговорёнка“ или девушки (с подруги), у ней на глазах появляются слёзы. Некоторые „воют гóлосом“. Несколько предсвадебных песен я привожу ниже.

Когда приходят подруги к просватаной „пропитой“ сговорёнке, она поёт:

36. Вы идите-ко, подруженьки,
Вы идите-ко, голубушки,
Не обидьтеся, подруженьки,
Не обидьтеся, голубушки,
Что я вас стрётила,
Среди улочки широкие,
По конец мосту тесового,
Подкосились резвы ноженьки,
Опустились белы рученьки,

Не пришли вы, подруженьки,
По-ту пору вре́мичко,
Как пропивал родимый тятинька
Со моей родимой маменькой.
Вот придёт-то весна красная,
Разольются реки быстрые,
Рассветут цветы лазоревые,
Подитё-ж вы, подруженьки,
На гуляньицо весёлое,
Во лужки-то во зелёные,
Во кружки-то во весёлые,
Вы зайдите-ко, подруженьки,
Ко моей родимой маменьки
По мою-то девью красоту.

37. В синем мёрюшке
Сера утица купается,
Она моется купается,
А уж Орина Алексеевна
Под венец собирается.
Уж как мне, серой утице,
С морской воды подняться.
Уж как мне, красной дёвице,
С родной матерью растаться,
А не растаться да растанешся.
Уж летели два-то стадичка,
Одно стадо лебединое,
А второе гуся серые.
Отставалала лебедь белая
От стада лебединова.
Приставала ко серым гусям.
Вы не клюйте, гуся серые,
Не сама я к вам залетела,
Занесли меня ветры буйные,
И завезли меня кони ворóнные.

Когда выведут невесту на двор, пока сажают ее в сани или в тарантас (в это время присутствуют все подруги), невеста завывает:

38. Ты запомни, родна маменька,
Уже это ты мёстечко,
Не яблонька здесь стояла,
Твоё дитятко
И проливало горючие слёзы,

39. Когда выедут из двора, невеста завывает:
Проводите-ко, подруженьки,
Проводите-ко, голубушки,
Уж меня вы, младу горькую...

После благословения иконой с хлебом солью, невеста приложится к иконе, кланяется отцу, матери и крестным в ноги и воет:

Не прощу я вас, рѳднѳй тятенька,
Я у вас ни золота,
Ни золота, ни сребра,
Я прощу, рѳдимѳй тятенька,
Я родительского вашего благословеньца.

Когда у невесты нет ни отца, ни матери, невеста с „воем“ обращается к родному брату:

40. Пойди-ко ты, любезный, или родимый брат,
Уж ко мне-то мѳдо горькой,
Расскажи ко ты, любезный брат,
Што топерь у вас за праздничек,
Што топерь за весельице!
Наварили пива пьянова,
Накупили вина зелѳнова,
Уж все гости сѳезжались,
Уже все гости со гѳстиками,
Только нет у нас гѳсьи одной,
Што родимой моей мамоньки,
На мою-то свадьбу горькую.
Ты сходи-ко, мой любезный брат,
Ты на оградушку широкую,
На папѳрть на шатрѳвую,
Уж ударь-ко ты, любезный брат,
Во звѳнко колоколѳшко,
Разсуди-ко ты, любезный брат,
Рѳдиму мою мамоньку,
На мою свадьбу горькую.

Перед венцом, когда жених приезжает за невестой, или когда он сидит за столом с невестой, девицы поют следующую песню:

41. Что не пыль ли запылилася,
Не туман ли затуманился,
Уж Яков-то Абрамыч,
Он едет с пѳездом,
Всю-то улочку проехали,
К Алексею во двор вѳехали,
А Надежда мела в сѳничках:
Уж вы пѳшто, гости, ѳдите,
Вы не ждѳны и не званы,
Что у нас зелено вино не куплено
И квашонки не творѳные,
И пироги-то не пѳкѳные.
А нельзя ли как подумати.
Орину замуж выдати.
Уж Орина Алексеевна
Из кути-то шла до-пѳреди,
Потеряла она потѳречку,
Из косы алу ленточку.
Она села под окошечко
Она села да заплакала:

Ужь, болезной мой тятенька,
Уж нельзяли-ли как раздумати,
Меня замуж не выдати?
А у нас зелечко задёлано,
Зеленё вино выпито.
По рукам у нас ударено.

Если жених не уболагтворит довиц, то у них для него про-
зашас есть и другие песни—хульные, вроде следующей:

42. Изменила нас изменница
Евдокея Алексеевна:
Она хотела в монастырь итти,
В монастырь итти, в игуменьи,
Всех подруженек с собой забрать:
Любимою подруженьку Маремьяну Алексеевну
Взять во-кдюшницы, во-аремницы,
А топеря за столом стоит,
За столом стоит, на жениха глядит.
Овдокея возговорила:
Уж как мой жених похуже всех,
А Иван ходит по полу,
Чешет, гладит, буйну голову,
Чешет, гладит, приговаривает:
Прилегайко-те, русы волосы,
Ко мому-ту лицу белому.
Убавляй-ко, моя Дунюшка, спеси—гордости.
А уж как Дунюшке не хочется
Спеси, гордости убавити,
Ума разума прибавити.
Уж как сватушку со свахонькой
Умереть бы без покаянья,
Положить бы мне по верх земли
И накрыть-бы рогожбношку.
Овдокея возговорила:
Уж как мой жених похуже всех,
А Иван-то ходит по полу,
Спотыкается,
Щи хлебает, заливаается,
А у глаз-ту хоть и спляцы серь,
А в умах-ту соловьи свистят,
На горбу-ту ропа выросла,
А во рошце грибы растут,
Ростут-грибы мухарнички,
В поезду-ту всё охальнички.

43 Как у Якова Абрамыча
Широк двор на семи верстах,
На семи верстах печатных,
Верейшки все золочёные,
А столбы во дворе точёные,
А над воротами горница,

Как во горенки столы стоять,
На столах самовары кипят.

44. Уж сватoshку за сватанье
Кумохи бы с чёрной немочи,
Уж бы с печи об пол грянуло,
На язык бы ему три чирушка,
А четвёртый на горлышко
И светил бы вместо солнышка.
А у женишка-то в носу-то соловьи поют,
А в ушах то мыши гнёзда вьют,
А ужь двory-то на семи шагах на куричьих
И столбушки пошатнулись,
А по конец-то банюшка. (Конец утерян)

На самой свадьбе в конце вечера поется, „штобы посмеяться“
такая шуточная песня:

45. Тёща зятюшка в гости звала,
Пива наварила,
Вина набрала,
Муки и соли
На четыре рубля,
Сахару, изюму на восемь рублей;
Стал пирожок во двенадцать рублей.
Она думала, гадала,
Семерым пирог не с'есть.
Ужь как зятюшко-то сел,
Уприседа пирог с'ел.
Тёща по полу похаживает,
На зятюшку с косу поглядывает:
Как тебя зятюшко не рзорвало.
Зять говорит:
Разорви, разорви тёщу мою
Со своячиною.
Уж как зять-то тёщу звал,
Припас про тёщу две дубины.
Первую дубину-дубовенькую,
А другую-то вязовенькую
Ужь ты, батюшко вязок,
По своячинки разок,
Уж ты, матушка дубина,
По бокам ты тёщу возила (била).

· VII. „Вьюницы“.

Наряду с свадебными песнями надо упоминать о вьюницах.

Весьма старинный обряд пения так называемой „вьюницы“ ещё сохранился у крестьян Ковернинского края. Хотя за самое последнее время с нарушением вина, прекратилось и пение „вьюницы“. Обряд этот заключается в следующем: в субботу на святой (на пасхе), в полдень собираются несколько мужиков, а иногда и целым

„обществом“ (деревней) во главе „со стариками“, „коноводами“, „вроде регента“, и ходят по домам молодоженов (первогодков женатых). Умеющие петь входят в самый дом или встают, „де прикажут“, у крыльца или у окна, а иногда и садятся у избы за стол „кружком“ на ранее приготовленные для них скамьи и стулья и поют „выюницу“. После пения, молодой выносит на „поднозе“ графин с водкой и рюмочку, а молодая яйца и пряники. Мужики выпивают винца и закусывают яйцами, а маленькие ребятинки и бабы „если подоспеют“, получают пряники. Случается, что угостят только „певцов-молодцов“, по стаканчику винца, а остальным дают „деньгам“. Получившие одни деньги остаются не особенно этим довольны и „поругивают“ за это молодых.

46. Дома-ли хозяйин со хозяйюшкою?

Ой выюница, ой молодая,
Ой благословляй-ко ты,
Хозяин, молодых окликать,
Ой выюница, ой молодая!
Ишо есь у тя, хозяйин,
Три угоды во дворе:
Уж как первая угода—
Соловей гнезда вьёт,
Малых детонек взведёт,
Ой выюница, ой молодая!
Как вторая угода,
Белоярые мчёлы сладкой мёд несли,
Сладкой мёд несли,
Ой выюница, ой молодая,
Ко выюнцу к молодцу со-обручной,
Со своей с Евдокиюшкой душой
со Васильевной.

Ой выюница, ой молодая,
Ох уж как третья угода
Есть тесовая кровать,
Ой выюница, ой молодая,
Ох есь тесовая кровать,
Ножки точёные позолочены,
Ой выюница, ой молодая!
Ох на кровати тесовой
Лежит перина пуховá,
Ой выюница, ой молодая,
Ох на перине пуховой
Лежит подушка парчевá,
Ой выюница, ой молодая!
Ох на подушке парчевой
Лежит выюнец молодец,
Ой выюница, ой молодая,
Ох выюнец молодец со-обручной,
Со своей с Евдокиюшкой душой
со Васильевной,
Ой выюница, ой молодая!

Ох, что вьюнец молодец
По синичкам ходит,
По новым гуляет,
Ой вьюница, ой молодая,
По новым гуляет,
В гуслица играет, жону утешает,
Ой вьюница, ой молодая!
Ох ты не плачь-ко, не плач,
Моя млода жена,
Овдокиющка душа, дочь Васильевна,
Ой вьюница, ой молодая!
Я не силой тебя взял,
Не уводом увёл,
Ой вьюница, ой молодая.
Я поперво тово сватовей засылал
Ой, вьюница, ой молодая,
Ох я после тово
Уж я сам заезжал,
Ой, вьюница, ой молодая!
Ох перед батюшкой твоим
На коленочках стоял,
Ой вьюница, ой молодая,
Перед матерью твоей
Уж я спину гнул,
Ой вьюница, ой молодая!
Ох, поткатывай деревца
Кипаристовые,
Ой вьюница, ой молодая,
Ох, мы не воры пришли,
Не разбойнички,
Ой, вьюница, ой, молодая.
Мы пришли, певцы—окликальшички
Да величальшички,
Ох, ты бери-ко, бери
Свои золоты ключи.
Отпирай, отпирай закованные лачы*),
Ой, вьюница, ой молодая!
Ох вынимай, вынимай, парчевы кошели
Ой, вьюница, ой молодая,
Ох одиляй, одиляй
Нас, певцов-молодцов,
Окликальшичков да величальшичков
Ох, хоть по денежке,
Да по копеечке.
Ой вьюница, ой молодая!
Ох, хош по чарочке пивца,
По стаканчику винца,
Ой, вьюница, ой молодая.
Ох, уж как сверх-то тово
По красному яциу.

*) Ларцы, сундуки.

Молодому поют так:

47. Как жили да были
Три красны девицы,
Вьюнцовы сестрицы
Вьюне-ец молодец.
Первая сестрица
С терему сходила,
Во стойло ходила,
Вьюне-ец молодец.
Коня выводила,
На коня сажала,
Вьюнца вопрошала,
Вьюне-ец молодец.
Куда вьюнец едешь?
Я еду—поеду
На царскую службу.
Вьюне-ец молодец.
Царю послужити,
Вьюне-ец молодец
Верю и правдой
Своей без'изменной.
Ковда домой будешь,
Вьюне-ец молодец.
Втѣпор домой буду.
Я коня из'езжу.
Вьюне-ец молодец.
Плѣточкой измыжжу.
Копьѣ изморзую
Втѣпор домой я буду.

Молодوخе поют:

47а. У Василья во дворе
Выросло деревцо.
Кипаристо високо,
Вьюница молодая.
Кипаристо високо,
Оно листьѣм широко,
Златоверховато,
Вьюница молодая.
Што во этом деревце
Три угоды хороши,
Вьюница молодая.
Во-комли-то деревца
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова,
Вьюница молодая.
Перенушка пухова,
Подушичка парчева,
Вьюница молодая.
На перине пуховой,
На подушке парчевой
Спит вьюнец молодец,

Вьюница молодая.
Спит вьюнец-молодец
Со вьюницей со своей,
Со Прасковьей госпожой.
Ты поди-тко, буди
Свою молодую жону,
Парасковью госпожу,
Дочь Ивановну.
Отвыкай, отвыкай
Своей стороны,
Свое батюшки.
Вьюница молодая.
Свое батюшки,
Своей матушки,
Привыкай, привыкай
Ко моей стороне,
Вьюница молодая.
Ко моей стороне,
К моему батюшке,
К моей матушке,
Вьюница молодая.
И ко свёкру привыкала,
И рубашечки пивала,
А к свекрови привыкала,
И кросенца*) дотыкала,
Вьюница молодая.
А к деверьям привыкала,
Воды на руки давала.
Вьюница молодая.
И к золовкам привыкала,
Русы косы плела,
Вьюница молодая.
И ткаха, я пряха,
И шолком шила
И по золоту ходила,
Вьюница молодая.
Отширай, отпирай
Все окованы концы**),
Вынимай, вынимай
Все парчёвы кошели,
Вьюница молодая.
Все парчёвы кошели,
Все кошблочки,
Вьюница молодая.
Все кошблочки,
Все мошблочки.
Оделяй, оделяй
Нас, певцов-молодцов,

*) Новины, рубашки.

**) Сундуки.

Вьюница молодая.
Нас певцов молодцов
Хошь по денежки, по копеечки,
Вьюница молодая.
Либо по склянице вина,
Либо пива яндова.
Покатися яйцо
С високова терему,
Вьюница молодая.
С високова терему,
Не сшибися с шолому,
Вьюница молодая.

VIII. Разные песни.

Помимо обрядовых песен (сговоренок, свадебных, вьюниц и проч.) поются в деревне и другие песни, самого разнообразного содержания. Мне удалось записать несколько из таких песен. Песни эти поются в разное время, а когда именно и как, и при каких обстоятельствах, точно сказать я не могу, так как при записях, к сожалению, не спросил об этом у певцов и рассказчиков.

48. Безпашна уродилася,
В сиротстве взросло,
В изменника влюбилася, в тирана подлеца.
Зачем тиран тиранить и мучаешь миня?
Я мучаюсь страдаю, сама знаю—по ком:
Сама про это знаю, не любит он миня,
Не любит злой мучитель, чево мне больше ждять?
Катитесь гбрьки слёзы, катитесь из глаз,
Целуй миня, мой милый, целуй последний раз.
Не раз я говорила, не два, хороший мой,
Забудь ты всю досаду*), побудь хоть час со мной.
А мил, как в поле ветер, одно своё твердит:
— Уеду да женюся, приеду я с женой.
Пускай все люди бают—законная жена,
На то мне ни обидно—законная жена,
На то только обидно,—обманывал миня.

49. Я посеяла, млада-младенька, светиков маленько,
Я на те светы взирала, сердце обмирало,
Обмирай моё сердечко по милом дружечки.
Слышу, вижу, сам я сдагадался, што любишь инова;
Люби, люби, моя черноброва,

„Призабыл вдруг всё, право захлеснуло, не приходит на память, эх, Господи прости!“—говорил в этом месте рассказчик.

Я тобою, душенька, довольна, любить тебя полна,
Полно-полна, право, не хочу,
С кем гуляю, не скажу.
У девицы был я во светлице,
Оне пели разной мтицей,

*) Ревность.

Оне пели распевали, разным голосам.
Одна мташка, мташка-финарейка, голосок наводит.
Уж я эфтог голосочик спишу на листочек,
Отошло я этот листочек в Сибирь городочек,
В уездный судбчек.

По объяснению певца, „уж годов десять не пели“ эту песню.

50. Вечер вечерет, колышится трава.
Нейдёт ко мне мой милой, пойду к нему сама.
Иду, а ветер дует, волнует грудь мою:
Пришла я ко крылечку и встала у дверей,
А бедное сердечко забилось сильней.
Я правую рукою бралася за цепок
И слышу, предо мною отщёлкнулся запор.
Служанка выходила, мне руку подала
И с горькою улыбкой по комнатам вела.
Все комнаты заперты,
Одна лишь отперта для милова дружка,
Не только для милова, а больше для мина.
Сидит мил на диване, я в ужасе стою
И держит на коленях любезную свою.
Мучитель, злой мучитель, зачем ты мучаешь мина,
Красотка не влюбляйся, погубит и тибя.

51. Раскудряв-кудряв Васильюшко, паренёк,
Раскудрява головушка ево.
Ещё кто тебя, Васютка, спородил?
Спородила родна матушка моя,
Возлелеяла чужая сторона,
Бело вымыла зарешная вода,
Завила кудри сударушка моя,
Завивала, приговаривала:
— Ни развейтесь, русы кудри, до поры,
Вплоть до матушки до поля воды:
Когда реченьки розольются,
У Васи кудри разовьются.
Уж как Васинька буду набедовал,
У прикащика хозяйку сторговал,
У ево жена-то Аннушка,
А сестра ево Натальюшка:
У Наташи два колечка износил,
Питьдисят рублей залогу положил,
Питьдисят рублей не денежки,
Целовали Васю девушки;
Целовали приговаривали:
Выходи Вася на улицу гулять,
Всяки ситцы и матери выбирать.
Васе розовой не кажется,
Кяленкор белой марается,
Чёрно-кубовой носил да не форсил,

Полосатой, не матерчатой,
Куплю Васиньке с широким полосом,
Сошью Васиньке рубашку со шлагом.

52. Научить ли тебя, Ванюша, как ко мне ходить,
Ты не улицей, Ванюша, переулочком,
Ты не голосом, Ванюша, кричи, соловьём свисти,
Чтобы красна девица здогодáлася,
Со беседы со пиру собирáлася:
Скажу девушкам подружкам: голова болит,
А скажу матушке—голубке: уж я не могу,
А ко милому дружку пойду здоровёхонька,
А от мила пойду я пьянёхонька.
Уж я лесом шла, не шаталася,
А уж я полем-то шла, не боялася,
Ко дворику подходила, пошатáлася,
За притворную верейку захватилася.
Веряя моя, верейка,
Судержи меня, женку пьяну,
Женку пьяну, распахмельную.

53. Что не сыр ли дуб разгорается.
Ой ля лю, ля лю разгорается.
Что не мой ли мил разнемогается.
Ой ля лю, ля лю разнемогается.
Разнемогся мил, лёг в постелюшку,
Ой ля лю, ля лю в постелюшку.
Лёг в постелюшку на всю неделюшку
Ой ля лю, ля лю на всю неделюшку.
Вновь горенку, под окбленку,
Ой ля лю, ля лю под окбленку,
На кроватенку, на тесовую,
Ой ля лю, ля лю на тесовую,
На перинушку, на парчёвую,
Ой ля лю, ля лю на парчёвую,
На подушечку, на пуховую,
Ой ля лю, ля лю на пуховую.
Я схожу к дружку на побывочку,
Ой ля лю, ля лю на побывочку,
Я спрошу его, чего хочется,
Ой ля лю, ля лю чего хочется:
Или чаю-то или кофею,
Ой ля лю, ля лю или кофею,
Или мёду-то или сахару,
Ой ля лю, ля лю или сахару.
Пожелал милой ключевой воды,
Ой ля лю, ля лю ключевой воды.
Ключевой воды со Дунай-реки,
Ой ля лю, ля лю со Дунай-реки,
Со Дунай-реки с трёх колодчиков.
Ой ля лю, ля лю с трёх колодчиков.

Уж я первый час в круту гору шла,
Ой ля лю, ля лю в круту гору шла.
В круту гору шла, письмецо нашла,
Ой ля лю, ля лю письмецо нашла,
Письмо грамотно, весть не радушну,
Ой ля лю, ля лю весть не радушну.
И взяла его, распечатала,
Ой ля лю, ля лю распечатала,
Распечатала, сама заплакала;
Ой ля лю, ля лю сама заплакала:
Уж мой то мил во гробу лежит,
Ой ля лю, ля лю во гробу лежит,
В головах его свѣчи топятся,
Ой ля лю, ля лю свѣчи топятся,
А в ногах его ладон курится,
Ой ля лю, ля лю ладон курится.

„Эту песню поют, когда задумают; ей не назначено время“.

54 Это поле, это чистое,
Мы когда тебя, поле пройдем?
Все пути ваши, дороженьки,
Все места славны прекрасны,
На том поле, на том чистом,
Мы сходились не с приятелем,
Мы Расеюшку наскрозь пройдем,
Графа Паскевича в полон возьмем,
Граф Паскевич речи говорил:
Постарайтесь-ко ребятушки
Силой, армией солдатушки,

55 Сушила, крушила молодца кручина,
Ржавчина железа, зимовая стужа,
Солдатскія служба,
Гонят на ученье;
Ученье холодно,
Стоять невозможно,
Пристояли мы пожки,
По белому снежку,
Привалила ручки ко светлому ружью,
Обглянула наши плечи ранцам и патронам.

Записана во время звона к обедни, „Поп не бранит эту петь“ — так сказал рассказчик.

56 Все питейные дома,
Вы прощайте, Души Сани, Маши,
Нам топѣря не до вас,
Все востощны гонят нас;
Все кораблики про нас готовы,
Лѣжки лодки бѣгут на-перѣд,
Два матросика в лодках сидят,
Про разлуку речи говорят:

Ты разлука же, моя разлука,
Чужа-дальна сторона,
Фатерушка нанята,
Хозяюшка молода,
У её дочка хороша,
Возьму замуж за себя.

57. Как за речкой, речкой гуляет казак,
Девченычка плачет за быстрой рекой.
Об чём, Маша, плачешь, кого тебе жаль?
Жаль мне тяти с мамой, да сестёр своих.
С родными сестрами не век будешь жить,
С тобой, моя радость, век в радости жить.
Когда я была не в летах, малолеткой слыла,
За правую руку цыганка брала,
Шутила, гадала, качала glavой,
Сказала, потонешь в день свадебный свой.
Не верь, моя радость, цыганка-то врёт,
Через эту речку постелю я мост,
Мостик-от чугунный, на тысячу вёрст.
Поезд-то тронулся, гнедой конь поткнулся,
Невеста с кареты скатилась в Дунай,
Впервые говорила: прощай вольной свет!
Ещё повторила—прощай, милой мой!
В третьи говорила: прощай, мать, отец.

- (вариант) 58. Стреляет! палит лютое ружьё,
Под Дунаем гуляет казак молодой.
Девица тут плачет под быстрой рекой.
О чём радость плачешь, ково тебе жаль?
Или жаль тебе коня или збруи златой?
Только жаль отца, мати, родных мне сестёр.
С родными сестрами не век тебе жить,
Со мной моя радость век в счастье жить.
Когда я была млада, не в летах была,
Смеясь, мне ручку цыганка брала,
Ворожила, гадала, качала glavой:
Потонешь, девица, в день свадебный свой.
Не верь, моя радость, цыганка всё лжот,
Чрез быструю речку я вымошу мост,
Широкий—предлинный посту (?) по бокам:
К венчанию поедем, я коней подам.
Чугунные плиты подковам бренчат,
Средь длинного моста упала плита,
Коляска скатилась с невестой в реку,
Невеста сказала: прощай, милой мой!

59. Рассказать-ли вам, подружки,
Про несчастье про моё:
Чай вы знали мово милдва?
Какой бравой мальчик был,

Был он росту небольшоша,
На лицо очень красиша,
За Московскою заставой
Мил наславился бойцом,
А теперь за морями мил на кладбище лежит.

60. И по кладбищу гуляла во двенадцатом часу,
А навстречу мне, младенькой,
В белом саване мертвец:
Что ты девица здесь гуляешь.
Не бояся никого?
Но чево мне здесь бояться,
Здесь мой милый схоренён,
На нём памятник очень тяжелый,
Изусыпан серебром.

61. При бурной ноченьке осенней,
Скрывался месяц в облаках,
На ту зелёную могилу
Пришла красавица в слезах.
Она пришла на край могилы,
Главой на памятник легла,
Своими белыми руками
Могилу хладну обняла,
Своим унылым голосочком,
Будила милаго дружка,
И вдруг могила задрожала,
Из гробу голос раздался:
Ты отойди прочь от могилы,
Мне теперь не до тебя;
И, отвернувшись, слёзно плача,
От могилы прочь пошла.
Зачем, зачем эдак свыкаться?
Зачем дарить златым кольцом?

62 Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизы перья на тропину,
Ветир быстрый переносит по дуброве,
И раздаётся Машин голос по пустыни,
Скушно, тошно сиротине во чужбине жить,
На чужой дальней сторонке,
Не скрикай-ко, бедна мташка,
Деток малых,
Деток малых, сирот бедных,
Бедных кокушек. Конец песни рассказчик не досказал

заметив, что „она недолгая была песенка-то“.

63 Эка скука и забота—
Деревенская работа.
Мало люди ночи спят.
Друг по дружке суетятся,

Как бы с полюшка убраться.
Находила тучка с громом,
Частым дождичком мочила.
Посылает Ваню мать
Яровое поле жать.
Шол Ваня, поторопился,
На любезну засмотрился,
Понмел он такую скуку,
Пообрезал серпом руку.
Ручейчком кровь текла,
Недалёко мила жала.
Платом руку завязала:
„Поди Ванюшка домой“.
Шол де Ваня, торопился,
За дубовый стол садился
И брал чернильницу с пером,
Пишет в Москву, в царство,
В Петенбурхо-государство.
И всю селению восхвалял:
Расхорошая деревня,
Можно городом называть,
Много девок, много баб,
Ещё есть с кем погулять.

64. Долина долинушка, раздолье широкое,
Раздолье широкое, приволье хорошее,
На этой долинушке гуляет детинушка,
Гуляет детинушка—горький сиротинушка,
Гуляет невесело, говорит нерадостно.
Увидала матушка, усмотрела родная
Скрозь стёкла хрустальные:
„Что же, моё дититко, что же, чадо милое,
Гуляешь не весило, говоришь не радосно?“
— „Чем же, моя матушка, чем же веселитися?
Все друзья-товарищи, все они женилися,
А я у вас, матушка, холост, неженат хожу,
Холост, неженат хожу, холост я гуляю.
„Женись, моё дитятко, женись, чадо милое,
Выбирай-ко, дититко, невесту хорошую,
Невесту хорошую, доченьку боярскую“.
— „Это, моя матушка, в доме не хозяйюшка,
В поле не работница, в доме не хозяйюшка,
Нет мне надо, матушка, дочиньку крестьянскую.“

65. Гулял—мил за реченькой, а я за другой,
Манил меня милинький правую рукой:
Ты моя сударушка, пиреедь сюда,
Если пиреедишь, возьму за сябя.
А если не пиреедишь, убью сам себя,
Передам душу небу, а тело земле,
Пускай моё тело тлеет во земле,

Пускай люди скажут, што верен мальчик был,
Верен мальчик был, девочку любил.

66. Уж злыи-те коренья всё крапивный,
Что несносные сердца, всё свекровьины.
Написала сыну мать письмо-граматку:
Сын, твой-то-ли жена поизгулялася,
Изгулявши-то жена сына родила,
Она кстить-то повезла во царёв кабак,
В комовья-то набрали не своих братьей,
А своих милых дружевей (друзей),
А за кстины отдала пятьдесят рублей.
Показалось молодцу за обидушку,
Стал проситца молодец на побывочку,
На побывку не надолго, на два месеца.
Отпустили молодца на побывочку,
На дорогу-ту ему дали коня добрава,
На охранушку ему саблю вострую.
Как под'ехал молодец к широкому двору,
Не встречает его рѣдна матушка,
А встречает его молодѣ жена
В тонкой белинкой рубашичке и без пояса.
„Отойди жена, снесу голову“!,
Покатилась голова коню под ноги,
А уж кровь-то потекла под ворѣтенку.
Как входит молодец в первую горенку,
В первой горенке чисто вымыто,
Во вторую-то входит—колыбель висит,
В колыбели-то лежит родной сын ево;
В третью горенку вошел, рѣдна мать сидит:
„Уж ты, породу-роду рѣдна-матушка,
По разлуке-то с женой мне лиха—змея.“

67. Я севодня угорела, не могу,
Пролежала весь денёчек на полу,
Весь денёчек, всю и ночиньку,
Жаль хорошаво Алёшинуку.
Не ругайте ни Алёшу, ни миня,
У Алёши есть косиночка моя,
На косинке две каёмочки,
Отдала кольцо в потёмочки.
Отдала, так не сияит на руке,
Оно пропито в весёлом кабаке.
На моём колечке спаю не найти,
Нету совести к милому подойти.
Есть от совести до совести тропа,
У милёнычка избушечка нова.
Сокращёны два окошка по лицу,
Мое ножиньки не ходят по крыльцу.
Ещё третье постороннее (окно),
У дружка пальто суконное,

Шапка новая, бобрый воротник,
Мне сказали что мил ростом не велик,
Невелик, так я невальшуся *).
Не возьмёт, так не навальшуся.
Кабы знала, что судьба моя судьба,
Сорядила-бы два суконные пальта,
Два пальта и две косиночки,
Полусапожки да резиночки.
Я стояла близко к озеру,
Полусапожки приморозила,
Часты дождички ударили,
Полусапожки оттаяли.
Провожать дружка заставили,
Провожали поле всё, так поле всё,
Рассказали горе всё, так горе всё.
Одно горяшко не высказала,
Из солдатушек не выписала.
Нам попалася дорожка незначай,
Мы с хорошиньким в трактире пили чай;
Ты хорошинький попей-таки попей,
Кашемирову рубашку не залей:
Кашемирова рубашка, как кумач,
Отдадут тебя в солдаты, так не плачь,
Ты не плачь и не тужи,
Четыре годика не долго-отслужи.

68. Как по травке девка шла,
По муравке девка шла,
На бел камешек вступила,
Алый ступень проломила.
Мне не жаль ступня,
Жаль бела чулка,
Чулок белинький,
Дружок милинький.
Уж ты, мила—перемила,
Мила ягода моя,
Не садись возле меня.
Уж я рад бы не глядел,
Што мое очи глядят,
Пусты речи говорят,
Любить девушку велат.
Ходи, ходи парень смелый,
Смотри моё тело,
Моё тело бело припотело.
Разгулятся захотело.
У вдовушки, у вдовы,
У солдатские жены,
Две девушки хороши,

*) Не буду навязываться, предлагать себя.

Что котора черноброва
Завсегда плясать готова.
Плясучи девка упала,
Молодцу в руки попала.
Молодец девки рад,
Зовёт девушку в кабак:
„Пойдём, девка, пойдём, красна,
Пойдём, лапушка моя,
Пивом, вином напою,
Виноградом накормлю,
С собой спать положу,
За себя замуж возьму.
Приворачивай, ребята,
Ко царёву кабаку
Зеленова вина пить“.
Не успели вина пить,
В барабаны стали бить:
На ту пору, на тот час
Сам охотник наезжал,
Со добра коня слезал,
Коня к кусту привязал,
Любо девушке сказал:
„Пойдем, девка, пойдем красна,
Пойдем, лапушка моя,
Пивом вином напою
Виноградом накормлю“.
Она пошла с охотником.

69. Как на горке дуб—дубочек стоит,
Под дубочком два молодчика сидят
Ой-ли, ой-ли-ли,
Под дубочком два молодчика сидят.
Они между собою разговоры говорят:
„У нас нет таких,
Такого молодца,
Как Михайло Михайлыч,
Он с гривенки на гривенку вступал,
По пяти рублей на водочку давал,
Миллионам ворота запирает,
Ис под бед сирот и бедных выкупал.
Вы, сиротки, сиротки мои,
Помолитесь вы Богу обо-мне,
Чтобы Бог миня помиловал,
Государь миня пожаловал
Генеральскою лентою,
Ещё крестиком егорьевским. Ура!..

Поётся в прощёное воскресенье, когда жгут масляницу и на свадьбах.

70. Заря беда, день в окошечко взошла,
А ко мне лапушка сама в гости пришла,
Все забавы, все лутехи принесла.

Рассказчик не мог припомнить дальше: „Вот забыл, она больно стара, пфу ты! На вот тебе! совсем вышибло из головы“.

71. По бережку Маша шла,
По крутому гулила.

Рассказчик не сразу мог припомнить всю песню, начал, остановился. „Пять годов-то не певал, ну и забыл, вот позабыл“? подумал немножко и начал продолжать:

Всё милова глядела.
Мне сказали про милова,
С корабля в море упал,
В синем море потонул.
В синем море потонул,
Ищё кто его столкнул,
Знать, товарищи его,
За досаду*) за его.

72. Пошла, пошла Машенька по малинку,
Наколола ноженьку на былинку.
Болят моя ноженька, да не больно,
Уехал мой миленький в городочек,
Оставил меня девицу на годочек;
Я за ним девица не гонюся,
Гонится мой миленький всё за мною,
За моею русою косою.

73. Антон, Антон, продай заслон.
Вытаскали кошки
Из печи лепёшки,
А борзые кобели
Щи повылокали,
А косые зайцы кашу повмели.
(Поётся протяжно).

74. С малинкой корзиночкой пошел я по грибы.
Сшибся с дорожки, зашел я ни туды.
Ельничек, березничек, то-ли не дрова,
Картошка на вилке, то-ли не еда.
Сотнички, десятвочки и трое понятых,
Подайте мне милёночку, и больше никаких.
(Поётся очень весело).

*) Ревность.

IX. СКАЗКИ

Русский народ любит „потешаться“ сказками. Сказки рассказывают самого различного содержания: про ленивых, „нечестных“ и неверных жен. „Не верь жене“—говорят мужики—баба—это второй бес, она проведёт и выведет двадцать раз мужика—дурака, другой раз и нипочём и ня поверишь, что одманивает“. Рассказывают и про строгих жен, солдат, работников, про нечистую силу—чертей, ведьм, колдунов и колдуний, про мастеровых—сапожников, портных, кузнецов и др. Но с особенно большой охотой любят рассказывать сказки, а тем паче слушать их, про попов, причем в сказках обычно подчеркивается поповская жадность „Попу што (сколько) не дашь—всё мало“.

Хотя и мало, но встречаются рассказчики, которые начинают сказку присказкой. Скезок можно услышать больше, чем песен, и они разнообразней по содержанию. Трудно узнать, откуда появились в данной местности сказки. „Кто знат, мѡжа, и из кник вычитано, мы не знам, нам рассказывали, и мы рассказывам тебе“. Несомненно, в ряде случаев содержание сказки навеяно книгой, но в сказках, хотя бы навеянных, сказывается доподлинная жизнь крестьян.

Из своих записей помещаю лишь сказки, приличные по содержанию:

75. Хайдук-хайдукович.

Жил сын Хайдук-Хайдукович, большущий был; хохлатый, голова была с овин, ноги, как брёвна, глаза по плетухе, нос был в три аршина, а зубы были по полену. Пришел он в город, народ он почти весь приел, дошла очередь до Ивана царевича и до Елены царевны и говорит Хайдук им: Я вас съем. Иван царевич говорит: „Погоди, Хайдук-Хайдукович, до завтра (завтра), мы завтра баню истопим и вымоемся, нас беленьких и съешь“. Ревут Иван царевич с Алёнушкой: были бы у нас дома собачки, то-бы Хайдук нас не съел. Пошел Иван царевич в поле—ревёт, летит ворон. „Ворон, ворон не видал-ли моих собачек?“—Видал—поле пробежали, другое бегут. „Пошел и сказал Алёнушке про собачек“: „Поле пробежали, другое бегут. А оне уж в баньке вымылись, Хайдука ждут. Пошел опять Иванушко в поле, глядит, не бегут ли мои собачки, видит бегут, обрадовался, заревел с радости: „Собачки, собачки, не выдайте меня, хочет нас Хайдук съесть“. Скакали на его, ласкали собачки и пошли в баню. Серка посадил на кутник, Белка под кутник Лыска-Катенька под порог. Идет Хайдут и говорит: „Вымылись-ли, Иван Царевич?“—Вымылись—поди ешь. Отворил Хайдук дверь, Лыска схватила за лапу, а Серка вскочила на шею, Белка на спину, и начали Хайдука рвать на мелкие куски, изорвали и на волю мясо выбросили. С радостью Иван царевич стали жить; поживать, да чаёк попивать, да блинчики печь.

76. Попова дочь и нечистая сила.

17 лет дочь попа была у врагов, и выдали её враги за одново богатога кавалера замуж. Это случилось вот как. Он, кавалер—парень в одно поекрасное время на святках пошел мимо бани и хотел спросить судьбы. Сунул руку в трубу, и его там схватили, а он стал спрашивать: подайте ми юстину „не христа-ради“. А потом стали его спрашивать: „Чего тебе нужно, судьбы или милостину, спрашивай того, чего думал, не бойся, тебе ничего не будет, исполний то что тебе накажут, а ежели не исполнишь то живой, не будешь. Вот завтра в эти часы приезжай суды, здесь, будет на этом месте хороший дом, и Вас встретят шведары и Вас будут спрашивать, чего Вам нужно; Вы говорите, что вам нужно невесту, и выдадут вам 12 штук, и ты гляди, у которой будет платок в руке, и ты говори, я беру эту невесту. Она будет очень плохая, а те будут все очень хорошие, красивые, и будут Вам предлагать тех с приданым, а с этой только сорда трепье, и Вы этого не бойтесь, так и берите—говорите, что нам ничего не нужно, только отдайте эту невесту, и когда вам отдадут, то вы берите за руку и ведите на лошадь, сажайте и поезжайте, назад не оглядывайтесь“. Тогда парень пошел домой и стал придумывать, как с этим делом поступить, и стал отца-матери просить, чтобы дали ему взли судьбу на дом привезти, и отец сына спрашивает, „Где же ты сынок судьбу нашол“? Сын отцу и стал рассказывать, что с ним прошлу-ночь случилось И отец выслушал сына просьбу и был согласен уболагтворить своего сына, и на другу ночь собрались и поехали за невестой, и как ему было приказано, так он и сделал; ему предлагали тех невест, а он сватал всё эту, которую ему нужно, и говорил, что мне ничего не нужно никакого приданого; только дайте эту невесту. Ему очень прытко не отдавали, говорили, что с ей вот только пойдёт один мусор, да и она очень плохая. А с этими, скоко хотите, дадим приданова, и она очень красивы. А он только и говорит: „Мне ничего не надо, только дайте её“ Тогда все таки она согласилась и её ему выдали, а приданое ему привезли на другу ночь этот весь мусор, и они стали поживать с молодой женой, и то у его приданю зделалось из мусора—золотым вещам: часы, кольца и тому подобно и где это всё взялося, и ему тогда было очень хорошо, только что думал: ну-ка, я де взял себе невесту в бане да может и она самово чёрта дочь. Это только все и грустило. Да как ему и не печалится, ведь на самом деле он очень хорошо знает, откуда её привёз. Она это видит, что её муж что-то забывается. Им раз пришлось ехать через одно село, она и говорит своему мужу: „Мне очень пить охота“ Он и говорит что вот колодец; поди напейся. Она слезла и пошла к одному попу к окошку, а муж глядит на её, а она говорит „Не пустите ли погрется“? А у этого попа 17 лет дочь не в живых не в мёртвых. Оне и говорят: „Это бы ничево пустить, да у нас и самим-то спокую нет; оне и говорят: „а вот 17 лет дочь больна“ Она и говорит: „я может помогу,“ А поп тогда с этой дочерью дошел просто до нельзя: что не наживёт, у ево всё пропадало, и это всё у ево чертя воровали, и это вот золото всё было попопо, были попа: часы—именные, и были попады: кольца именныя и

эти вещи были с собой. Вот когда она сказала, что я помогу,—то оне очень обрадовались и стали её пускать: на пошла в ворота и перекрестила (перекрестила) и все двери и окна, и тогда у них хворато дочь и начала летать по всей избе, и оне испугались, она и говорит: „Не бойтесь, только пойдите, откройте трубу без молитвы“. Когда открыли трубу, тогда пропала больная дочь. Вот и говорит, что это такое значит: „Знаете-ли, отчего она у Вас 17 лет лежала и как вы с ней жили“. Оне и говорят, что дожили до нельзя, всё у нас пропало. Она и говорит: „Нет, хотя и пропало, да теперь всё нашлось. Это была вам не дочь, а на место дочери был заменён дьявол, и у вас украли дочь негодные, а вам подменили заместо вашей дочери, и это ваше именные всё таскала негодная сила. Я вам, хотите, покажу вашу дочь и ваше именные вот ваши часы и ваш перстень и вам я буду родная дочь, только меня выкупили моя судьба“. И тогда всё это дело узналось и все догадались, и стали жить да поживать, стали баню забывать

77. Про солдата и ведьму.

Шол от службы солдат, подходит он к деревне и просится почевать, а женщина выходит и говорит, что у нас в деревне беда, каждую ночь летает ведьма и душит до смерти. „У меня вот остаётся последняя дочь, и очень мне жаль, да ничего не сделаешь“. — „Пусти я её поймаю“. Стали ложиться спать, солдат лёг на кровать, где лежала дочь, а дочь с матерью заперлись в другой комнате. Солдат взял перочинный нож на-припас. В 12 часов ночи отворяется окно, и влетает ведьма, а солдат не спит. Ведьма берёт подушку, кладёт ему на лицо и садится. Солдат схватил за руку и отрезал ножом палец, ведьма вскочила и убежала, а солдат завернул палец в тряпочку и положил в карман. На утро солдат собрать велел сход, старым и малым всем выходить на волю, и стал солдат глядеть, у кого нет пальца, и не у кого не нашли, и велел солдат всех старых приносить: принесли одну старуху еле-живу, а у ней пальца-то нет. Солдат вынул палец и приставил, и при всем сходе её убили. Она днём не вставала, а ночью душила народ, очень много передушила народу, а солдата за это наградили деньгами и отпустили, накормили и напоили.

78. Про колдуна.

Жил был колдун, а у колдуна было три сына, и оне собираются в дорогу, а отец и говорит, что я скоро умру, и припасите мне детоньки гроб и саван и накуйте железных колец, я умирать стану. И выслал колдун детей из дому, и вышли дети из дому. Когда дети вошли в дом, то отец лежал в гробу, и кольца были наколочены на гроб, а раньше колдун наказывал своим детям, что если я умру, то меня хоронить сами не возите, кого-нибудь порядите, хоть отдайте сто рублей, а не сто, двести, а не двести, триста. Вышли дети на улицу, а навстречу им едет мужик, и оне стали просить мужика: „Дядюшка, порядись у нас батюшку схоронить, сколькохощь бери,

сто рублей, а не сто—двести, а не двести—триста, и порядился мужик схоронить колдуна за триста рублей. Вот дети вынесли колдуна и положили на дровни. Лошадь и не пошевелила, потом сыновья привели другую, другая с места сдернула и не повезла, оне привели третью третья повезла. Мужик сел на дровни и поехал на троём, а ехать было десять верст до села, на половину дороги был лес. Мужик въехал в лес, и на гробу один обруч лопнул, мужик поехал немного, и другой обруч лопнул, мужик испугался и залез на сосну. Когда третий обруч лопнул, тогда колдун пришол к сосне и стал глодать, сосна была в обхват, и малость он её не переглодал. Мужик стал молиться Богу, и Господь сказал: „Провались ты, нечистая сила, сквозь землю“. И тогда колдун провалился, а это дело было в 11 часов ночи. Тогда Господь сказал: „Слезай раб с сосны“. И мужик слез и сел на тройку коней и поехал к сыновьям. Когда мужик приехал к детям, и дети спрашивают: „Как схоронил батюшку?“ Мужик отвечает, что и до села ни доехал, и отец ваш провалился посреди лесу. Сыновья стали рядить этого мужика слазить в это провалище к отцу и узнать, какова ему там жизнь. Мужик порядился и слазить за триста рублей и велел сыновьям ехать на базар и закупить все верёвки. Тогда сыновья накупили верёвок и привезли к этому провалищу. Сыновья привязали за верёвку и стали спускать, а мужик сказал сыновьям: „Если верёвка будет на слаби, то я долетел, а если верёвка туго, ещё прибавляйте“. А у сыновей верёвок не хватило, тогда оне его опустили. Когда мужик долетел туда и увидал колдуна, а колдун и говорит: „Али и ты здесь?“ Мужик сказал—Здесь. Мужик нагляделся на всё, и на плотников, и на кузнецов, а мужику кажется, что не как у нас плотничают. Мужик и стал говорить колдуну, что поедем на наши базары откупить все гвозди; колдун согласился и посадил мужика на себя, и вылетели в это провалище и прилетели прямо в базар и стали торговать*) гвозди. Колдун отдал деньги мужику и говорит мужику: „Скоре, скорее покупай“. И это дело было ночью часов в десять, а мужик всё отводит дело, чтобы спели скорее кочетки (петухи). Тогда кочетки запели, колдун и провалился, а у мужичка и остались деньги триста рублей, и пришол мужичёк к сыновьям и сказал сыновьям, что жить ему хорошо, всё равно, что на земле, и плотники и кузнецы и дома строят. Тогда сыновья выдали мужику деньги, и мужик пошол с деньгам домой.

Сказка вся, и сказывать больше нельзя.

79. Про беса.

Жил был в деревне мужик, и вот он оставил жену свою, а сам ушол сапоги валять, и вот жене пришло письмо, что ея муж помер, и она не верит, что, говорит, нынче варод хвастливый, они-де и наврут. „И вот она тосковала об нём, и пришол к ей свой муж, как он, а это был бес, и вот они жили с ним три года, она даже и не признала, что это ей не муж. Но вот рядом у соседки помер мужик, и вот она и говорит: „Пойтём, мужика поглядим“. И вот они согласились и пошли. Пришли, люди все плачут, а этот мужик нет—нет да и захохочет, а баба ему и говорит: „Што у тебя за смех?“ Бабе стало

*) Покупать.

не ловко, а почему он хохотал, потому что он был бес. Он всё видел, покойник лежит на лавке, а у ево из ж... бесы кишки таскают, и вот оне вытащат кишки, оне и упадут на пол, а он и захохочет, потому что он всё видел. Вот баба и говорит: „Пойдём, мужик, домой,“ он говорит: пойдём. Идут, баба и говорит: „Что ты смеёшься?“ а он и говорит: „Али ты не видела, что у мужика из ж... кишки таскали бесы“. А они и сметили что он бес. Рядом была соседка-волшебница. Хорошо, вот эта баба пришла к соседке и говорит ей, что у меня мужик бес; вот волшебница и говорит, бабе, что ты завтра пошли его косить, а ты возьми и прямой всю избу и осередь полу навалай сеи и заградись двери и сядь в сено. Вот так баба и сделала. Идёт мужик уж поздно и давай торгаться (стучаться), только што избу не своротил, да и говорит: „А! говорит, так твою.... догадалась“ Вот баба благодарит, что она его отватила. С тех пор о мужике ни слуху ни духу—и нет никакого известия.

80. Про любимого молодца.

Одного молодого человека любили три купеческие жены, также и он любил их, но одну любил всех попрытче. Однажды был сделан вечер. Конечно, народу сошлось много, в том числе был и этот человек, которого любили купеческие жоны. Вот они уговорились сделать так, чтоб он любил которую нибудь одну, так и сделали: призывали его в отдельную комнату и говорят ему, что ты нас всех проводишь, а ты лучше сделай так: люби которую нибудь одну. Он конечно, подумал невного и говорит: „Извольте, только я дам вам такое условие: которая всех лучше обманет мужа, та и будет моя. Конечно, они согласились. Он их распределил так, чтобы все они делали по порядку; если сделают, то сказывали бы ему. Которую любил пошибче, то он ее оставил всех сзади. Первая обманула так. Отослала куда-то мужа, а сама сделала в доме похороны, обила всё черным и сама падела всё черное, а также и слугам велела всё черное надеть и приказала, если муж придёт, то гнали бы его вшею. Возвратился и муж входит в дом и удивляется, „Что такое? неужели я зашел не в свой дом?“ Увидали его слуги, спрашивают, зачем пришел, „Как так, ведь я пришел в свой дом“. Какой тебе, говорит, дом, ежели мы своего хозяина вчера только похоронили. Сошла жена и говорит прогнать его.“ Что он расшумелся? нам разве этого надо?“ Слуги его вытолкали в шею. Вышел он на улицу, а сам всё думает, неужели я не в свой дом зашел. Походил, походил по улице да опять идёт домой. Этими моментом в доме всё убрали, как ничего не бывало. Входит в дом, его встречают и спрашивают: „Где ты так долго был?“. Он всё рассказал, что с ним случилось. Жена и говорит: Что ты?—ты наверно куда-нибудь зашел, ни домой. Муж так и поверил, что я, говорит, заходил не в свой дом.

А другая сделала так. Отослал своего мужа к теще, а сама в своём доме сделала гостиницу и сама встала за буфет. Муж всходит, смотрит: что такое,—гостиница, раскричелся: „Что это такое вы вздумали сделать в моём доме?“ Жена позвола слуг и сказала: Вытолкать его, видишь, напился да и кричит“. Слуги взяли его заворотбк да и на холодбк. Муж сразу воротился опять к теще, рассказал, что

с ним было. Конечно, тёща поверила и собралась с ним, но этим временем в доме всё сделали по старому. Под'езжают к дому, всходят в дом, тёща видит что всё по старому. жена так встречает хорошо, тёща рассказала: „Что-ты говорит, делала?“ Она отвечает: „Я говорит, ничего не делала, что это он вздумал.“ Тёща стала ругать зятя; конечно, он поверил: „Наверно я ошибся.“

А третья сделала так: „Познакомилась с одним офицером и говорит ему: „Возьмите у меня мужа недели на три в солдаты, но только чтобы он не знал ничего.“ Офицер согласился; жена купила сонных капель, взяла усыпила своего мужа и увезла в карете, где находились солдаты: привезли его сонного, положили, дали ему дядьку. Когда стал он пробуждаться, то его дядька кричит: „Иванов! сегодня идём на поверку, бери чистисапоги.—Какой я Иванов? ведь я, говорит, купец такой-то фамилии.“ А дядька говорит ему: „Какой купец, разве тебе что наснилось? Мало по малу купец привык к своей солдатской жизни: конечно, его так вымяли, что он забыл всю свою купеческую жизнь. В одно время опять его усыпили и привезли домой, положили на кровать, а жена встала около его и стала дожидаться его просыпу. Когда он стал просыпаться, жена подходит к нему и говорит: „С добрым утром, мой милый!“ Он смотрит да и говорит: „Какой я тебе милый,—я солдат, мне нужно сегодня-же идти на караул“. Что-ты, что-ты, Бог с тобой, что это тебе приключилось, да ведь ты в своём доме и ты никуда не ходил. „Как так, я дома, да ведь я солдат?—„Да какой ты солдат, ты ведь из дому, то никуда не ходил. Он стал невнятно всходить в себя и думает: „Отчего-же у меня так руки-то болят? Думал, думал да и говорит: „Наверное мне это наснилось“. Конечно, все три доложили своему возлюбленному, которая и как обманула своего мужа. Первые обманули хорошо но третья лучше, так и он сделал, стал любить только одну.

81. Несдержанное обещание.

Жил муж с женой и очень друг друга любили. Когда муж стал помирать, подозвал жену к себе и сказал: „Вот, моя любимая жена, если я помру, не ходи замуж до тех пор, пока не помянешь меня сто раз“. Она в этом согласилась и сказала: „Я замуж не пойду.“ Когда он помер, ей нашолся помысленный жених, и ей захотелось очень замуж за него. Она села на лавку и подумала: „А вот что я сделаю, запишу его в поминальник сто раз, тогда я буду обезпечена и выйду замуж.“ Вот она села и записала своего мужа сто раз в поминальник, сто раз, как звали мужа, а его звали Титом, и подала его, знаш, за всю обедню. Ну, конечно, когда дьякон добрался до этого поминальника и начал поминать, начал сначала пореже: „Тита, Тита,“ потом почаще: „Тита, Тита, ти тата,“ а поп слушал, слушал и подумал: разве пособить? и начал: „Я посеял лебеду на берегу. Дьячек слышит дьякон поёт и поп поёт: „А ну-ка и я по-пою,“ и начал помогать: Я по бережку похаживаю, чернобровую траву заламываю И вот и кончилось это чтение и она вышла замуж спокойно.

82. Не угадал.

Муж с женой очень дружно жили, имели работника. Работник жил несколько лет и завистовал (завидовал), что хозяева хорошо живут. Однажды поехали работник с хозяином в лес, работник и говорит хозяину: „Дяденька, как хорошо вы живёте с женой—я завидую—не ругаетесь“. Да!—говорит хозяин—хорошо; если я помру, то меня жена будет поминать только добром, лихом нечем поминать, я для её сделал все услуги“. А работник и говорит: „Хорошо бы испытать, верно ли добром помянет“. Пожалуй соглашается хозяин. Срубил дерево большое—и хозяин сказал работнику: „Поезжай домой и скажи моей жене, что хозяина придавило деревом“. А он в это время полез под дерево и лежал, как мертвый. Работник приехал домой и закричал: „Тётенька, с дяденькой случилось несчастье—деревом придавило, совсем помер“. Она испугалась, рвала волосы на себе. Приехала, видит, правда, муж лежит, как мёртвый, и ещё притче заплакала и голосила, а работник стал уговаривать: „Что—говорит—плакать—убиваться, да будет воля Божья, всё равно его теперь не воскресишь, а я вот жил долго у вас, ты знаешь, и исполнял всё правильно, выди за меня замуж и будем вместе жить“. Она подумала и говорит: „Да верно не воскресишь“. И согласилась замуж выйти, а работник и говорит: „Вот только что за мной изъязнец есть“.—Какой?—Да я по ночам о сь. —Ну вот велика беда, вот это еретик-то, показывает пальцем на мужа, з—л почти каждую ночь, и то жила и жила с ним.“ А он муж-то в этот момент и вылезает из по дера. Жена так и ахнула.

83. Нечестная жена

Мужичёк ездил по дрова, едет обратно домой и распевает песни. Встречается с ним барин и говорит: „Что так весело поёшь? Мужичёк отвечает:—Что мне не петь, хлеба у меня с брюхо, денег с нужду, а жена честная. „А как ты знаешь, что она честная,“ говорит, барин.—Надеюсь, —ничего не замечал никогда за ней дурного. „Мужичёк, ты ошибаешься. Узнай её, испытай. „Как испытать-то? а вот как: когда приедешь домой, зареви и скажи: жена, закон такой вышел, что у кого жена честная, того сейчас заберут на войну, вот тогда и узнаешь, честная она или нет. „Мужичёк так и сделал. Приехал домой, невеселый был и заревел: жена спрашивает: „Что ты ревьешь? Мужичёк и говорит: „Как-же мне не реветь? сегодня объявили, у кого жена честная, того сейчас на войну будут брать: ты ведь у меня честная, приходишься собираться. „А жена и сказала: „Ну не реви миленький, не возьмут, зарешный Нефёд ходит ко мне девятый год, недавно был, воной в горку-то подымается“.

84. Неверная жена.

У одного мужика заболела жена. Всяко он её лечил, и знахарей у него перебивало много, а вылечить не мог. Вот однажды ему ска-

зали, что в одном селе есть такой знахарь, который от всякой болезни вылечивает. Вот мужик и говорит жене: „Маша, я пойду схожу на село по знахаря, может, он тебя и вылечит.—Ох, ох, сходи родной, сходи. А баба эта давно мужика обманывала и с другом шашни водила. Вот мужик пошел на село по знахаря, а бабу на печь посадил. Идёт мужик дорогой, а навстречу ему кузнец из соседнего села идёт. Вот кузнец и спрашивает мужика: „Куда, сосед, путь держишь? А мужик говорит: „Да вот у меня жена хворает, никак не могу её вылечить, так вот и иду на село по знахаря“. Кузнец и говорит: „И мастер по этому делу. Я её вылечу. Садись ко мне в мешок, только смотри ничего не говори“. Мужик обрадовался, что вот наконец у него жену вылечат, и залез к кузнецу в мешок, а кузнец извалил мужика на плечи и пошел жену его лечить. Вот пришел он к дому мужика и стал стучать, а баба напечи стонет: „Кто там? А кузнец отвечает: „Отворяй, али не знаешь“. Баба скорей с печи побежала отпирать, а сама всё приговаривает: „Милый мой, пойдём скорей вызбу-то, заждалась я тебя“, А кузнец говорит: „Погоди, у меня вот мешок, а в мешке добра много, так я боюсь его здесь оставить-то“. А баба и говорит: „Так тащи его вызбу-то, про твою ношу и вызбе место найдётся“. Вот кузнец втащил свой мешок в избу, поставил его в уголок, а баба скорей самовар на стол, закусок разных, вина и давай потчевать милова дружка. Вот кузнец выпил, закусил и запел: „Поглядывай кулёк, посматривай кулёк“. А баба вскочила и заплясала изапела: „Поглядывай кулёк, посматривай кулёк“. А кулёк смотрит, как у него жена хворает. Стал кузнец собираться, а баба его уговаривает погуляй ещё маненько. Кузнец и говорит: „Погуляй бы ещё да некогда, а друкой раз уж приду“. Ушел кузнец, а баба убрала всё со стола а сама опять на печь залезла. Вот пришел мужик и стучит, а баба с печи охает: „Кто там?—Это я, говорит мужик, отворяй. Стала баба с печи слезать, мужу двери отворять а сама всё охает. Взмошел мужик в избу и говорит жене: „И знахаря привёл, надо баню истопить“.—Истопи, родной, истопи,—говорит ему жена, а сама всё охает. Истопил мужик баню и повел жену париться, а с собой захватил плётку ремённую. Привёл её в баню, раздел и ну её выхаживать. У бабы всю хворь, как рукой сняло. Заохала она уже другим голосом и нагая выбежала на улицу, а мужик за ней, да всё поучает её плёткой. да приговаривает: „И тебя вылечу, я тебя вылечу“... Насилу её соседи у него отняли и чуть живую домой привели. После этого лечения баба перестала хворать до самой смерти.

85. Бабья большина.

Жил мужик с женой. Часто спорили об разных делах, и жена укоряла всегда мужа: „Ты не разбитной, такой сшитый“. Однажды муж пришел из села и говорит жене: „Жена, объявили новый закон. что жены над мужьями будут большакками“. Жена ещё больше стала взыскивать с мужа, муж слушался, и большина была у жены. Однажды пришел к ним сборщик податей и говорит: „Платите подати“. Мужик говорит: „Большина не моя, а жены, и просите с неё подати“. Сборщик объявил: „Ну, плати, в следующий раз приду, чтобы

деньги были готовы^а. Не долго спустя времени сборщик опять пришол, жена увидала сборщика, а денег у ней не было, засуетилась и не знала, куда деваться, муж и говорит ей: „Полезай в мешок“. Она влезла, он завязал мешок; в это время пришол сборщик и спрашивает: „Где хозяйка?“ А муж сказал: „Её нет дома“. А у сборщика была клюшка с собой, он и стучит клюшкой по мешку и говорит: „Скажи ей, чтобы она платила, что она так долго не платит.“ А сам ударяет: „Все уплатили, а она нет.“ А сам всё ударяет клюшкой по мешку, а сам всё ударяет, и ушол. Жена стала умолять мужа развязать, муж развязал, она сделалась ещё сердитей, захворала и говорит: „Муж иди топн баню. Муж истопил баню и говорит—„Готово.“ Жена говорит: „Танци меня я идти не могу“. Муж взял её на закрёшке (на спину) и повёс, а нести нужно через реку по лавам; когда он взошол на лавы, а сосед его крикнул ему сзади: „Бабыя бóльшина кончилась.“ —А!.. кончилась, так дальше не поёсусу, и бросил жену в воду.

86. Мужик в лодке.

У одного мужичка жена любила ходить по гостям и по соседкам. Уйдёт гулять, гуляет, гуляет, а дела дома ничего не делает, мужичёк за это её прытко бранил, но она не исправлялась. Однажды ушла, долго её не было, мужик приехал с рыбною ловли, жены дома нет; посылает девчёнку и говорит: „Поди скажи матери, чтобы шла скорей домой,—отец мол захворал.“ Девочка побежала. „Ладно приду“, сказала жена. Муж ждал, ждал, нет её, посылает второй раз, „Скажи, что отец чуть, чуть подыхивает“; Жена говорит: „Сейчас приду“. Муж ждал, ждал, опять нет, посылает в третий раз: „Скажи поди, что отец умер“. „Сейчас, сейчас приду“. Ждал, ждал мужик, опять нет, посылает в четвёртый раз: „Поди спроси, во-што одеть“. Там начердаке—говорит она—есть старый неводишко, в его и заверните—ответила жена. Ждёт, ждёт, всё нет, посылает: „Спроси во-што положить“. „Положите его в лодку.“ Только положили, жена идёт, взошла в избу, так и упала и завопила и начала вопить: „Ай, мой батюшки, ах ты, моё ладо мёлое, куды ты собираишься?“. „А мужик и говорит из лодки: „Кудыя собираюсь—ты сама знаешь, куды ты меня собрала, неужели ты не видишь—рыбу ловить.“

87. Балалайка.

Жил мужик с бабой плохо. Баба была ленива и никогда не работала, а только лежала на печи. Придёт день мужик, бабу заставляет пряхть. Она говорит: „Сегоднйа праздник“—А какой? „Саввы Преподобного“. Придёт другой день. Мужик заставляет опять бабу пряхть. Она говорит „Сегоднйа праздник“—А какой? „Варвары Велико-мученицы. Приходит третий день. Мужик и говорит: „Ты, баба, что не прядёшь“—Я помру, так чем ты меня будешь собирать?“ Баба и говорит: „Помирай, соберу“. Мужик притворился и помер. Баба и начала растуриваться—прыхть. Напряла рученьку и начала мужика нитками обвивать. За ухо заденет да за ногу заденет, так и опу-

тала всего и завывала: „Ты, болезно моё ладо милое, на что ты понамахиваешь?“—На балалайку—ответил мужик.

88. Аника дурочка.

В маненькой деревне сошлись две бабы по воду на колодец, и говорят одна соседка другой: „Ккуда понадобилась вода?“—Скотине отвечает соседка, а тебе куда?—„Мне на варево“. „А что у вас нет ничего новаго?“—Да нет, нет у нас новинка? „Что за новинка?“—спросила соседка.—Да наша Аника родила. Соседка всплеснула руками и пошла домой и говорит: „У нас в деревне девка родила“.—А кто? Аника дурочка-то.—„Чево принесла?“ „Девчонку.—Ну вот девчонку, лучше бы парнишка, а когда кстить-то? „Сегодня“,—А где будут кстить?—„Сельскому попу не повезло поганить, ну так окстит старица наша тётка Агафья. Сходили по Агафью и стали кстить, принесли кадку, налили воды и окстили, и теперь живёт девчёнка и вышла замуж и теперь уж баба с детьми.

89. Помещик и староста.

Помещик приезжает в свою усадьбу—именье и кричит: „Эй, староста! да ты где в это время находился?“—В овине сушился, Ваше шкабродие. „Ну если бы овин загорелся?“—А я вышел бы да погрелся. „А хорошо ли мои крестьяне живут?“—Хорошо, Ваше шкабродие, у семи дворов один топор, и тот без обуха, и трое ворот и все на огород, и одни не запираются, а другие не затворяются, а третьи, чёрт знает, где валяются. „А хорошо-ли мои крестьяне едят?“—Хорошо, Ваше шкабродие, душу не морят, кашу не варят, горшок у кого постучится, у того круп то не случится.—„Говорят, в моём имении много скота?“—Много, Ваше шкабродие, кто любит ветчинку, кто солонинку, кто баранинку, спорят, спдрят, да ничего и не сварят, да всё порожни чаны. „А все говорят, в моем имении хлеба много?“—Много Ваше шкабродие, я сам семь скирдов (копен) намолотил и склад на полатах, а кот Васька хвостом махнул, да все на хер смахнул. „Говорят, в моем имении кони хороши? приведи-ко парочку, чтобы в дыпле ходили.“—Хорошо, ваше шкабродие, двое под узцы не плясали, четверо с боков, чтобы не упали. „А ты собрал ли мне оброк с моих крестьян? Собрал; с Фомки да с Ерёмки по две копейки, а с Валейки одну копейку. „А почему же с Валейки одну копейку?“—А потому,—Ваше шкабродие, что он беден, как бес по три дня хлеба не ест, да он обижается, велика семья, да и барин-то свинья. Давай деньги, давай деньги!“—Ваше шкабродие, я шол улицей ордынкой, зашел тепло в кабачёк, вышел винца на пятачок, на копеечку закусил и на денежку табачку купил, ва-ко барин повюхай. „Прочь негодяй! что же мне остается сделать! Да не больше не меньше, как умирать, да и то наша жизнь сказка, а смерть развязка, а гроб коляска—и ехать не тряско.

90. Неудачная хитрость.

Жил старик со старухой, кормиться было им нечем. Старуха драгву прjala, а старик подшивал сапоги. Принесли к нему сапоги подшивать. Сапоги подшил, за сапогами пришли, а он старухе сказал: „Когда по сапоги придут, скажи, что меня дома нет“. Пришли по сапоги, а он не откликается, вроде дома нет его, а мужик то очень хвалил, он объяснился со старухой, сколько стоит, и говорит „Был бы старик, я бы прибавил“. А старик и кашлянул в это время. „Старик! али ты дома, поди вот, пришли за сапогами“. Он подошел под окошко и стал смотреть сдавать свою работу, и за эту работу его рвали и поприбавили.

91. Чорт и горшечник.

Жил был в деревне небогатый мужик, он делал горшки и возил их продавать в город. Вот однажды едет он из города и с ним встречается молодой парень и говорит: „Возьми меня в работники“. Мужик говорит: „Пойдем“. Мужик заставил его одного делать горшки целую ночь. Вот ночью у него появился целый сарай чертей слепых и хромых, и каждый делал своё дело, а работник был тоже чорт, и они сделали в первую ночь до тысячи горшков. Вот хозяин повёз горшки в город и очень скоро продал все горшки, на другую ночь опять он стал делать горшки, и хозяину захотелось поглядеть, как он делает горшки, подходит и глядит в щель, а один чорт взял глины да как бросит в щель да прямо хозяину в глаз: хозяин заторал и побежал домой. На другой день он расчитал работника, а наделанные горшки отвёз в город и тоже скоро продал. Стал сам делать горшки, привез в город, а у него ни одного горшка не берут: „У тебя в те базары мы набрали горшков, и как поставим в печь, так и раздавится“. И с тех пор ни одного горшка не бирали.

92. Прибавка на бедность.

Заказали сапожнику сапоги шить. Он работал с подмастерьем мальчишкой; вот, конечно, он сработал и сапоги и понесли, „Ну, говорит, если хозяин будет расчитывать, ты, говорит, скажи: „Прибавь на бедность-то“. Заказчик получает сапоги и хватает за волосы „Мерзавец испортил только кожу то“. Вот он его рвет, не отступает, а мальчик все кричит: „Прибавь ему на бедность, дядюшка, прибавь на бедность-то“. Хозяин устал, а мальчик-то всё кричит „Прибавь на бедность“.

93. Охотничье вранье.

Соплились два охотника и заливают друг другу. Один говорит: „Попадает мне заяц, я хлоп его и в сумку, лиса попадает я хлоп её и в сумку, попадает волк, хлоп его и в сумку, медведя хлоп и в сумку“. Другой говорит: „Врёшь, приятель, этого не должно быть, этого не бывает. Медведя в сумку не положишь: Послушай ты! вот что я расскажу тебе. Иду я под вечерок опушкой и вижу бежит лисица. Ружье у меня было на плече не заряженное, был у меня только порох, а

доби не было и ни пуль и ничего не было. Я положил порох в ружье и ищу на земле, чем бы зарядить вместо пули, вижу лежит еловая шишка, я взял да забил в ружье-то, прицелился, выстрелил; смотрю, моя лисица бежит, лисица покачивает головой, вижу, что не убил её и пошел домой. На следующий год прихожу на это же место и удивляюсь, вижу еловый куст движется, подхожу ближе, разглядываю и представь себе, это та самая лисица, в которую я стрелял и на лбу у нея еловый куст; оказывается, что я попал ей шишкой, в лоб, и из этой шишки вырос еловый куст.

94. Боже, очисти!

К одной старухе забрался в чулан вор. Старуха в это время молилась и услышала, что-то не ладно, и вышла осматривать. Подошедши к чулану, она стала отпирать. Вор видит, что дело не ладно, и стал скидывать рубашку и штаны и всгал в угол и размахнул руки. Старуха, вошедши, испугалась и начала молиться: „Боже, буди милостив мне грешной!“-Буду, буду“. „Боже очисти мя“-Очищу, очищу. „Боже, очисти и сестру-то, она вон сзади живёт“—Очищу, очищу. „Боже, очисти зятя-то“,—Не угожу, не угожу.-Старуха ушла к сестре рассказать, что случилось, и говорит: „Сестрица идём ко мне, у меня распятие явилось, и я просила его: Боже, буди мне грешной, и он сказал: буду. Боже, очисти мя и сестру, и он сказал: всё очищу. Боже, очисти и зятя! он сказал:—не угожу“. И они пошли в чулан, но в чулане ничего не было, ни распятия ни имущества. А это вор, когда они ушли, всё забрал. Тогда они пошли к сестре и у её тоже было очищено.

95. Сборщик.

Один ходил сборщик с образом Николы Святителя и насобирал денег много. Возвращаясь домой, и на своем поле вздумал разделить; сел у столбика, а образ поставил на столбик и стал раскладывать деньги на три кучи и говорит: „Одна куча ношателю, другая куча прошателю, третья Николе“. И подул ветерок, а образ упал на деньги, сборщик и закричал: „Ты Никола, на захват? так и я на захват“ и забрал все деньги себе.

96. За компанию жид удавился.

Было дело при Петре I-м. У Петра Первого был слуга еврей Мойша, и вот как Петр Первый был любитель пирушек, однажды компания молодых людей пригласила Петра Первого на пирушку, и вот в ознаменование этого случая они подарили Петру Первому кубочек с надписью „за компанию“. И император Петр Первый любил этот кубочек брать с собой даже в поход. Из этого кубочка любил пить всюду и, произнося тосты, говорил: „Пью за здоровье и за компанию“, которая подарила ему. Была война со Швецией, он поехал на войну, а этот кубок оставил дома. И вот пробыв в армии несколько лет, слуга Мойша еврей думал, что Петр Первый позабыл

этот кубок, взял этот кубок, продал и деньги взял себе. И вот Петр Первый, приехавши с похода (с войны), и сделал бал, и вот на этом бале в один прекрасный момент кричит: Мойша! принеси мой кубок „за компанию“. Но Мойша знает, что этого кубка нет и взять его негде и, зная гнев Петра, пошел и удавился. С того времени и началась поговорка: „за компанию жид удавился“.

97. Добрый молодец.

Жил я добрый молодец в своей деревне, не знал радости веселья, только и знал одно воскресенье. И вот пошел я странствовать и пришел в несбытую деревню и взошел не в жилую избу и поглядел на залавочек, а на залавочке квашня бабу месит. Попросил я полтора тѣстица, и она меня тѣстявѣй мутовкой по лбу, и я с этого горя бросился на двор, а на дворе корова бабу доит. Попросил я у нее полтора молочка и пол пресной чашечки, а она меня пресной чашкой по лбу, а я с этого горя шол возле забора и упал да в яму попал. И в этой яме три года копал и выкопал себе железцо не велико не мало, с комарово плечо, и пошел я в кузницу и сказал себе топорик, не велик не мал, с игольны уши, а что делать этим топориком? Пошел я в лес рубить сухо-дерево, крапиву, а крапива-то меня и придавила, ни кто про меня не знает добра молодца, только и знают три ангела Господня: первый ангел Господень комар с заполья, второй муха из задворья, третий—мышь из подполья, и вот они подхватили меня, взяли и посадили на одну колѣсочку и привезли к церкви, церковь из оладей складена, дверь из пирога, калачѣм заперта, кишкой обведена. Я тогда был смел, соскочил и пирог-от с'ел, а калач разломил да в карман положил, взошел я в церковь, а в церкви образа были пряничные, а свечи были морковны, а лампадки были репины, и я был до этого смел и всё это с'ел. Иду я церковью, стоит поп—толоконный лоб, я ударил его в темя, посыпалось у него из з—цы семя. Иду я церковью и стоит дякон и держит пива ковшик, я пиво выпил, а его из церкви выбил. Вот вам и сказка, а мне кринка масла, тебе кочешок, а мне денег мешок, а вам гилѣнка, а мне денег избѣнка.

98. Жили мы в троём.

Не знаю, в царстве каком, жили мы втроём—я, бабушка и дедушка, и жили мы богато, деньги загребали лопатой, и жили мы привольно, и хлеба было у нас довольно, на брусу скирды складали, а на шостке стоги метали, и скотом Бог не обидел, двадцать пять кошек доёных и двадцать пять коров опоёных. Бывало, дед пойдѣт коров поить, а бабушка примется кошек доить. Да вот с ней беда случилась: один пѣстрый кот, озорник шалорливый, игривый, „своей гривой скирды поскидал, и придавило бабушку колосѣм, и завопила она зычным голосом, она тут и преставилась, даже в баньке не попарилась. И мужик по ней сгоревался, плакать собрался, да пара слезинок скатилася, да спасибо едина назад воротилася, мужик с тоски убивается, поминки делать собирается и сделать хочет их на-

славу, растворяет на наперстке опару. Сказали суседи:—Полно, дедушка, горевать, не пора ли пиво затирать? Пиво затираем, в чану распускаем, пиво было пузырно налили двадцать пять бочек пупырных а у нас обычай таков про гостей наготовить блинов; и вот как напали на блины суседи, как на мёд медведи, первый блин чередом, а другой в горле колом, а третий суёт, да догадались и сами отказались. Пошли гости, перхаючись, от угощенья ругаючись, а сосед всётаки по своей старухе горюет и всё говорит: „Было сыто, полно анбара жита, пыли да гороха, от стены до порога, а рожь была сыроколочанная, вся была червями источена, было бы без переменки, из году в год пекчи лепёшки с гнилым горошком, да старухи то нет. Вот вам это присказка, а потом сказка впереди. Слушать, не зевать. Садись кто на шесток, кто на лавку, но неделайте давку; если тесно в хате, полезайте с Богом на полати. Начинается... В нашей деревне была харчевня, не простая, но белая, торговали ветчиной и ржавчиндой, пивом спитым, чаем слитым, а о водке и говорить нечего, настоящая столовая, перемыта водой, што и любили бабы своим мужьям этой водки подносить: што больше муж водки пьёт, то трезвее домой идёт. „А хазяин этой харчевни вжись не ошибался, пил не пропивался и копил только дочерям приданное, но у него был служащий, не урод, а жил за три деньга в год, да жизнь ему была неудачная: полюбись ему девка красная, румяная, с поволдой глаза, сзади русая коса, до шолковё пояса, да нечья небудь, хозяйская дочь, и полюбись вот ему; и не мѳжет он без неё жить „И люблю, говорит—я дочь Парушку пуще зрелой морковины. „И думал он как бы её замуж взять, но ведь замуж взять надо деньги, а ведь на воровство пуститься совесть надо потерять, честного имени не знать, а воровать, плутовать надо под видом благочестия, а любил пословицу: „бедным быть да честным слыть“; накладывает на старую рубаху новую заплату и пошел гулять в трактир, но в трактире разговорились про деньги, а один служащий Гаврюшка говорит: „Деньги хоть лопатой гребь!—Да как это?—спрашивает Сидорка его. „А вот есть Иванов цвет—всем травам трава и всем цветам цветок, и вот как его только достанешь, сами будут клады даваться, не ленись только обирать, а этот цвет растёт на папоротнике или на кодочижнике, на Ивана Купала“. Но Сидорка не трус, намотал это на ус и распросил, как его достать, и дождался дня и ночи, украл у хозяина укруг хлеба, положил его за пазуху и отправился искать папоротнику, и нашол сильный куст папоротника, и завалился под него, и вытащил укруг хлеба и стал его волчьим аппетитом убирать, но в это время звездочки поднебесны так и сияют, он и думал как бы достать..... (Конец утерян).

99. Благочинный сластун, поп хапун, дьякон свистун и дьячок топтун.

В одном селе жили: священник, дьякон и дьячек. В пасху ходили славить Христа, насобирали яиц при христосовании, поклали все их в кадку. Когда стали делить в доме священника, то священник настаивал на выделе ему трёх частей, дьякону—две, а псалом-

щичу—одну. Псаломщик и дьякон не соглашались, настаивали на равных частях. „Потому что—псаломщик говорит—что я не меньше тебя целовался, у меня тоже губы-то опухли“. Во время этого спора псаломщик подобрал полы, вскочил в кадку с яицами и начал их топтать; а дьякон присвистывал. Священник поехал к благочинному с жалобой и увёз ему кадку м-ду. Дьякон узнал это и поехал к архиерею, разъяснил ему, в чём дело. Архирей прислал указ: благочинного—сластуна, попа—хапуна, дьякона—свистуна, дьячка—топтуна, всех на месяц под начало.

100. Конь и всадник.

Вот славили поп, дьячек на Пасхе и переходили из деревни в деревню; был ручей. Псаломщик был в кожаных сапогах, а поп в калошах, в хороших сапогах. Поп и говорит дьячку: „Перевези меня через речку на закрошках (на плечах)“. Дьячек долго упирался, но по подчиненности принужден был посадить на плечи попа. Пошел ручьем, и в середине ручья оба упали. Поп, конечно, разобиделся и благочинному жалобу. Благочинный к архиерею. Архирей вызывает дьячка и спрашивает, как было дело. Дьячек рассказал правду, как было дело, и вот через месяц архиерей шлёт указ благочинному: коня и всадника, обоих на месяц под начало.

101. Иван перехитрил попа

У попа украли лошадь, вот он подозревал на Ивана, своего сельского; конечно, он его спрашивал, он отказывался.—„Не бирал, батька“. Вот встретились один на один, и говорит поп: „Ну, вот—говори—ну, говори, Иван, всю правду, признайся, я взыскивать не стану, Бог простит тебя“—„Я, батюшка, грешник,—сознался Иван. „Ну, вот и Бог простит, только сознайся при всех во время обедни, я спрошу тебя“. Конечно, пришло воскресенье, Иван нейдёт в церковь, священник смотрит, потом увидал Ивана в церкви и говорит: „Ну, Иван, говори всю правду, а вы, прихожане, слушайте, слушайте, Иван не соврёт“.—„Слушайте прихожане, расскажу всю правду: у кого есть дети рыжие, это всё от нашего попа.“

102 Хитрость попа и дьячка.

В одном бедном приходе жил поп с дьячком, дохода у них было мало, вот они и вздумали, что дьячек будет воровать, а поп воровит. И дьячек унёс у одной бабе холст, а поп наворожил, где холст, и об этом попе прошел слух, что он умеет воровать. Однажды у одного купца пропали деньги, и послал он за этим попом своих слуг. Когда поп приехал, то купец вышел встречать попа, а в руку взял черного жука; Поп пришел в дом купца, у купца были гости, купец и говорит: „Что у меня в руке, отгани, батюшко?“ Поп был чёрный, как цыган, и его звали жуком, он и говорит про себя, что попался чёрный жучка пану в ручку, а у купца был, верно, в руке жук, и он сказал: „Верно“, а попу это и на руку. Слуги, которые украли деньги; были, тут и видели, что поп верно во-

рожить умеет. Поп на ночь попросил отдельную комнату, он думал, что к нему придут и скажут, что мы украли. Около часов двенадцати к попу кто-то постучался в окно, и он спросил: „Кто там?“ — Это мы, которые украли деньги, на их тебе, но не говори на нас. Когда поп взял деньги и спросил: „Что у вас рядом лес есть и долина?“. Они сказали:—Есть. „Подите и рассыпьте мелкие деньги по долине. „А остальные поп взял себе. Когда купец пришел к попу и спросил: „Ну что, батюшко, кто украл?“. А поп и говорит. „У вас есть лес и долина, вот там и след в тот лес, а дальше я не вижу, куда ушли воры? Купец пошел и видит, что верно, рассыпаны деньги и привели в лес. Купец попу дал за воровбу денег, и поп уехал. Когда поп приехал, то и сказал дьячку, что мы попадем с этой воровбой. Они решили сжечь свой дом, и скажем, что сгорела книжка, воровать не-пы-чему. И так они сделали.

103. Козы и поп.

У попа было четыре дочери и было много коз. Посылает поп одну дочь пасти коз. Идут козы домой и мычат. Поп вышел на крыльцо и спрашивает коз: „Наелись-ли? напились-ли? под кустам належались-ли? шелковы травы нащипались-ли?“ А маленькие козы отвечают:—Напились, наелися, под кустом належались.— Большие козы отвечают: „Не наелися, не напились. дочь твоя ушла от нас, оставила нас одних“. Поп её убил. Вторую дочь послал. Дочь пошла пасти. Идут козы домой, замычели, поп опять спрашивает, и те так ответили: „Не наелися, не напились“. Поп и ту дочь убил. Так послал и третью. А третья дочь убила больших коз, а маленьких оставила. Маленькие пришли и рассказали попу. И убил и третью дочь, и четвертую.

104. Жеребеночек.

Жил поп с попадьей. Попу в подарок мужик принес тебеку *) и говорит: „Это тебека.“—Да я знаю, что мне-ка, да это что? „Жеребьячьи яйца,—„Ты вот сядька в гнезде и высидишь жеребеночка.“ Поп сел в гнездо. Неделю сидит, другую сидит и все нет ничего. Попадья уж стала горевать ее и научила: „Нарядись-ка стражником да хлещи в гнезде-то.“ Попадья так и сделала нарядилась и давай хлестать по па. Поп вскочил с гнезда с дыней и побежал в лес, а попадья за ним. Наконец поп устал взял дыню, бросил под куст, а под кустом был заяц, заяц побежал, поп заплакал что ему ни дали досидеть. Маленько-бы посидеть и высидел-бы коня.

105. Б е д н я г а.

Жил мужик с бабой очень бедно. У мужика было 40 к. денег и думает: „Куплю я два поросёнка и от них будут другие поросята и разбогатею.“ Так и сделал и нажил 300 рублей. И думает: „Куда деньги деть?“ и купил за 40 к. шляпу, а 300 р. отдал в 3 трактира

*) Тыква, дыня

по 100 р. И сказал трактирщику: "Если он позовёт попъв и напоит на сто рублей в каждом трактире и махнет шляпочкой и скажет, что квит, и чтобы хозяин подтвердил, что квит. Мужик позвал попа, дьякона и дьячка чай пить и напоил в трактире на сто рублей. Хозяин трактира пришел и сказал: „Вам надо убираться, а мне надо закрываться“. Мужик махнул шапкой сказал: „Квит“, а хозяин ответил тоже: Квит. И так мужик водил их по всем трактирам и набирал по 100 рублей и говорил, что квит—и всё был квит.

Видит поп, что у мужика шапка какая-то волшебная, что скажет: квит—и квит. Подумали с попадъей, с дьячком и дьяконом и решили, что-бы ни взял денег, за шляпу отдать. Пошли к мужику. Мужик запросил 1000 руб. Поп дает 500 руб. Сладились за 1000 р. Взял поп шляпу и пошли с дьяками пировать в трактир. Напировали на 300 руб, Пришел хозяин трактира и говорит попу и дьякам: „Вам пора убираться, а мне пора закрываться“. Поп вылез из-за стола, махнул шляпчёнкой и говорит хозяину: „Квит“, а хозяин отвечает:—Нет, врѣшь, не квит, подай денежки.—Так и отдал. Потом пошли в другие трактиры, и там всё случилось то же. Видит поп и дьяконы, что они не умеют махать шапочкой, и пошли к мужику учиться махать шапочкой, чтобы выходил квит. Но мужик запросил с них дорого 1000 р. Поп и то дал. Пошли опять пировать по трактирам, но всегда приходилось деньги платить. Рассердился он с дьяконами, что мужик их обманул, и пошли бить его, Мужик прибѣг к новой хитрости. Когда колол поросѣнка, то пузырь налил крови и привязал его к своей бабе к пазухе. Когда поп пришел к мужику, то он как даст бабе в пазуху, у нее кровь потекла из пузыря, и она притворилась мертвой. Поп заахал. „Вот мы теперь ему дадим“, но мужик взял с полки палку и сказал: „Палка живилка, оживи мою бабуку“. Баба встала, как ничего небывало. В это время у царя умер сын, и он обещал, если кто оживит, то отдаст тому полцарства. Поп и говорит мужику: „Продай мне палку.“ Но мужик говорит „Давай 2000 руб., так отдам.“ Поп отдал и поехал к царю оживать сына. Приехал поп, а царевич уж лежал в церквѣ, поп подошел к нему и щелкнет ему по лбу, думал, что оживит, но было бесполезно, Поп с дьяконами рассердился и пошли мужика бить ночью, но мужик заперся и припас полено, если придется драться. Поп полез в подворотню. Мужик его как шаснет, ударит, так и убил. Потом полезли дьякон и дьячек, с ними было то-же. Мужик порядил вора отнести ночью попа в пролубь, но и тут схитрил. Когда тот пришел, то он подает дьякова, а вор думал, что это поп пришел из пролуби и утащил так всех попа, дьяка и дьячка. А мужик стал богачем.

106. Поп и работник.

У попа не жили работники, попу нужен был работник: поп и порядил работника с условием, если поп не сдержит работника, то из поповой спины вырезать ремень; если не сживет работник, то из работнической спины вырезать. Поп с попадъей собрались в гости и говорят работнику: „Мы уходим в гости, ты смотри у анбара над дверью“. Работник у анбара дверь выставил, взял веревку, эту дверь за плечо и пошел с дверью вслед за попом, пришел где находился

поп, дверь приставил к дому, а сам работник вошел в избу. Поп и говорит работнику: „Ты зачем сюда пришол?“ Работник отвечает: „В гости“. — „Мы тебе велели над дверью смотреть!“. Работник отвечает: „Я её принёс с собой“. Поп стал работника бранить: „У нас все анбары заберут!“. — „Ты велел на дверь глядеть, я её сюда принёс“. Поп с маткой думают: „Что нам делать с работником?“, и придумали от работника убежать, а работник будь не плох, сел в ихней пещор. Поп взял и надет на плечà пещор и говорит: „Матка! давай побежим от работника?“ Поп с попадьей бегут, что не есть силы, а работник сидит в пещуру и кричит: „Я батько здесь!“ Поп говорит матке: „Бежим прятче, за нам работник бежит.“ Поп из сил выбился, а работник кричит: „Я, батько, здесь! здесь!“ Поп с маткой измучились, что сделать с работником, и придумали: „Давай, матка, ляжем к реке?“ Работника положили с краю к воде. „Он уснёт, соннова столкнём в воду“. Работник не будь плох. Поп с попадьей уснули, работник откатил попадью к реке, а сам лег в середину. Поп проснулся и с просонку грох попадью в воду. Попадья закричит: „Батько! тону! тону! батько тону!“ Поп работника будит: „Скоре-скоре тащи матку!“ Работник кинулся в воду, матку вытасял. Пошли домой, пришли домой, а у попа пропала дочь: её утащили черти. Поп и говорит работнику: „Иди отыскивай нашу дочь.“ Работник взял лычко и попову шляпу, пошел к озеру, сел на берег и стал верёвочку плести. Из-за озера выходит маенький бесёночек и спрашивает: „Чего мужик делаешь?“ Работник отвечает: „Верёвочку вью.“ — „Куда она годна?“ — „Море мёрчить, да вас чертей кёрчить. Отдайте попову дочь!“ Бесенок испугался, в озеро бросился, потом сказывает старому бесу: „Я видел чудо на берегу,—мужик и плетет верёвочку; я спросил его, куда тебе верёвочка нужна—он ответил: море мёрчить, да вас чертей кёрчить, отдай же попову дочь“. Иди и скажи ему—послал бес бесёнка: „Работник, давай бегать, если ты оббежишь меня, то я тебе попову дочь отдам, не оббежишь—тогда наша будет“. Работник согласился. У работника в руках был заяц. Работник отвечает: „Что мне с тобой бегать, у меня есть мальчишко 3 лет, ушки как стрелочки, глазки как щёлочки, и то тебя оббежит“. Бес с зайцем побежали. Бес кричит: „Давай сравняемся!“ А заяц все пуше бежит и убежал от беса из вида. Бес воротился, пошел сказывать старому бесу, что „Мальчишко оббежал“. Старому бесу поповой дочери жалко отдать, посылает сказать работнику, что бес желает поборотса с работником. У работника был приготовлен медведь. Работник отвечает: „Что мне самому боротса, у меня есть дед, ему сто лет, он и то с тобой поборотса“. Бес с медведем схватились боротся. медведь схватил беса и давай его ломать, корезить, что насилу бес от медведя вырвался. Пошел к старому бесу сказывать, что приходится попову дочь отдать. Бес и говорит: „Скажи работнику, кто свиснет прятче, того и будет попопа дочь“. Бес свиснул—игольник с лесу полетел. Работник говорит: „Завяжи глаза“. Бес завязал. А работник взял деревянную дубину, да по лбу как ударит, у беса чуть глаза не вылетели. Бесу опять жалко попову дочь отдать и говорит: „Возьми лучше золота шляпу, а попову дочь не отдадим“. Работник согласился взять золотом, только чтобы была пол-

ная шляпа. Работник вырыл большую яму, на шляпе прорезал дыру, над ямой держит шляпу, а золото в яму сыплется. Бесы носили, носили. золото все вытаскали, больше нет, так шляпу и не доклали, и пришлось отдать попову дочь. Работник приходит к попу, поп очень обрадовался: работника поп наградил, да золота и так очень много у работника осталось. Работник стал жить очень богато с тех пор.

107. Ванька... шут.

Жил Ванька шут, вот ему подошли лета, и он женился. На свадьбе у него было много гостей и он припас две плеточки: на одной плеточке был пузырек с кровью, а на другой с водой и сказал своей жене, что если я охлесну тебя плеткой с кровью, то ты и упади и притворись мертвой. Когда гости с'ехались, то Ванька охлеснул ее первой плеткой, и жена его упала и притворилась мертвой, а кровь из пузырька вытекла и покрыла пол; сбежалось все село и говорили, что Ванька убил жену, но Ванька охлеснул другой плеткой, и жена вскочила. Эта плетка пондравилась одному из гостей, и он купил ее за 50 руб. Когда мужик пришел домой, то и начал хлестать жену первой плеткой и всю избил в кровь, а жена не помирает; тогда мужик хотел утопить Ваньку и зашил его в куль и отвез на берег реки. Когда он сходил по мужиков, то он кричал, что "меня кцарю в писаря везут, а я писать не умею". Проезжал мимо чиновник и остановил лошадей и сказал своему кучеру "Поди завяжи меня в куль, я писать умею". А Ванька вышел взял одну лошадь у чиновника и поехал в село, но когда чиновника бросили в реку, то он забулькал: буль-буль-буль. Когда Ванька подезжал к селу, то увидела его matka и сказала: "что тебя утопили?" но Ванька сказал: "Вы слышали, я кричал: бурко, бурко, он ко мне и прибежал". Matka пошла к попу и сказала: "об Ваньке, что к нему прибежал бурко. "Подём, батько, я тебя столкну": Они пошли, и matka его столкнула; поп захлебал: буль-буль а, matkaи закричала: "Не надо бурых, они к нам не ко двору". И так поп и утонул.

108. Три правды.

Однажды муж с женой спорил, кто больше знает. Муж говорил: Я больше знаю". А жена говорила "А больше знаю, я знаю три правды" —говорила жена. "А муж сказал: "А я этому не учился—не знаю". "А коли не знаешь, так слушать не стану, а коли будешь знать—стану слушаться". Муж и говорит: "А не будешь слушатса, я жить с тобой не буду. И ушел. Пришел в город и порядился в работники на один год. Год проживши, хозяин ему сказал одну правду: "Первая правда, не пей дарового вина, живи ещё год, ещё скажу". Когда год он отжил, и хозяин ему сказал "Вторая правда не люби молодых вдов. Живи ещё год, тогда скажу третью". Отжил третий год, тогда хозяин сказал: "Третья правда—необдумавшись, не делай никакого дела". Потом наградил его за его старательную работу, дал хорошие кожаные сапоги, пиджак и денег и распростылись. Этот человек пошел

домой к своей жене. Шол он очень долго, зашол по пути в трактир чай пить. Когда пил чай, взошли в трактир два человека, потребовали водки и распивали, налили стакан и поднесли ему: „Кушай товарищ!“ Но он вздумал первую правду. И, как они не упрасивали пить, отказался. Эти люди ушли. Через несколько времени в трактир пришол пристав и спрашивает: „Не было-ли здесь таких-то людей? и непили-ли водки?“ А целовальник объяснил: „Были и недавно ушли.“ А пристав спрашивает: „Кто с ними был, не был ли этот человек?“ — показывает пристав. „Нет--говорит целовальник. — Они его угощали, да он не стал.“ „Здесь сделано убийство, и мы преследуем этих людей“--говорил пристав. Ну, этого человека отпустили. Он пошол дальше, и вот его нагнал человек, ехавший на двух лошадях, и посадил на вторую, а сам на первой; проежий был краснорядец и вез товар и говорил: „Вот в этой деревне будем ночевать вместе, у меня здесь есть знакомый.“ — Кто же тебе знакомый? „Есть вдова, больно хороша, я всегда к ней заезжаю, и ты со мной поедешь к ней.“ — Но он стал отказываться: „Нет, я вничём не пойду.“ — Ну ты хоть не пойдёшь в дом — в избу, то хоть ночуй во дворе. — Мужик согласился, только с условием — не говорить вдове. Вот вечером, когда они уже были у вдовы стучит ко вдове, она кричит „кто тут?“ — Это я Она догадалась; когда стучавшийся вошол во двор, она и говорит: „Вот что, у меня приехал краснорядец, привёз два воза товара, он теперь пьяный давай его укоюшим (убьём) и заберём весь товар?“ Он согласился, а мужик на возу всё слышал, тихоенько подошол и вырезал у этого человека ножницами лоскут от шубы и сам ушол со двора а эти сделали своё дело, убили краснорядца, лошадей выпустили, а товар забрали. Мужик шол с правдой, и его нагнали полиция, узнали, что он ехал с краснорядцем, и взяли его как участника — и что это дело его рук он рассказал всю правду и как все было и показал в доказательство лоскуток; по этому узнали настоящих виновников, после этого узнал он вторую правду. Пришол он в свою деревню, и, подходя к своему дому, жена увидала его из дальной и побежала к нему на встречу, на руках у нее был 2 лет ребёнок; когда она шла он узнал ее, и сердце у него взволновалось, и хотел ее ударить ножом, но, одумавшись, вспомнил третью правду и не ударил жену ножом и просил жену: „Наш-ли это ребенок?“ Она говорит -- Это соседки? Она ушла в село и попросила меня поводиться (понянчиться) с ребёнком“. После этого он обнял жену и говорит: „Теперь я узнал три правды. А жена сказала: „Я очень соскучилась и без этих трёх правд я стала бы с тобой жить“. И стали они жить да поживать да добра наживать.

109. Старик и старуха.

Жили были старик со старухой, и у них рос в трубе горох, и старик ходил в трубу и ел горох. И захотелось старухе поесть гороху, и старик посадил старуху в мешок и взял мешок в зубы и встал на лестницу. Старуха кричит старику: „Старик! долго ли ишо?“ — „Только на первую лестницу.“ „Старик, долго ли ишо?“ — „Только на другую — „Старик долго ли?“ — „Сейчас на остальную лестницу“. у старика из зубов вырвался мешок со старухой, и старуха убилась. Старик заплакал. Идет лиса и спрашивает старика: „О чем ты, бед-

ной, плачешь?— „Да старуха убилась“. Пойдем в баню, я тебе следаю“. И пошли в баню. Лиса оглодала старухины кости и говорит: „Отворяй!“—Старик отворил—лиса схватила старика и утащила в лес. И вся...

110. Родительское благословение.

Жил-был в деревне один крестьянин. У него было три сына: одного звали Федор, а другого звали Николаем, а третьего звали Иван, и они друг дружку ненавидели, и отец их всё ругал за ихню невогласие. И пришло время старшего сына женить, и приходит старший сын к отцу и говорит: „Батюшко! Я захотел жениться!“ Отец поговорил, поговорил и женил старшего сына, и старший брат стал жить хорошо. Пришло время, стали требовать у крестьянина из трёх сыновей одного в солдаты. И собрал отец всех сыновей к себе и стал говорить: „Кто из вас из троих пойдёт в солдаты?“ И насоветовали младшего брата отдать на службу, но младший брат супротивлялся и обижался на отца, но отец и не смотрел на него и только говорил, что скоро срок отправляться. И пришло время отправляться и стали собирать брата на службу. Служба была продолжительная, служили 25 годов, и сошлись все сродники прощаться с Иваном. И собрали совсем, и повёз его отец в приёмну, и приняли его в солдаты, но ему не хотелось идти, и приехал на место и прислал письмо своим родным, но на отца осердился и не стал слать письма. Но отец послал письмо и сказал: „Если ты на меня осердился, то и ви проси родительского благословения“. И Иван обрёл и упросил отца простить: отец простил и послал денег, чтобы ему получше было служить. И настало время, стал средний брат проситься жениться у отца, и отец женил его и послал брату письмо, что Николай женился. И выслужился Иван и пришел уже старой, годов 45-ти, и женился и стал жить с отцом. И те братья жили отдельно, и пришла к отцу смерть и призвал всех сыновей к себе и велел похоронить в своём селе, и стали все братья жить отдельно, а младшему достался родительский дом, и у них стали дети и теперь живут да хлеб жуют.

Х. Рассказы про разбойниковклады, покойников нечистую силу и прочее.

В свободное время от работ зимой, или летом в праздники под вечерок, соберутся, бывало, мужики где-нибудь в избе или около избы „на беседы“, и пойдут у них тут рассказы. Любят старики рассказывать „про прежнюю старинную хорошую, спокойную и веселую жись“, „сбыль“ и небывальщину и про разбойников, про которых слышали от своих стариков: как эти разбойники бродили по лесам (Ковернинского края) шайками, причем к числу разбойников причисляют и старообрядцев, укрывавшихся в лесах от преследования властей, а в связи с разбойниками непременно расскажут и про „кладычко“ (клад). „Нонче над старикам-то только насмеваются, а прежде-то время всему верили, и жилось хоросьвом, а теперь не верят ни вошо, а у за то и нету ничево и не будет. Што

ни говори, а нас не собьѣш с толку, мы хорошо знаем, што в матушке земле скрыто много всяких богась, есь и клады, только недоступно их взять, потому што мы недостойны“.

Эти рассказы о кладѣх и разбойниках приводятся ниже.

111. По реке Лемша в версте от с. Мамонтова (Ковернинской вол.) есть урочище „Громило“. В прежнее время тут жил пустынный „Громило“, неизвестно, откуда он взялся. Когда имение было Салтыковское (Салтыковских), вот от этого места в 8 верстах друг от друга к северу жил среди лесу другой пустынный „Волосатый“, и вот на заре они перекликались друг с другом: Громило оттуда, а Волосатый отсюда. Салтыков приходил к Громило. Для удобства перехода Салтыкову через реку Громило воткнул палку в реку так сильно, что провожатые не могли её вытащить. Куда и как они исчезли, неизвестно. В честь их названы и доли. Кроме того в честь Волосатого, где он жил, в 8 верст от Мамонтова, и лесок назван. Громило и Волосатый жили после Мусина-Пушкина, Шереметева; когда жил Салтыков, в то время они и жили.

112. К северу от Мамонтова за дер. Богословской в 6 верстах есть Юровское болото. По преданию, там находится клад. В прежнее время жили разбойники, и тут у них было становище, и, когда они разошлись, тут вскрыли золота и серебра 40 ношей и опустили в озеро, находящееся около болота, и тут с ними икону Божьей Матери. Клад был привязан цепью к сосне, наклоненной к полудню, но потом лес горел, и сосна сгорела, так что неизвестно, где находится клад теперь. В настоящее время вместо одного озера находится 5 озер. Первое озеро затянуло тиной, и образовалось 5 озер. Об клade ходили письменные сказания в то время в Макарьевском Костр. губ. и Семеновском Нижегородской уездах. В 1887 г. народу ходила уйма, очень много ходило народу искать с длинными железными прутьями (шупальцами). Тыкали в болота, искали клад. 1889 г. мы ездила компанией с несколькими человеками, приехали и нашли каменную выкладку, она из себя представляла широкий вал среди болота, и по валу камни страшные находятся, их бесчисленное множество. В стороне недалеко от каменной выкладки находится площадка среди болота, называемая „Кувешки“, где происходили игрища—„буѣвки“ (играли в городки) у разбойников. Старики говорили, что в прежнее время находили тут разные стеклянные вещи: шары и др., шашешницы находили деревянные. Разбойники из Унжи приходили по реке, которая вытекала из озера. Подход к озерам очень труден, нога вязнет по колено; когда к озеру подойдешь, и дна не видать, глубина страшная. Зимой мерили глубину, 12 сажен. веревку опускали, и дна не достали. От края оторвали и оттолкнули кочню шестами и опять мерили на месте, где была кочня (кочка); опять оказалась глубина 12 сажен (такая же). Кочню отрывали при мне (при рассказчике).

113. Когда не было еще дер. Чудова, жил барин Серков. Шайка разбойников (его) разорила. Он был очень богатый, громадные деньги имел. Его убили и разграбили, одним словом, начисто. Разбой-

ники нашли сороковую бочку и попрятали в нее золото и серебро, и с тех пор от места клада от Шмаков речка начинается и впадает в Чудове, у места у кузницы, в реку Пеуза.

114. Около 25—30 лет тому назад, вечером, когда стемняло, с гулянья заметили, в проулок светилась свечка, в полутора верстах от Чудобо у Шмаковских, (д. Шмаки, Ковернинского уезда) на поле, которо зовется „Грива Кирпишная“. На этой поляне выпаживали шмаковские мужики серебряные ложки и чашки и находили колодцы. Поглядели—и не пошли. Рыли до появления свечи. Старики говорили, что тут была шайка разбойников, оставила этот клад. Тут были леса, и дол, и гора крутая. Сороковая бочка серебра и золота. Тыкали шупальцами, нарощно заказанными, вырывали ямы и тыкали. Павел Карпов в Шмаках знает об этом. Лет более 20 перестали рыть тут. Огонь видали очень многие на этом месте, в виде свечи. Выпаживали части телеги.

115. Урочище Бель, в семи верстах от Ковернина, граничит это место два суходола. В старые времена (говорят старики) тут были леса, и водились двенадцать разбойников, которые ходили в Балахну, Городец, Нижегородской губ., воровать и принесли двенадцать нош золота и серебра; нажившись несколько времени, к ним влезла в стакан змея. Атаман сказал, что „наша беда“, и поспешно зарыли все серебро и золото, и в это время их переловили, и часть разбежалась. Старики говорят, что на этом месте показывается белый жеребенок, и, как за ним побегут, никак не могли изловить. Под Иванов день ходили рыть, 60 лет тому назад, с условием, если кто промолвит слово, то все пропадет. В это время шумел лес, на всех напал страх. Дорылись до котла закрытого, в 12 часов ночи зашумело, будто войско, и появилась белая кошка, взвизгнула и бросилась на место, где они разбежались. На утро они не нашли этого места, и с того времени называется это место „Кладовой дол“.

116. На лесу версты три от жилья (дер. Каменное, Ковернинской вол.) видели клад казался петухом.

117. Татарин и девочка

Раз проехал большой обоз в богатой дом. Мать и отец на мельницу уехали. Несколько человек уехали домой, а один татарин остался. Он сел за печь и уснул за печью. Тут пришла ночь, а татарин все спит. Девочка пошла по соседку. Соседка вошла в дом и стала везде ходить, тут лежит татарин, соседка ушла домой, и девочка пошла за ней. Как только ушла девочка, татарин лег на печь. Девочка пришла в дом, татарин и говорит: „Постели мне постель, сними сапоги“. Девочка сказала: „Не сниму“. Татарин говорит: „Я тебя зарежу“. Тут же девочка сразу выбежала и положила крючек и спряталась в погреб. Татарин замерз. Мать и отец приехали и нашли на печи 1000 руб. Девочка стала всё рассказывать

отцу и матери. Мать и отец пришли к соседям и говорят: „Давайте, татарина зароем в сад“. Ну, тут зарыли и поставили крест свят.

Много также рассказов приходится слышать от кр-н про покойников, а равно и про нечистую силу. в которую еще очень верят. Можно часто слышать от кр-н: „Што ни говорят учены и молоды-то, а все таки нечиста сила и щас есь, ежели бы не было иё, то чево бы тогда пугатся, хоша бы в лесу, али в доме, овине, кода один бываш; а то на-ко тебе! не тут-то было; как ни храбер человек, а все чево-то опасается, а уж разны случаи явно доказывают нечисту силу, вот например:“

118. 20 лет тому назад, в октябре умер от вина Ефим пастух в дер. Коловодях. Через две недели после смерти Ефима из Ковернина ехал на лошадях М. полем, кр. д. В., и подумал про Ефима. И вдруг подул ветер, сильно, сильно. И сзади нагнал он (Ефим) М., снял колеса; М. соскочил с повозки, надел колесо и без памяти доехал до своей деревни В. В то время М. было 17 лет.

119. Лет 25 тому назад Мишка, безродный мужичёк, опился, а кр. с. Ковернина М. лег кверху лицом и подумал, что на Мишке чорт катается, и стал засыпать. Вдруг ему показалось, что крайняя потолочина разошлась, раздвинулась постепенно, и Мишка тихонько стал спускаться вниз. М., недолго думая, с крепким словцом, хватил его топором и увидел поутру, что ударил в бревно, а ему в то время показалось, что ударил по ногам. Это событие произошло в караулке при магазине хлебом в Ковернине.

120. М.... же, десяти лет, сушил овин; растеплил. И лёг кверху лицом, а вдруг ему показалось, что из паузущины вылез умерший отец его до половины живота и кричит: „Лаврушка, сгоришь, экий крестьянин.“ Он так и замер от испугу. В это время мать прибежала в овин и кричит: „Лавёрка, Лавёрка! чай, не боишься,“ но он уже был без языка. М. был очень смел, небоязлив до этого события. Поэтому везде боятся сушить овины по одному человеку.

121. В деревне Коловодях, Ковернинского уезда, в июне месяце (1919 г.) на закате солнышка парилась старушка шестидесяти лет, Палагея Осипова, со старухой; потом старуха ушла, осталась она одна, к ней пришол знакомый красноармеец Талицкий, И. В. III. и её дочь Анисья и зарешна Марья и вырвали веник, Марья начала парить, красноармеец начал лить кипяток из котла на печи, а дочь кричала: „Не — дурите“ разговаривала их. А потом пришол зять и нашол старуху забитой за кутником, запареной, еле-живой. Она после всё это рассказала уже дома. Главное, её нашли под кутником (полком) вниз головой, кверху ногами. Она была с крестом.

122. 20 лет тому назад в с. Ключах старуху Варвару 76 лет запарили и отпарили. Пришли на второй день, узнав по рубашке, валяющейся у бани, а ее (старуху) нашли стоящей на коленях, обвалившейся головой на кутник, с крестом (благословенным), со спущенной кожей: кожа на ней не вся слупилась. Веник растрепанный, а она (старуха) исцарапана ногтями, почерневая, вытащил ее сын. Рассказывая описанный случай рассказчик прибавил: „Разе тут не он, не бес впутался. Вот испытали бы на себе учены-то, тогда бы поверили. Да ну што, нынче народ-от стал хитрей самово сатаны“.

123. 1904 года в деревне Мишкино на свозу парень шел уллицей и увидал покойника, и подошел к нему, и снял с него плат, и побегал в поседку, и стал говорить: „Вот я как с покойником резервтаюся“. Немножко погода, покойник пришел к окошку и говорит: „Отдай мой плат!“ А парень не отдал. И так покойник приходил три раза. Он не отдал. Так просидели до белого дня и пошли домой. Покойник стоял стоял у сеней, всех пропустил, а когда пошел тот парень, покойник схватил его и плат отнял, и его всего растрепал по клочку, и тут пропал.

124. В деревне Короваеве Прокофий Данилович задумал напугать соседку Ульяку Варину: нарядился в белую рубашку и белые штаны и сел в подполье в угол. А Ульяка гуляла и пришла домой, а дети кричат: „Мама, у нас в подвале-то покойник“. А Ульяка говорит: „Полноте, дураки“. А они: „Пря*), мама, поди-ка, погляди“. Она полезла, увидала в углу покойника; она приперла западну плахой и скричала народ, и полезли в подполье, а тут очутился ее сосед Прокофий Данилович мертвый и весь поседел с крику детей.

125. Крестьяне верят в „проклятие“ детей, как о том свидетельствует следующий рассказ, записанный мною в районе Кривоозерского монастыря.

От Кривоозерского монастыря полторы или две версты есть озеро Черное. Года три тому назад шли три мужика с лесопильного завода Бранта мимо озера, ночью. вдруг увидали девушку нагую по грудь, в воде посреди озера, и кричит она им: „Дайте мне с себя крест, и я выду из озера. Двадцать пять лет я в озере, проклятая отцом; а если не дадите креста, я опять уйду в озеро на двадцать пять лет“. Мужики не дали креста, и сразу так она заболтыхала озеро, что задрожала земля, и они упали с испуга. И вот это бывает часто.

XI. ЗАГОВОРЫ.

Крестьяне верят в различные заговоры, но знающие их про многие заговоры не скажут, „хоть убей на месте“, так как думают, что, рассказав другому, потеряют „знахари“ все свое знание, и заговоры не будут „дейсвать“. Их можно рассказать тогда, кода думаешь пиредить свое знание другому, по наследству, али хоро-

*) Правда.

шему приятелю—знакомому*. Поэтому заговоры с большим трудом поддаются записи, но все же мне удалось записать некоторые из них.

126. Заговор на остановку крови.

На море, на океане,
На реке на Иордане,
Промежду им белый камень лежит.
На камне сидит девица,
Соломонида,
Шьет-пошивает
Золотой иголкой,
Шолковой ниткой
Рану зашивает,
Кровь заговаривает.
Во имя Отца, дунуть,
И Сына, дунуть,
И Святого Духа, дунуть.
Во осияных дверях
Два брата рубятся
И ножами колятся,
А крови нет, три раза дунуть.
Говорить нужно шопотом.

127. Заговор на собаку и другую скотину.

Там тебе не дом,
Там тебе не двор,
Там тебе не хозяин.
Здесь тебе дом,
Здесь тебе двор,
Здесь тебе и хозяин (проговорить нужно трижды).

После этого берут ножницы, выстригают немного волос на голове собаки меж ушей. Эти головы делятся на три части, раскладываются, крошку хлеба и кладут на столбы на верее, и говорят:

Как верхница держится столба,
Так и собака чтобы держалась хозяина, или дома
(трижды говорят).

Первую ночь собака ночует на веревке, а потом никуда не уежит и не будет скулить. Оставь, где хошь, и все равно прибежит домой. Этот же заговор применяется к корове, лошади и другой скотине.

Нижеприведенный духовный стих признается тоже за заговор. От озепок, призору отговариват, и от всяких болестей и напастей самая коренная молитва*—говорила рассказчица.

128. Сон Пресвятыя Богородицы.

Во городе было, во Иерусалиме,
Во церкви, во соборе,
На Господнем на престоле,
Спала, ночевала Матушка
Пресвятая Богородица,
Со ангелам, со архангелам,
Со херувимами и серафимами.
И приходил ко мне Иисус Христос,
И спрашивает: „Матушка
Пресвятая Богородица,
Спишь али так лежишь?“
„Кое сплю, кое так лежу,
Тебя, истинного, на уме держу,
Привидела я тебя на мученьи,
Как тебя мучили терзали,
Копиями бока прободали
И в руки и ноги гвозди вколотили,
И против сердца
Пятый гвоздь вколотили.
Стали Христа с креста сымать,
Все церкви пошатилися,
И солнце с лучам закатилося,
Месяц со звездам померкли,
Земля затреслась,
Небо покулыбалоса,
Камени возопиялися.
Прошедший тут стоит
Город Иерусалим,
Во этом же городе
Лежит спящий камень,
На этом спящем камне
Стоит Христова Гробница,
В этой Христовой Гробнице
Стоит Мати Мария,
Плачет и рыдает:
„Спи мой возлюбленный,
Что сия сотворил еси,
Утроба моя нетерпеливая,
Утробою являюся.
Уста моя кровью запеклися“.
— Не плач, мать моя Мария,
Не одна ты осталася на свете,
Остался Иван Богослов,
Остался Иван Златоуст
И две сестры Лазаревы,
Марфа и Мария.
Я не ангела по твою душу пошлю,
Я сам сойду.
Спишу я этот сон
На белую бумагу.

На зеленую, шолковую
И поставлю в храм Божий:
Станет мир сходится,
Этому листу помолится:
Кто этот сон знает,
Трое в день читает,
В суд пойдет,
Не осужден будет,
Из суда пойдет,
Не обранен будет.
Во веки веков. Аминь.

ХII. Приметы и поверья.

Из предыдущего видно, что вся крестьянская жизнь пропитана еще дедовскими и прадедовскими взглядами, верованиями и пред-
рассудками. На всё у крестьян свой веками сложивший взгляд на
все свои приметы и поверья. На некоторых из них стоит остано-
виться.

Скотина дорога крестьянину, а поэтому он особенно стара-
тельно ухаживает за ней, как за самой дорогой поддержкой в его
хозяйстве. Заботясь о ней, он давным-давно создал приметы, в кото-
рые уложил свой многовековой опыт. „Хоша и зовут стариков дура-
ками, но оне вного верного предсказывали“, говорят крестьяне и
уверяют, будто сами все это испытали, лично убедившись в верно-
сти примет.

Некоторые из таких примет мне удалось записать:

129. Чтобы скотина держалась своего двора, отрезают волосы
чолки—гривы или хвоста и кладут в притвор, где пята стоит, под
эту верю.

130. Чтобы скотина велась и легко было для нее во дворе,
втыкают посреди двора шпшкарник, он растет в поле на меже; вты-
кают под перевод (балку).

131. Если доить корову нечистыми руками, после этого самого,
што делает муж с женой, тогда корова убавит модока, и попортятся
соски (сиськи).

132. Чтоб стояли—жили телята, нужно закопать мертвого
теленка во дворе в землю с неснятой шкурой, и телята будут
водиться (жить).

133. Мне рассказали следующее: в с. Мамонтове Ковернинской
вол, лет 7 тому назад, для того чтобы водились телята, крестьянин
Ефим Игнатьев Крутов запряг свою жену в соху и взрыл всю землю
во дворе, и в яме ставили живую рыбу головами кверху,—двух шурят,
и зарыли их. Размер их неважен и глубина ямы тоже. С того
времени телята и теперь живут.

134. Чтобы водились овцы, нужно держать собаку.

135. От падежа овец нужно принести осиное (осье) гнездо, воткнуть его где-нибудь в сарае, тогда и будет водиться, жить, или прививаться овца ко двору, как осы к гнезду.

Вместе с тем крестьяне примечают:

136. У кого куричий Бог (камень с дырочкой), подвешенный на веревочке, у того и водятся курицы. Это камень с самородной дырой, его находят больше случайно в поле и передают из рода в род.

137. Чтобы водились куры, также вешают во дворе и лапоть.

138. Если яйца выбирают из гнезда разные люди или кто либо ворует, тогда куры перестают нестись.

139. Если мужчина берет яйца из гнезд, тогда куры перестают нестись.

140. Обертку осьега гнезда употребляют в корму для того, чтобы петух был сердитый.

141. Для полного хозяйства или из-за охоты некоторые кр-не считают нужным держать собаку, а чтобы водилась собака, хозяин утром, еще не евши, плюнет на кусок хлеба голодной слюной и дает собаке есть, и она не убежит, привыкает к хозяину—пристает к тому человеку.

Верят в сны. Верят, что сон „под пятницу“ и среду действителен на весь день, а в остальные дни только до обеда. Сны рассказывают друг другу, а в семьях, бывает, и спрашивают: „Ну, што приснилось тебе ночью-то?“ Страшный сон опечаливает, стараются разгадать этот сон и весь день ждуть неприятного. Хорошим снам радуются особенно девицы.

„Уж как гля кресьянсьва дорого бывает летом ведро, право не рады ненасью; иной раз заметишь облачко дождливое, ворона ли прытко закричит, али дверь зачнет скрипеть, так уж и ждешь ненасья“. На всё у крестьян существуют свои особые приметы, например:

142. Женщина после совокупления, если даже и вымоет руки, но не вымоется вся сама, а возметса за святую воду, то вода в ночь сделается кишками, тенетом, как свернутое молоко.

Нередко мне самому приходилось слушать совет: „Не пережай на другу квартиру, окромя субботу и овторника, остальные дни тижелые и нещасливы, не уживесся с хозяевами“.

143. Картежники создали свою примету: для успеха в картежной игре вырывают жало у живой змеи, „язык раздвоенный“.

144. Кр-не „страшно“ боятся всевозможных лесных гадюк, а особенно укуса змей и стараются убивать их, а чтобы не ожила убитая змея, (полагают) нужно зажать её в расщеп растущего дерева и держать её, пока она высохнет.

Любопытны легенды про животных, создаваемые народом:

145. Лошадь разгребла сено в яслях, где лежал Христос, спрятан от преследующих, и выкинула его из яслей. Тогда Христос сказал: „Тебе век свой ездить и в хомуте помереть“.

146. Свинья зарыла Христа в борозде, за это Христос сказал: „А тебе валяться в хлебе“.

147. У осы просил Христос меду, она говорит: „У меня нет“. Он говорит: „У тебя век и не будет“. У шмели попросил, она говорит: „Только про себя“, а у мчёлки, она ответила: „А у меня хватит про весь мир“. Христос сказал: „У тебя будет весь век“.

Хотя и верят кр-не в безгрешность ребенка („он ангел“, „его душенька беспременно в рай попадет“), но все таки не совсем уверены в его хорошей загробной жизни. Если ребенок умрет некрещеный, или его „заспит“ (задавит ночью) мать, то после этого раздают сорок медных крестиков.

148. Существует поверье, если подаешь молоко, то как будто оно на том свете заливает огонь в аду около родственников.

149. Точно также, если убить змею, простятся сорок грехов. И много других поверий держится.

150. „Старики нам баили да и мы сами замечали, што если: встретится поп или кривая женщина, или девка, тогда будет неблагоприятие, неудача в делах“.

151. Если охотник, идя на охоту, встретится с замужней женщиной, он ворочается обратно, раздевается, потом вновь собирается и идет на охоту, иначе охота будет неудачна.

152. Вот собака—щасливая встреча.

153. Боятся очень колдунов, желают им скорой смерти. Если долго не умирает колдун, тогда снимают шелом с избы.

Крестьяне Ковсрнинского края считают грехом употребление некоторых видов пищи:

154. Конину „маханину“ грех есть, потому что у лошади не раздвоенное копыто, как у коров, и не имеет она жвачки.

155. Некоторые и зайца не едят, потому что у него лапки, как у кошки или у собаки.

А другие говорят:

156. „Зайца можно есть, потому что он имеет жвачку, ест траву и не кровожадно“.

157. Птиц не едят тех, у которых нет на лапках перепонки (голубей, ворон и т. п.).

Веря в загробную жизнь, крестьяне считают утопленников и ожившихся погибшими душами и стараются найти средства смягчить страдания будущей жизни погибшего человека.

158. По утопающим кладут верёвки на колодце для того, чтобы она доставала воду, чтобы она вытащила утопающего из ада. Оставленную веревку берет первый проходящий, привязывает к ведру и черпает воду.

159. За опившегося вешают колокола, обязательно в три прихода, этим вызванивают из ада душу. Панихиды служить, поминанники подавать, как за удушенника и утопленника, так и за опившегося — грех, а повесить колокола и звонить за грех не признается.

160. Трех петухов подают тому, у кого их нет, чтоб они их держали, чтоб петух пел. Кочета признают как ангела. Он пеньем помогает спасению опившагося. Кроме того, своим полуночным пеньем петух разрушает нечистую силу.

ХIII. ПОГОВОРКИ.

Умеют крестьяне и поострить очень меткими поговорочками. Кто ласков и добр только на словах, того называют: „языкова милость“.

Про робких и несмелых говорят: „Што это за люди, могут ли они што делать, видь они робки, как на воде пробки“.

Приведу еще некоторые из записанных мной поговорок:

161. Не годится с молодым водиться, надо готовить котому да катить в Кострому.

162. Печа сказать: „Чесная старушка—семеро детей“.

163. Чудно: все время молотят, а хлеба нет.

164. Рыло брито, табаком набито.

165. Захотелось быть волками, а хвосты собачьи мешают.

Приведу еще две записи, имеющие отношение к старообрядчеству, которого искони держатся в Ковернинском крае: старообрядческую азбуку и бесовское творение.

166. Азбука старообрядческая.

Составлена Кириллом Философом.

А.—Аз есмь всему миру свет.

Б.—Бог есть прежде всех век.

- В.—Вижу всю тайну человеческую.
Г.—Глаголю-же Вам, сыновом человеческим.
Д.—Добро есть верующим во имя мое.
Е.—Есть гнев мой на грешники.
Ж.—Жизнь емь всему миру.
З.—Зло законопреступником.
С.—Земля—подножие ногам моим.
И.—Иже престол мой на небесех.
І.—Иного Бога—несть разве мене.
К.—Како совещаше на мя зол совет.
Л.—Людие мои законопреступные.
М.—Мысляша на мя злая за благая.
Н.—На кресте распяши мя.
О.—Отцом желчию напоиши мя.
П.—Праведного сына Божия.
Р.—Разделиша ризы моя себе.
С.—Студно грех содеваючи.
Т.—Тернов венец возложиша на мя.
У.—Умы Пилат руце и рече:
чист емь от крови праведнаго сего.
Ф.—Фарисеи же возопиша: возьми, распни его!
Х.—Хотя иже спасения нашего вся претерпехомъ
отъ неправедныхъ беззаконникъ.
Ц.—Царски Вам подписаю свобождение.
Ч.—Чиста Вас приводя к своему отцу.
Ш.—Шатания вражия свобождаючи.
Щ.—Щедротами своего человеколюбия.

167. Бесовское творение.

Вельзеул, князь бесов с рогами, с хвостом и опаленными крылами, враждебник душ людских и лжи отец, предвидя миру нашему конец и убоясь гореть один в геене вечной, и умыслил грех ввести бесчеловечный. И он во аде думал тысящу годов, какой-бы ископать глубокой ров, чтобы им миръ весь погубить и душами грешными полнее ад набить. И он, возлюблений, зубами скрежетал, как лев, разверши челюсти рыкал и адския здания трещали, а бесы от страха трепетали. И онъ, с лютейшею досадою изрек: „По что кручусь и страдаю целой век. Хотя зрю, и развратен свет, но мне благоуханной жертвы нет“. Что же выдумал косматый—рогатый?—Вытащил из адова дна вязанку табачных кореньев и разослать по всей вселенной отдал старшему приказ, чтобы тот ретиво приложил старание, чтобы разослал бѣсов с табаком по всем городам, чтобы ходили и курили и людей чтобы научили, если спросят их: „Что ты делаешь такое?“—Онъ ответил:—„Это лекарство дорогое, бери и ты, кури и будешь здоров и умен, и скуки не будет“.

При записях некоторые из рассказчиков просили не упоминать их имена: „Спаси Бог! если так, то мы и рассказывать не будем“. Происходит это оттого, что старики и пожилые опасаются всяких неприятностей, а молодые—просмешки: „Тогда нас просмеют—говорят они—и ни показывайся на улицу. Ради Бога не пиши про нас!“ Впрочем, находились смельчаки, которые говорили: „Што за беда, если и будет моя фамилия, чай не Бох зныть што будет, не повесят, вреднова-то ничево нет в песнях-та, али в сказках, а можа, кто и припомнит нас потом“.

Пользуясь этим разрешением, я считаю полезным, кроме указания места и времени записи, дать хотя-бы краткую характеристику некоторых рассказчиков и певцов.

№№ 1—11, 13, 14, 37, 41—44, 48, 50, 53, 59—61, 66, 67, 72, 74—76, 78, 83, 92, 96, 101, 102, 105—107, 110, 113—115, 118—123, 127 записаны в 1916—17 и 19 г.г. в Ковернинской волости в разных селениях и от разных лиц: рогожников, сапожников, их жен, сестёр, родных и знакомых разного пола и возраста.

№№ 80, 89, 97 и 98 записаны в 1916 и 17 г.г. в с. Ковернине от *Александра Петровича Гладышева*, неграмотного (старообрядца), пятидесятилетнего холостяка. А. П. Гладышев среднего роста, с широкой тёмно-русой бородой, подстриженный под кружок, с улыбающимся лицом, хромой, с трудом передвигается с помощью толстой налки. Страстный любитель поболтать „о пустячках“. Торговал он кренделями, чаем, сахаром, дешевыми пряниками и конфетами, овсом, кнутами, верёвками, лаптями и пр. Так и жил в своей торговой лачужке. Между прочим, он был первый гармонист в окрестностях Ковернина и в былые времена пользовался большим почётом среди молодежи: всюду приглашали его на вечера и свадьбы, и любил он пошутить и посмешить своими весёлыми прибаутками. Он первый в Ковернине приобрёл граммофон, игрой которого собирал много народа к своей хижине. Всегда у его лавочки, в особенности в базарные (по четвергам) или праздничные дни, толпился народ, и всегда слышался весёлый и громкий смех. То он рассказывает что-нибудь смешное, небывальщину—какуюнибудь или сказку, или ещё чтонибудь в этом роде, или же у него играют в шашки или в карты, в козла.

Всякому „базарщику“ хочется узнать, что-нибудь новенькое. Чем можно было бы поделиться со своей семьёй и однодеревенцами, и вот за новостями он идёт „к Лёксандру Хрому“: „Что услышишь от него, то это верно, и боле ево нигде не узнаш“.

Во время германской войны не так верили официальным телеграммам, как его сообщениям, как будто он получал все сведения по беспроволочному телеграфу. От него можно было также узнать всю подноготную о каждом ковернинском обывателе. Жалко, что мне так мало удалось записать от него, но это произошло от того, что постоянные его посетители мешали мне.

Встретился я с ним и в августе 1919 г. но он отказался что-либо рассказать: „Нет, милый мой, дорогой М. М., не до рассказов мне, всё из головы вон вышло, живу в богадельне, всеми забытый!“... (у него закапали слёзы из глаз). Похудел он, поседел, и совсем пропала весёлость.

№ 166 записан в 1916 г. от *Ивана Тимофеевича Мишанова*, кр-на дер. Гавриловки Ковернинской в. И. Т. Мишанов, 45 лет, старообрядец „Поморского согласу“, любил почитать, побеседовать на любую тему, а особенно о вере. Обладал хорошей памятью, характера мягкого. Работящий, имел хорошее крестьянское хозяйство. Некоторое время был волостным старшиной, и, пожалуй, безошибочно можно сказать, что это был единственный образцовый старшина не только в Ковернинском крае, но и по всему Макарьевскому уезду, выделявшийся внимательным и хорошим ведением волостных дел. Умел поговорить с „любимым“ человеком. Умел ладить с крестьянами. Бывало, мужики окружают его среди базара, кричат, шумят, а он первоначально успокаивает: „Подождите, мужички, не кричите, успокойтесь, можно всё сделать, не горячься“. Скоро успокаиваются кр-не, и он подробно объясняет непонятное. Хвалили кр-не его: „Умный мужик Иван-от Тимофеич! всё то он толком расскажет“... Хорошо он знал Ковернинский край, всем интересовался, приятно было побеседовать с ним. Задумано было поработать с ним, собирались посетить многие „святые места“ (озера и т. п.), почитаемые народом, но в 1918 г. И. Т. ушел туда, откуда не возвращаются.

№№ 57, 58, и 69 записаны в 1916—17 г. в Ковернинской вол. от кр-на дер. Черной, *Михаила Яковлевича Куликова*, лет 50, малограмотного, с козлиной бородкой. Куликов служил рассыльным при Ковернинском вол. правлении; умел лечить (заговаривать) зубы: намазав большой ломоть (кусок) черного хлеба постным маслом и крепко крепко насалив его, предлагал с'есть зараз, только с верою в излечение зубной боли. Знал заговоры от тараканов и клопов. Когда пойдет „по волости“ (по деревням) с повестками или со срочными пакетами, то скоро не воротится, потому что был „страшный“ любитель поговорить. Так про него и говорили: „Ну, Миша отправился за смертью“. Имел он звонкий голос, который позволял ему петь песни на свадьбах и праздниках. При вручении повесток кому-либо для передачи он строго кричал: „Ты смотри! Ежели только не передашь вò время, тогда тебе напреет здòрово“. При волостных судах он стоял в дверях и наблюдал за порядком и, как только прочитают решение суда, он уже кричит: „Марш! Ну, уходите!, уходите! Ваше дело кончилось и убирайтесь вон. Да не мешайте-же! слышите али нет?.. давайте другому место!“ И вместо водворения порядка, он невольно нарушал его. Боялся он одного только волостного писаря, „как огня“. Писарь крикнет, бывало, на него: „Куликов, не шуми!“ Куликов тотчас умолкает. Был он увольняем со службы из волостного правления, и в это время служил ямщиком на земской станции; не раз возил он меня по делам службы. Потеха ездить с ним: всю дорогу кричит на лошадей, говорит без умолку и большей частью без толку, много и громко поёт. В 1916 г. произошел следующий курьёзный случай. Из Макарьева исправник срочно вызывает по телефону чрез волостное правление Ковернинского пристава, а Куликов спокойно отвечает: „Барин по телефону говорить сюда не ходит, он говорит только из ливной, звоните туда“—и сходить за ним отказался, за что и был оштрафован приставом.

№№ 49, 54, 56 и 68 записаны в 1919 г. в Белбажской вол., в Подмонастырной слободе, от кр-на *Макара Николаевича Пахтусова*, 73 лет, неграмотного. Наружность его говорит за него: это честный и скромный человек. Любил, бывало, и попить, и попеть, а теперь прихрамывает на одну ногу, страдает сильной слабостью и одышкой. Рассказал мне песни в сарае, „чтобы никто не помешал“. Вспомнил свою молодость, весёлую жизнь и пропел две песенки хриплым голосом, притоптывая больной ногой. Но память уже начала изменять ему: „Какой я певец, насилу хожу, уж смотрю в могилу, одна нога в могиле“. Уплатил я ему немножко за песни, но от большой суммы отказался.

№№ 47, 47а, 52, 62, 70 и 71 записаны в 1919 г., в Белбажской волости, в Подмонастырной слободе, от *Василия Петровича Рубцова*, 65 лет, еще бодрого старика. Пред рассказом предупредил меня: „Задаром я сказывать не буду, старинны-то песни и ране ценились, и бывалышно - то время за их поили вином, да ищо как! Не хошь да пей, а ужь за выюницу!.. Вот и ты сначала бы винца поднёс, тогда бы я запел веселую, а на сухую-то и язык не повёртывается. Вот мы прежде собираем артелькой, выпьем, а потом гряднем удалую, так сделай милость, а в кураже—то чорт знает, што набредёт. Лиха беда перво слово начать. А народу што собиралось слушать... Глазица-то вытырыскают и сидят и слушают. Петь-то лучше припомнишь, ты поёшь, а слова то и припоминаются“. Рассказал он мне вечером с маленьким припевом—при рассказе выюницы. Во время рассказывания мешала девочка (внучка его): „Дедушка! де-душ-ка, (дёргая его за рукав) ты долго!“ — „Погоди, погоди, скоро“. И сноха тоже не мало мешала. „Ужь не мода нынче на эки-то песни“—зевая во всю, говорила она—Кончай, старик, болтать-то, корова што-то нейдет, поискать-бы нужно“. Всё это сбивало и растраивало старика. „Раньше-то послободней жилось мне—шепнул он мне на ушко,—а нынче вон какой пащёнок (указав на девчёнку), и та норовит, помешать,—ужь про сноху и говорить ничего не остаётся. Эх! было времичко весёлое да прошло безвозвратно, и всё-то теперь запало (кончилось)—старые топерь ника-сайся ни к чему, стариков не слушают: „Вы, говорят, из дела вышли“. Старик махнул рукой. Обещал рассказать рано утром на другой день, но не застал его дома. Так и не удалось уплатить ему за рассказанное.

№№ 55, 63 записаны в 1919 г. в Белбажской вол., д. Вязовки, от *Василия Тимофеевича Орлова*, вечно весёлого, шутника, сухощавого старичка, женатого на третьей. По словам однодеревенцев, это человек испытанный жизнью, петля, бывалый, постранствовавший не мало и видевший всякие виды и всякого народа. Любил винцо. Самый лучший певец и рассказчик (в Белбажской вол.). Любит попеть и до сих пор поёт, и в поле, и в лесу, а случается и дома. Когда я вошел к нему в дом, он лежал на печи с шарфом на шее, только пришел от заутрени и лёг отдохнуть. Сначала посмотрел на меня, а потом сказал „Ну и песни-то понадобились, до всего добираются, и старину-то хотят забрать“, слез с печки и только что успел рассказать две песенки, ударили к обедне—перекрестился он и кончил рассказывать, приглашал меня к себе после обедни, но не уда-

лось больше его видеть. После обедни он уехал в поле „на помочи“ одной солдатке.

№ 128 записан в 1919 г. в Белбажской вол., в дер. Вязовке, от Прасковьи (Митрия Тихонова жены*), лет 60, неграмотной. Рассказала она мне поздно вечером с молитвой на устах: „О Господи помилуй мя грешную, избавь от муки адовой и геены огненной!“ — и при этом часто крестилась, то и дело протирала глаза пальцами, утирала губы руками, хваталась за нос, складывала руки крестом и клала их на живот. Про неё мне сказали, „хитрая баба“, „боёк“, „любила здорово выпить“.

№№ 111, и 112 записаны в 1919 г. в с. Мамонтове со слов священника с. Мамонтова о. *Николая Троцкого*, долгое время проживающего в этом селе, пользующегося большим уважением прихожан. Он — большой любитель потолковать про народные суеверия. Много мог бы рассказать, но на мой несчастье во время записи пришли три мужика и одна старушка с просьбой похоронить „маненькова покойничка“. Священник моментом управился с этим „покойничком“, а тут на грех за ним приехала баба „причастить умирающую“. Свящ. сердечно извинился и распростился со мной.

№№ 16, 17, 20—36, 38—40 и 45 записаны в 1919, в Завражной вол. Макарьевского у. от крестьянской девицы *Надежды Никифоровны Уткиной*, 22 лет, грамотной, продавщицы в О-ве Потребителей. При просьбе рассказать что-нибудь по обыкновению долго отзывалась незнанием и лишь после усиленной просьбы моего хорошего друга, А. И. Воронина, ея односельчанина, с большим стеснением рассказала мне означенные №№.

№ 46 записан в 1917 г. в глухой местности, с. Юрове, от содержания земской конной станции *Капитана Степановича Мотовичева* малограмотного, 45 лет, несколько лет бывшего Юровским волостным старшиной.

№№ 12, 15, 18, 19, 39, 40, 45, 73, 77, 79, 81, 82, 84, 85—89, 90, 91, 93, 95, 99, 100, 103, 104, 108, 109, 116, 117, 124—126, 129—165 и 167 записаны в 1916—17 и 19 г.г. в Ковернинской, Скоробогатовской, Белбажской, Ильинско-Заборской и Завражной волостях.

В заключение я считаю своим долгом сказать большое и сердечное спасибо всем рассказчикам и певцам, а также всем, кто оказал мне содействие в производстве записей.

в 1778 г. при воеводе кол. ассес. Серг. Темском. Сообщ. И. Н. Ельчанинов. М. Смирнов—Костромские вотчины Переславского Горницкого монастыря (материалы). Д. П. Дементьев—Из прошлого Пышугской и Заводской волостей Ветлужского у. Евг. Дюбюк—Подольская вотчина Кандалицева (из собрания Д. П. Дементьева). Вл. Алушкин—О дворянских гнездах (Воспоминания, впечатления и мысли). Выручка Баязета. (Письмо В. Шонорова к А. Н. Прохоровой). Исторические и бытовые материалы, извлеченные из дел Архива Костромско-Ярославского Управления З. и Г. Имуществ. Сообщил А. А. Ширский. К истории Костромских корабельных лесов—А. А. Алушкин—Забывтый проект соединения реки Костромы с рекою Сухоною.

21. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. VIII. „Этнографический сборник“, 152 стр. Кострома, 1917 г. (разошлись).

С о д е р ж а н и е: К. Завойко—В Костромских лесах по Ветлуге реке (этнографич. материалы). П. Зорин—Песни черемис Ветлужского уезда. Н. Виноградов—Костромская свадьба.

22. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. IX. „Железные болотные руды Костромской губ.“ 54 стр., Кострома, 1918 г.

С о д е р ж а н и е: А. Горский—Андобские железные руды. Н. Виноградов—Железная руда в Шунген, вол. А. Горский—Анализ железной руды из д. Щегольное, Макарьевского у. Е. Дюбюк—Раменский чугуно-плавильный завод. В. Смирнов—Местонахождения железных болотных руд в Костромской губ.

23. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. X. „Второй лесной сборник“, 174 стр., Кострома, 1918 г.

С о д е р ж а н и е: Е. Дюбюк—Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губ. В. Корш—Классификация насаждений в „Лесном Сборнике“. А. Орлов—Типы сосновых насаждений в Дымницкой даче и др. мелкие статьи.

24. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. XI. „Ест.-Исторический сборник“.

С о д е р ж а н и е: А. Жадовский—К изучению растительности Костромской губ. Г. Еремин—Грозы. Наблюдения в г. Костроме с 1915 г. по 1918 г. В. Куни—Питьевая вода г. Костромы. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры Макарьевского уезда. Г. Еремин—Наблюдения облачности в г. Костроме. Н. Сизова—Костромская черепаха. Э. Смирнов—Пункты находжений костей крупных ледниковых ископаемых в пределах Костромской губернии. А. Горский—Анализ железных руд из д. Губино и Абабково, Кологр. у.

25. Труды Костр. Науч. Об-ва, вып. XII. „Экономический Сборник“.

С о д е р ж а н и е: А. Алушкин—К истории Топливной организации в Костроме в 1915—1918 г. Н. Воробьев—Обзор Костромской губернии в экономическом отношении. Д. Павлов—Экономическая сторона Мисковского хлеводства. А. Знаменский—Из материалов по кожевенной промышленности Костр. губ.

26. Труды Костр. Науч. Об-ва, вып. XIII. „Второй Исторический Сборник“.

С о д е р ж а н и е: В. Алушкин—Печальник Костромской старины (памяти И. Д. Преображенского). Е. Дюбюк—Повесть о том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему потомству. В. Миндовский—Вичугская фабричная старина. М. Диев—Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века и др. (печатается).

27. Труды Костромского Научного Об-ва по изуч. местн. края, вып. XIV.

С о д е р ж а н и е: В. Смирнов и Н. Умнов—Материалы по библиографии Костромского края, вып. I. Общие справочные издания и естественно-исторические издания и статьи

28. Труды Костромского Научного Об-ва по изуч. местн. края, XVI

С о д е р ж а н и е: М. Зимин—Плачи по призванным на военную службу. В. Смирнов—Народные похороны и причитания в Костромском крае. К. Завойко.—Временные жилища крестьян.

29. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, XVI.

С о д е р ж а н и е: А. Розин—Разведки фосфоритов в Унженском районе в 1919 г. Г. Еремин—Полярные сияния. Наблюдения в Костроме с 1916 года по 25 марта 1920 года. А. Жадовский—Экологический спектр Костромской флоры. В. Вишневокий—Антропологические заметки о Костромской губ. Д-р Ал. Леман—Из орнитологических наблюдений в гор. Костроме и ее ближайших окрестностях. Н. Беляев—*Macrolepidoptera*, найденные в Нерехтском уезде, Костромской губ. А. Горский—Анализ железной руды из окрестностей Ковернина.

30. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, XVII.

С о д е р ж а н и е: М. Зимин—Ковернинский край (наблюдения и записи).

ц. 300 р

ц. 150 р.

ц. 300 р

ц. 150 р.

ц. 150 р

ц. 150 р.

Продаются отдельными оттисками статьи:

31. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры, Макар. у.	ц. 75 р.
32. В. Корш—Тилы лесных насаждений по „Лесному сборнику“	ц. 75 р.
33. В. Куни—Питьевая вода г. Костромы	ц. 75 р.
34. В. Матренинский—Леса Кологривского у. в естеств. историческом от- ношении, 168 стр., 1917 г.	ц. 125 р.
35. В. Смирнов—Н. Л. Скалозубов (некролог), 12 стр., 1915 г.	ц. 5 р.
36. В. Смирнов—Народные похороны и причитания Костромского края 106 стр., 1920 г.	ц. 200 р.
37. А. Ширский—Истор. и бытов. материалы извлеченные из дел Архива Костр.-Яросл. Упр. З. и Г. Имущества, 22 стр. 1917 г.	ц. 25 р.
38. Э. Шпор—Некоторые данные о цветении рясок, 7 стр., 1915 г.	ц. 25 р.
39. А. Языков—Общественная помощь призванным и их семьям (по данным анкеты общества), 26 стр. 1916 г.	ц. 25 р.

Издания Костромской Ученой Архивной Комиссии.

1. Руководство к производству археологических раскопок, 115 стр., С. П. Б. 1918 г.	ц. 25 р.
2. Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае, 34 стр., 1907 г.	ц. 75 р.
3. Н. Селифонтов—Сборник материалов по истории предков царя Мих. Фед. Романова I и II части, 373-62 стр. С. П. Б. 1901—109 стр.	ц. 300 р.
4. Л. Скворцов—Материалы для истории г. Костромы 362 стр. Спб., 1898 г., 1913 г.	ц. 200 р.
5. Каталог музея архивной комиссии. 73 стр., 1909 г.	ц. 25 р.
6. Журналы заседаний архив. ученой комис. 1898—1908	
7. Отчеты 1903—1906	
8. „Костромская старина“ выпуск VI, 283 стр., 1906 г.	ц. 200 р.
9. VII, 280 стр., 1912 г.	ц. 200 р.
10. С. П. А. Историческая записка о г. Плесе, 11 стр., 1910 г.	ц. 5 р.
11. И. Преображенский и Н. Альбицкий—Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX ст. „Далматовского архива“ 216-90 стр. Спб., 1895 г.	ц. 200 р.
12. Н. Селифонтов—Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и начала XIX столетия первого собрания „Линевского архива“ с двумя приложениями 85-27 стр. Спб., 1892 г.	ц. 200 р.
13. Его же—Подробная опись 142 рукописям XVII до начала XIX столетия (Лосевского) собран. „Линевского архива“ с 8 прилож., 71 стр., Спб., 1893 г.	ц. 200 р.
14. Его же—Подробная опись 272 рукописям конца XVI столетия второго (Шевлягинского) собр. „Линевского архива“ с прил. 171 стр., Спб. 1892 г.	ц. 200 р.
15. Его же—Опись документам архива бывших Большесольских, посадской избы и ратуши, XVI—XVIII столетия, 190 стр. Спб., 1902 г.	ц. 200 р.
16. Архив сельца Зиновьева (акты и письма) под редак. члена Костр. Учен. Архивной Комиссии А. Куломзина и сотрудника Импер. Арх. Ком. Курдюмова, 243 стр. Спб., 1913 г.	ц. 200 р.
17. Труды IV-го областного губ. археолог. съезда в г. Костроме в июне 1909 г., 129 стр., Костр. 1914 г.	ц. 200 р.
18. П. Алмазов—Путеводитель по г. Костроме и Костр. губ., 1909 г. 42 стр.	ц. 40 р.

Разные издания.

19. Красильно-набивной промысел Костромской губернии. Изд. Кустари. Отд. К. Губ. Земства, 1915 г.	ц. 500 р.
--	-----------

Библиотека общественных движений в России и XIX и XX в.

1. Записки П. Червина (новые матер. по делу каракозовцев). Костр. 1918 г.	ц. 80 р.
2. Записки предателя П. Гребнева. Костр. 1918 г.	ц. 125 р.
3. Воспоминания П. Червина. 1863—1865 г. Костр. 1920 г.	ц. 200 р.

Склад изданий - Кострома. Музей местного края.